
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 10, № 2, 2018

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 10, Number 2, 2018

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 10, № 2, 2018, 224 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 10, Number 2, 2018, 224 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. РГ.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, Член Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБун Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Member of the All-Russian Public Organization “Russian Association of Linguists and Cognitive Scientists” (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal

University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-12-23

УДК 1(091); 168.5

**ИСТОРИОСОФИЯ Н.А. ВАСИЛЬЕВА В ЗЕРКАЛЕ
СОЦИАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ДОКТРИН XX ВЕКА***Прядко И.П.*

***Цель.** Предметом статьи выступает историко-философская доктрина Н.А.Васильева, изложенная в его диссертационном исследовании. Раскрытие методологической стороны данной доктрины является целью настоящей работы. В качестве примера приведена концепция сравнительного обществознания Васильева.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования составляет сравнительно-исторический метод, а также общенаучные методы дедукции, индукции и аналогии, метод классификации, применимый как в естествознании, так и в общественных науках.*

***Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что автором выявлены методологические выводы русского мыслителя Н.А. Васильева, показано место идей творца систем логической неклассичности в методологии гуманитарных наук XX в.*

***Область применения результатов.** Итоги исследования могут быть использованы при преподавании общественных дисциплин, в первую очередь истории и социологии, а также в целях определения межпредметных связей между общественными и естественными науками.*

***Ключевые слова:** Н.А. Васильев; логика; воображаемая логика; законы истории; методология; эволюция; антиковедение; Римская империя; международные отношения.*

N.A. VASILYEV'S HISTORIOGRAPHY IN THE MIRROR OF SOCIAL AND SOCIAL-POLITICAL DOCTRINES OF THE XX CENTURY

Pryadko I.P.

Purpose. *This article covers the historic and philosophic doctrine by Nicolai A. Vasiliev that he included in his thesis research. This article is aimed at exploring the methodological aspect of the above doctrine through the example of the concept of comparative sociology developed by Nicolai A. Vasiliev.*

Methodology. *The core method used in this research is the comparative historical method, though other scientific methods (like deduction, induction, and analogy, a method of classification applicable both in natural sciences and in social sciences) are also used.*

Results. *The results of this study are that its author has identified the methodological conclusions reached by Nicolai A. Vasiliev, the creator of the non-classical logic systems, as well as the place that his ideas hold in the methodology of the humanities in the 20th century.*

Principal implications. *The results of this study can be applied in teaching the social sciences, first and foremost history and sociology, and also in order to determine the intersubject connections between social and natural sciences.*

Keywords: *Nicolai A. Vasiliev; logic; imaginary logic; laws of history; methodology; evolution; antiquity studies; Roman Empire; international relations.*

Введение

Известно, что в круг профессиональных интересов русского философа, социолога и логика Николая Александровича Васильева входили психология, история культуры, естествознание и литературоведение. Казанский профессор был неплохим переводчиком. Переведенные им сборники стихов Чарльза Алджернона Суинберна и Эмиля Верхарна были изданы в 1907 и 1909 гг. Однако до

сих пор эти важные стороны научного и литературного творчества выдающегося исследователя остаются в тени его логических заслуг [1, с. 48] [7, с. 53–81] [8, с. 31–52]. В настоящей статье автор намерен оценить историософские и социальные взгляды этого незаурядного мыслителя, изложенные в ранней работе – кандидатской диссертации 1906 г. «Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в связи с теорией истощения народов и человечества». Содержание этой работы было в значительной мере переработано самим казанским ученым уже в зрелый период его творчества в 1921 году, когда и состоялась ее публикация [6]. В частности, в Послесловии к историческому трактату были учтены, события, связанные с великой драмой революции и гражданской войны. Именно поэтому автор настоящей статьи полагает, что в антиковедческом труде Васильева нашли отражение взгляды на исторический процесс зрелого сложившегося исследователя. Неординарные выводы казанского ученого относительно причин социальных изменений были по достоинству оценены известным историком и социологом того времени Н.И. Кареевым. Мы не будем касаться собственно исторических выводов автора работы о падении Западной Римской империи (они неоднократно подвергались критике). Остановимся на науковедческой и историософской составляющей данного произведения. Здесь особый интерес представляет проводимая исследователем мысль о необходимости создания так называемой *сравнительной истории* – науки более высокого уровня абстракции, чем история. Отвлекаясь от пространственной конкретности, сравнительная историка, согласно плану Васильева, должна выявлять типичное и сходное в жизни разных народов на одинаковых этапах их социокультурной динамики. Поэтому предлагаемая казанским мыслителем наука должна занять место между историей и социологией.

Материалы и методы

Автор статьи опирается на общетеоретические методы, имманентные предмету настоящего исследования, — системе историософских

и исторических воззрений Н.А. Васильева в их сопоставлении с его логическим учением. В статье автор сочетает индуктивное обобщение фактов интеллектуальной истории начала XX века и дедуктивное применение данных обобщений в целях анализа незнакомого материала. В качестве такого материала выступает историософия казанского ученого. Поскольку исследование посвящено вопросам истории отечественной философии, в нем используется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить важные аспекты социальных воззрений Н.А. Васильева и выводы других историков и этнологов XX века – отечественных и зарубежных. При этом учитываются отдельные принципы созданной ученым неклассической логической системы. В частности, рассматриваются некоторые аспекты образования общих понятий в истории и социологии.

Результаты и обсуждение.

Биограф Васильева В.А. Бажанов обращает внимание на удивительную способность казанского ученого находить в любой области знания главное – то, что касается теоретических основ конкретной научной дисциплины [2, с. 209–228] (ср. [3, с. 131–136]). Будучи склонным рассматривать частные проблемы науки сквозь призму метафизического подхода, Васильев и в истории проявил себя как методолог и теоретик. Отвергая постулируемое неокантианцами деление наук на *номотетические* и *идиографические* (*т.е. законоустанавливающие* и *описательные*), исследователь исходил из того, что существуют законы, по которым развиваются исторические коллективы. На основе анализа теорий гибели Римского государства, предложенных исследователями-антиковедами, Васильев применительно к любому человеческому сообществу сформулировал *закон исчерпания духовной деятельности*.

Особенностью методологии ученого является биологическое истолкование феноменов культуры, понимаемых как проявления высшей нервной активности индивидов. Перенапрягая нервную систему, цивилизованный человек встает на путь вырождения. Данное обстоятельство позволяет Васильеву сделать пессимистический вы-

вод о том, что культура и деградация идут рука об руку, а городские сообщества обречены на вымирание. Явление деградации ученый называл *диссоциацией* и рассматривал его как возможный финал человеческой истории. Такой финал ждет, как мы уже указали, любую городскую цивилизацию.

Некоторые исследователи убеждены, что в обсуждаемой диссертации Васильев произвел подмену социальной истории человечества биологической [2, с. 211; 9, с. 170]. Между тем, взгляд на социум как эпифеномен природного является основным элементом ряда культурологических теорий XX века. Достаточно в качестве примера привести интерпретацию культуры у этологов, биосферную теорию этногенеза Л.Н. Гумилева, психоаналитические теории культуры и т.п. Здесь необходимо сослаться и на выдающегося предшественника Н.А. Васильева — историка и культуролога Н.Я. Данилевского, давшего один из лучших примеров применения принципа классификации и др. принципов естественных наук (особенно ботаники и зоологии) в области социальных и исторических исследований [16] (об этом см. также [12, с. 163–216]).

Использование исторических фактов в качестве иллюстративного материала для логических выводов было характерно и для собственно логических и логико-психологических работ казанского мыслителя. Так в статье «О частных суждениях, треугольнике противоположностей и законе исключенного четвертого» [8, с. 1–47] Н.А. Васильев пытался определить, в отношении каких объектов применимы законы воображаемой логики. Философ подчеркивает, что именно общие понятия, т.е. понятия, относимые к классам предметов, подчиняются закону исключенного четвертого. Общие понятия и их эмпирические референты – множества (классы) предметов – могут обладать и не обладать зараз определенными свойствами. К таким объектам высокого уровня абстракции, объектам, вмещающим общее, а не частное, Васильев относил даже единичные имена, в частности, имена исторических деятелей. Например, имя «Цезарь» вмещает в себя множество конкретных проявлений этого известного персонажа римской истории: «Цезарь у разбойников, Цезарь – победитель

Верцингеторикса, Цезарь – монарх, Цезарь – любовник Клеопатры, Цезарь – погибающий от кинжала заговорщиков» [8, с. 34]. Словом, в имени «Цезарь» обобщены все случаи появления данного лица на исторической сцене. Васильев убежден, что имя «Цезарь» ничуть не менее общее, чем «человек». Все названные выше моменты его жизни «символизируются в едином понятии “Цезарь” совершенно так же, как Цезарь, Помпей и Кай символизируются в едином понятии человека» [8, с. 34]. Собственное имя как общее имеет бесконечное множество проявлений. Эта мысль казанского логика в целом близка выводам другого представителя философского знания эпохи – П.А. Флоренского. Последний в своих богословских трудах со всей остротой поставил проблему актуальной бесконечности.

Мысль об общности собственных имен мы можем проецировать и на героя настоящей статьи. Ведь когда мы произносим имя «Николай Александрович Васильев», мы имеем в виду все проявления личности, этим именем обозначенной: это и ранние годы казанского ученого, и его занятия историческими дисциплинами и медициной на начальном этапе его научной карьеры, и логические изыскания более позднего периода. Имя «Н.А. Васильев» как объект «воображаемой логики» внеременно, оно объемлет разные моменты жизни ученого. Поэтому автор настоящей статьи считает нецелесообразным противопоставлять Васильева-историка, Васильева-литератора и Васильева-логика, поскольку речь идет об одном и том же ученом.

Философско-исторические рассуждения Васильева указывают еще и на то, что ученый отрицал идиографичность истории и был убежден, что эта наука занимается не с единичным, а с общим, что шло вразрез с подходами неокантианства. Общее суть те имена, которые и включают в себя множественность. Критический взгляд на неокантианскую методологию был характерен и для учителя Н.А. Васильева – знаменитого антиковеда и египтолога Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920). Хвостов подверг критике предложенное баденскими неокантианцами деление наук в зависимости от их задач. Любая из наук в своем развитии переходит от собирания фактического материала к выявлению законов изучаемой формы дви-

жения материи. Так определял свою позицию по данному вопросу отечественный антиковед. Васильев же наметил конкретные шаги по превращению индивидуальных описаний вещей в целостное теоретическое знание. Для этого необходима теория промежуточного уровня абстракции, каковой должна стать упомянутая выше «сравнительная историка», отвлекающаяся от территориальных различий и направленная на выделение этапов исторического процесса.

В заключительной части «Послесловия» к своему антиковедческому исследованию ученый говорит о необходимости религиозного синтеза, без которого, по его мнению, невозможно преодоление духовного кризиса европейской цивилизации. Даже овладевшие умами идеи социальной справедливости в преломлении сознания масс приобретают черты религиозного учения. И здесь Васильев проводит смелую аналогию между христианством первых веков и современным ему социализмом. Проповедь Христа, полагает Васильев, соответствовала «социальным устремлениям масс, их эгалитарным стремлениям». Уже в апостольские времена, подчеркивает исследователь, в общинах христиан «утверждался коммунизм, хотя, кажется, самый примитивный коммунизм потребления. Из истории Анании и Сапфиры мы знаем, как строго наказывались отступления от него» [6, с. 241] (имеется в виду эпизод из *Деяний апостолов*. (5: 1—11). Упоминание этого сюжета см. в [15, с. 377]). И далее автор подчеркивает мысль о религиозном характере веры народных масс в коммунизм. Именно эта вера, полагал русский философ и историк начала XX века, пришла на смену христианству. Глубокая убежденность воодушевляла массы, превращаясь в материальную силу, в фактор исторического процесса. Рассуждая на данную тему, Васильев ссылается на авторитетное мнение лидеров европейской и российской социал-демократии. Отсюда и богоискательские движения в среде российских революционеров. Отсюда и тезис о религиозном характере социализма в книге А. Луначарского «Религия и социализм». И даже лидер русских меньшевиков О.Ю. Мартов на съезде независимых в Галле в 1920 г. «заявил, что устремления масс к социализму носят религиозный характер» [6, с. 243].

Особое внимание Васильев уделяет текущим историческим событиям: трагедию Первой мировой войны и революции казанский ученый оценивает в свете проектов мыслителей XVIII-XIX вв. Как и многие другие его современники, логик в своем исследовании упоминает трактат И. Канта «О вечном мире» [11, с. 205–241]. В работе о падении Древнего Рима исследователь указывает на связь кантовских политико-философских построений с современной ему действительностью. Он прослеживает генезис пацифистских идей XX века и пишет: «Проблема вечного мира и мирового государства, резко поставленная Советской Россией, не нова в нашей культуре. О вечном мире мечтал С. Пьер и Ж.Ж. Руссо (имеется в виду работа последнего [14, с. 162–172] – И.П.). Кант посвящает этой проблеме свой трактат “Zum ewigen Frieden” 1795 г., где анализирует возможности вечного мира. Там он предлагает такое мироустройство, при котором интернациональное право было бы основано на федерации свободных государств, а процессы народов решались бы постоянным конгрессом. Эта мысль Канта ложится в основание Лиги наций» [6, с. 137–138] (подробнее см. [13; 10]).

Анализируя современную ему политическую ситуацию, ученый старается делать научно обоснованные прогнозы. В условиях культурного и социально-политического кризиса высока, по его убеждению, вероятность новой войны. В заключительной части работы Н.А. Васильев, в частности, отмечает: «Теперь... никто не верит в прочность международного правопорядка, трактаты трещат, и от одного из них (севрского) скоро останутся одни воспоминания. Чувствуется, что международная проблема не решена. Неравновесие не уменьшилось, а увеличилось» [6, с. 238]. Глубокий анализ исторической ситуации позволял Васильеву выдвигать гипотезы относительно будущего Европы и мира.

Заключение

В настоящей статье автором был предложен анализ историософских и в отдельных своих фрагментах историко-методологических идей одного из создателей систем логической неклассич-

ности, разностороннего ученого, работавшего в первой четверти XX в. – Н.А. Васильева. Будучи незаурядным и разносторонним исследователем, создатель первого логического учения, включающего параконсистентность в структуру умозаключений, он и в области истории высказал мысль о законоустанавливающем характере исторического знания и о необходимости выделения теории промежуточного уровня – сравнительной истории. Наконец, еще одна интуиция Н.А. Васильева, у которой в XX в. нашлось немало последователей среди историков: это стремление подкрепить выводы социологии и истории данными естественных наук.

Подведем итог. Ныне много говорится о вызове, брошенном исторической науке мировоззрением постмодерна. При этом историки, как нам представляется, склонны не принимать вызов, а капитулировать, т.е., признавая правоту «постмодерна», они отказываются от поиска исторических закономерностей. Тем более они не стремятся преодолеть разрыв между естественными и общественными науками. Преодолеть его можно только путем внедрения новых подходов. Позиция Васильева как исследователя логики общественных явлений диаметрально противоположна существующим тенденциям и, несмотря на отдельные недостатки, не потеряла значения для науки в настоящее время.

Список литературы

1. Алексеев П.В. Философы России XIX–XX в. М.: РОССПЭН, 2009. 953 с.
2. Бажанов В.А. Н.А. Васильев: жизнь и творчество // Васильев Н.А. Воображаемая логика. М., 1989. С. 209–228.
3. Бажанов В.А. О механизме эвристического влияния в научном творчестве // Проблемы методологии. Сб. статей. Самара, 1998. С. 131–136.
4. Баргон В.И. и др. Логика. Мн.: Изд. БГУ, 1974. 336 с.
5. Бирюков Б.В. Трудные времена философии. М., 2006.
6. Васильев Н.А. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и истории фи-

- лософии // Изв. Об-ва археологии и истории при Казанском ун-те. Вып. 2–3. Казань, 1921. С. 115–248.
7. Васильев Н.А. Логика и металогика // Логос. Кн. 1–2. М.: типо-лит. А. Левинсона, 1912. С. 53–81.
 8. Васильев Н.А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // Учен. зап. Казан, ун-та. 1910, Кн. 10. С. 1–47.
 9. Иванов Ю.А. [Рецензия на диссертацию Н.А.Васильева *Вопр. о падении Зап. Римской империи и античной культуры в историографической литературе и истории философии...*] // Казанский библиофил. 1921. №2. С. 169–174.
 10. Иосифов О. О вечном мире // Известия Томского университета. 1919. № . С. 121–142.
 11. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С.Андреева. СПб: Алетея, 2003. С. 205–241.
 12. Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке Nikolai Danilevsky: in Russian culture and in world science // Мир России. The World of Russia. 1992. Т.1. № 1. С. 163–216.
 13. Прядко И.П. История как проблема логики в диссертационном исследовании Н.А.Васильева (методологические аспекты исторической концепции создателя «воображаемой логики») // Современная логика: Проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 310–311.
 14. Руссо Ж.-Ж. Суждение о вечном мире // Трактаты о вечном мире. СПб: Алетея, 2003. С. 162–172.
 15. Munitius Felix Octavius. Opera, III // Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М: Издательство политической литературы, 1990. С. 368–382.
 16. Sorokin P.A. Social philosophies of an age crisis. Boston, 1951.

References

1. Alekseev P.V. *Filosofy Rossii XIX–XX v.* [Philosophers of Russia in the 19th and 20th Century]. Moscow, 2009. 953 p.

2. Bazhanov V.A. N.A. Vasiliev: zhizn' i tvorchestvo [N.A. Vasiliev: Life and Work]. N.A. Vasiliev *Voobrazhaemaja logika* [Imaginary Logic]. Moscow, 1989: pp. 209–228.
3. Bazhanov V.A. O mehanizme jevrsticheskogo vlijanija v nauchnom tvorchestve [Mechanism of Heuristic Influence in Academic Work]. *Problemy metodologii. Sb. statej* [Problems of Methodology. Collection of Articles]. Samara, 1998: pp.131–136.
4. Barton V.I. et al. *Logika* [Logic]. Minsk: BGU, 1974. 336 p.
5. Birjukov B.V. *Trudnye vremena filosofii* [Hard Times for Philosophy]. Moscow, 2006.
6. Vasiliev N.A. Vopros o padenii Zapadnoj Rimskoj imperii i antichnoj kul'tury v istoriograficheskoj literature i istorii filosofii [The Fall of the Western Roman Empire and the Ancient Culture in Historiographical Literature and the History of Philosophy]. *Izv. Obva arheologii i istorii pri Kazanskom un-te* [News of the Society of Archeology and History at the Kazan University] No 2–3. Kazan, 1921: pp. 115–248.
7. Vasiliev N.A. *Logika i metalogika* [Logic and Metalogic]. *Logos* [Logos]. Book 1-2. Moscow, 1912: pp 53–81.
8. Vasiliev N.A. O chastnyh suzhenijah, o treugol'nike protivopozhno-stej... [On Partial Judgements, on the Triangle of Opposites...]. *Voobrazhaemaja logika* [Imaginary Logic]. Moscow, 1989: pp. 31–32.
9. Ivanov Ju.A. [Recenzija na dissertaciju N.A.Vasil'eva Vopr. o padenii Zap. Rimskoj imperii i antichnoj kul'tury v istoriograficheskoj literature i istorii filosofii...] [Review of the Thesis by N.A. Vasiliev “The Fall of the Western Roman Empire and the Ancient Culture in Historiographical Literature and the History of Philosophy...”]. *Kazanskij bibliofil* [The Kazan Bibliophilist]. No 2 (1921): pp. 169–174.
10. Iosifov O. *O vechnom mire* [About the Eternal Peace]. Proceedings of the Tomsk University. 1919.
11. Kant I. K vechnomu miru [Perpetual Peace] *Traktaty o vechnom mire* [Essays on Perpetual Peace]. St. Petersburg, 2003: pp. 205–241.
12. Pivovarov Ju.S. Nikolaj Danilevskij: v russkoj kul'ture i v mirovoj nauke [Nikolai Danilevsky, a Figure in the Russian Culture and Interna-

- tional Academic Community]. *Mir Rossii* [The World of Russia] Vol. 1. 1(1992): pp. 163–216.
13. Pryadko I.P. Istorija kak problema logiki v dissertacionnom issledovanii N.A. Vasil'eva (metodologicheskie aspekty istoricheskoi koncepcii sozdatelja «voobrazhaemoj logiki») [History as a Topic of Logic through the Example of Thesis Research by N.A. Vasiliev (Methodological Aspects of the Historical Concept Developed by the Author of the “Imaginary Logic”)]. *Sovremennaja logika: Problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke. Materialy nauchnoj konferencii* [Modern logic: Problems of Theory, History and Application for Academic Purposes. Materials of an Academic Conference]. St. Petersburg, 2004. pp. 310–311.
14. Rousseau Jean-Jacques. Suzhdenie o vechnom mire [The Plan for Perpetual Peace] *Traktaty o vechnom mire* [Essays on Perpetual Peace]. St. Petersburg, 2003: pp. 162–172.
15. Munitius Felix Octavius Opera, III// Ranovich A.B. *Pervoistochniki po istorii rannego hristianstva. Antichnye kritiki hristianstva* [Primary Sources on the History of Early Christianity. Ancient Critics of Christianity]. Moscow, 1990. 377 p.
16. Sorokin P.A. *Social Philosophies of an Age Crisis*. Boston, 1951.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович, доцент, кандидат культурологии, доцент
ФГБОУ ВПО «Московский государственный строительный университет»
Ярославское шоссе, 26, г. Москва, 129337, Российская Федерация
priadco.igor2011@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pryadko Igor' Petrovich, Candidate of Culture studies, Associated
Professor
Moscow State University of Civil Engineering (MGSU)
26, Yaroslavskoe Str., Moscow, 129337, Russian Federation
priadco.igor2011@yandex.ru
ORCID: iD 0000-0002-8570-6533

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-24-36

УДК 101.1:316

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ: ДИАМЕТРАЛЬНАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИЛИ ЦЕЛОСТНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Глушко И.В.

Цель. Выявить теоретико-методологические проблемы изучения категориальной пары «доверие-недоверие» и прояснить соотношение данных феноменов.

Методология. За основу взят трансдисциплинарный подход, связанный с принципом синкретизма в осмыслении результатов дисциплинарных и междисциплинарных научно-исследовательских практик на метатеоретическом уровне. Используются методологические установки и принципы структурно-функционального и феноменологического подходов; концептуальные идеи о социокультурном кризисе в российском обществе; процедуры категоризации и концептуализации, а также принципы дискурс-анализа.

Результаты. Выявлено, что представления о доверии и недоверии в дисциплинарных исследовательских практиках носят фрагментарный характер, обусловленный разницей парадигмальных подходов и авторскими методологическими предпочтениями. На основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия обосновано, что доверие и недоверие выступают как целостное явление социальных практик, детерминированное трансформационными изменениями любого общества. Поэтому доверие и недоверие должны являться предметом социально-философского осмысления, предполагающего их синкретическое рассмотрение как целостной социальной реальности.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы для разработки нормативных стратегий функционирования и трансформационных изменений общества, учтены в решении определенного спектра общественных проблем при разра-

ботке моделей социального управления и составлении социальных программ, учитывающих социально-нормативную значимость и социальный эффект доверия.

Ключевые слова: *доверие; недоверие; социальные практики; теоретический дискурс; дисциплинарные практики; трансдисциплинарный подход; парадигмальные исследовательские подходы; функции доверия.*

TRUST AND MISTRUST DIAMETRICAL OPPOSITE OR THE INTEGRAL SOCIAL REALITY?

Glushko I.V.

Purpose. *Establish theoretical and methodological problems of studying the categorical pair “trust-distrust” and clarify the correlation of these phenomena’s.*

Methodology. *For basis the transdisciplinary approach related to principle of syncretism in the comprehension of results of disciplinary and interdisciplinary research practices at metatheoretical level is taken. Methodological options and principles are used structural-functional and phenomenological approaches; conceptual ideas about a sociocultural crisis in Russian society; procedures of categorizing and conceptualization, and also principles of discourse analysis.*

Results. *It was revealed that the notions of trust and mistrust in disciplinary research practices are fragmentary, due to the difference of paradigmatic approaches and author’s methodological preferences. Based on the principle of syncretism in the study of trust and mistrust, it is justified that trust and mistrust act as a holistic phenomenon of social practices determined by the transformational changes of any society. Therefore, trust and mistrust should be the subject of social-philosophical understanding, suggesting their syncretic treatment as an integral social reality.*

Practical implications. *The results can be used to develop normative strategies for the functioning and transformational changes in society, are taken into account in solving a certain range of social problems*

when developing models of social management and drawing up social programs that take into account the social and regulatory significance and social effect of trust.

Keywords: *confidence; mistrust; social practices; theoretical discourse; disciplinary practices; transdisciplinary approach; paradigmatic research approaches; function of trust.*

Актуальность исследования феномена доверия определяется как самим фактом существования его в социальной реальности, так и многочисленными свидетельствами масштабного кризиса доверия в современном обществе. В трансформирующемся социуме создаются такие формы доверия, которые проблематизируют его сущность и содержание, осложняют функционирование, приводят к полному или частичному отказу от него.

Вопрос о соотношении феноменов доверия и недоверия между собой в социально-гуманитарном дискурсе решается неоднозначно. Есть разные точки зрения: недоверие есть антипод доверия, его противоположность; недоверие есть негативное выражение доверия (его отсутствие); недоверие есть самостоятельное явление, не зависимое от доверия; доверие и недоверие в той или иной степени самостоятельны друг от друга.

На наш взгляд, такой разброс мнений можно объяснить тем фактом, что многочисленные аспекты доверия и недоверия являются предметом разных дисциплинарных научно-исследовательских практик. Сложившиеся представления обусловлены исследовательскими подходами и методологическими предпочтениями исследователей. В научном теоретическом дискурсе доверие и недоверие преимущественно рассматриваются как самостоятельные сущности, изолированно друг от друга.

В научном теоретическом дискурсе доверие и недоверие преимущественно рассматриваются как самостоятельные сущности, изолированно друг от друга.

Однако на рубеже XX и XXI вв. в отечественном научном дискурсе наметилась тенденция междисциплинарного исследования

доверия совместно с недоверием [4]. Представления о недоверии в российском обществе базируются на философских [1; 12] и социологических [13] представлениях о том, что недоверие формируется и развивается в условиях снижения доверия, а также его кризиса. Специалистами сделан общий вывод о постепенном превращении социального недоверия в весомую составляющую массового сознания россиян и социальных практик населения, обусловленную комплексом социально-экономических и социокультурных факторов.

Среди ряда зарубежных исследователей устоялось мнение об исторических основаниях практик недоверия. К примеру, невысокое доверие к демократическим институтам культурологические теории происхождения политического доверия связывают с устойчивой диспозицией недоверия в авторитарных политических культурах постсоциалистических стран, в том числе России [17].

Но есть и другие позиции. Так, известный шведский социолог А. Папакостас выступает против теорий, объясняющих недостаток доверия в повседневной жизни и/или к социальным институтам при помощи ссылок на культуру или особый исторический путь того или иного региона. По мнению данного автора, практики коррупции, в том числе клиентизма – политической коррупции – существуют практически во всех культурах, однако за их разнообразными проявлениями стоят одни и те же механизмы, которые к культуре не относятся [11, с. 5].

Некоторые специалисты полагают, что доверие и недоверие нужно рассматривать симметрично и нейтрально, т.е. не приписывая им каких-либо позитивных или негативных социальных функций. Авторы стремятся находить некоторые общие координаты между доверием и недоверия, к примеру, в виде такого явления, как скептицизм. Тогда механизмы производства доверия называют «структурированным скептицизмом». «Доверие может быть дисфункциональным (в случае коррупционных отношений) точно так же, как недоверие и скептицизм могут производить ценные результаты (при оценке надежности данных эксперимента), их границы контекстуальны. ...«Упреждающий скептицизм» охватывает все формы ин-

ституционализированных проявлений социального недоверия - от выборных процедур и возможности демократической смены власти до картезианского «методического сомнения» как теоретико-познавательного принципа – и в результате срабатывает как фактор процесса цивилизации общественного недоверия [11, с. 14].

Другие исследователи, напротив, полагают, что доверие и недоверие обладают противоположными социальными функциями, которые подчеркивают дихотомичность этой категориальной пары. Подробную типологию социальных функций доверия приводит А.А. Дворянов, выделяя три группы функций – личностные, организационные и общественные и полагая, что в силу наличия дилеммы «доверие/недоверие» различаются присущие доверию конструктивные, и свойственные недоверию деструктивные функции [3, с. 130–141].

В дисциплинарных практиках, как правило, явно или неявно, недоверие рассматривается как антипод доверия, возникающий вследствие снижения доверия, поэтому обладает характеристиками, ему противоположными. При этом доверие анализируется с двух позиций – как явление индивидуальной реальности и как феномен коллективного доверия. Так, представители отечественной социально-психологической науки в целом солидарны в решении вопроса об относительной автономии доверия и недоверия как психологических феноменов, связанных с общением. Специалисты отмечают такие функции доверия, как социальное познание и обмен, и самосохранение и обособление – как функции недоверия [15]. На основании этого теоретического постулата изучаются, к примеру, процессы интеграции и дезинтеграции в малой социальной группе в связи с особенностями доверия и недоверия [14].

Таким образом, в настоящее время в дискурсивных практиках в силу дисциплинарной односторонности и парадигмальной ограниченности научных исследований не сложилось целостного представления о доверии и недоверии. Выявляется дисциплинарная специфика их изучения. Накопленные в дискурсивных практиках представления о доверии и недоверии носят общетеоре-

тический характер и базируются на точке зрения, что недоверие формируется и развивается в условиях снижения доверия, а также его кризиса.

Однако специалисты, как правило, не стремятся оценивать недоверие сугубо отрицательным образом и прямо противопоставлять доверию. Доверие и недоверие являются предметом дискуссий, в частности, относительно их детерминант. Выделяются детерминанты микросоциального и макросоциального уровня, определяющие доверие/недоверие межличностное, институциональное и обобщенное (социальное). Однако, вне поля зрения специалистов, как правило, остается взаимосвязь между доверием и недоверием.

Фрагментарный характер представлений о доверии и недоверии можно трактовать как недостаток исследовательских практик, обусловленный разницей парадигмальных подходов и методологическими предпочтениями тех или иных авторов. В дисциплинарных научно-исследовательских практиках доверие и недоверие изучаются в рамках нескольких парадигмальных подходов. С точки зрения *социально-психологического подхода* доверие или недоверие рассматриваются как субъективная установка, предопределяющая отношение индивида, степень его предрасположенности к социальному объекту, связанную с определенным способом восприятия мира и предшествующую той или иной деятельности. Сторонниками *ценностного подхода* доверие или недоверие рассматриваются как возникающее у членов общества ожидание определенного, соответствующего нормам поведения со стороны других людей. В рамках *реляционистского подхода* доверие понимается в узком смысле как субъективное отношение к партнеру по взаимодействию, основанное на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности; в широком смысле – как принцип конструирования социальных отношений, обеспечивающий их стабильность, долгосрочность, социальную консолидацию, социальную целостность. В рамках *деятельностного подхода* доверие или недоверие коррелируется с социетальными действиями, связан-

ными с калькуляцией выгод и возможных поведенческих рисков. Деятельностный подход, переосмысленный в русле теорий социальных коммуникаций, характеризует доверие и недоверие с точки зрения совместной деятельности субъектов в процессе социальных коммуникаций микро- и макросоциального уровня. В рамках *институционального подхода* доверие или недоверие трактуется как неформальные правила человеческого поведения, которые могут выступать универсальной нормой во всех сферах человеческой деятельности и вследствие институционализации принимать форму неформального института. В *структурно-функциональном подходе* рассматриваются взаимосвязанные и взаимодействующие между собой структурные компоненты доверия и недоверия. Структура доверия и недоверия включает совокупность таких компонентов и признаков, как эмоционально-нравственный, когнитивный, коммуникативный, поведенческий/деятельностный, ценностный, образующих доверие и недоверие как целостную социальную реальность. Будучи целостным социальным явлением, доверие и недоверие выполняют деятельностную, коммуникативную и конструктивную социальные функции. Данные функции составляют социально-практический инструментарий доверия и недоверия, что выводит социально-философское исследование доверия и недоверия на уровень социальных практик. Социальные практики можно определить как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов и порождающие новые социальные институты [2, с. 31–32].

Итак, большинство исследователей отказываются рассматривать недоверие только как вторичный и однозначно отрицательный феномен. Присоединяясь к точке зрения о том, что отношения доверия и недоверия не являются диаметрально противоположными, мы исходили из следующих позиций.

В обществе с момента его возникновения существуют и доверие, и недоверие, поэтому мы рассматриваем доверие и недоверие как целостную социальную реальность, в рамках которой доверие

и недоверие синкретически сосуществуют. И недоверие, и доверие являются социокультурной универсалией. Одновременность наличия доверия и недоверия не есть противоречие, а зависит от социальной ситуации.

Доверие не может существовать без недоверия на всех уровнях социальных отношений. Недоверие присутствует на микроуровне в отношениях между людьми как чувство безопасности, минимизации поведенческих рисков. Здесь чувство недоверия коррелируется со здравым смыслом, благоразумием, осторожностью, исходит из инстинкта самосохранения. Что же касается макроуровня, то в работах некоторых специалистов показано, что в условиях снижения уровня генерализованного (институционального) доверия и усиления недоверия, получают развитие новые разновидности межличностного доверия – «доверие к участникам определенного сообщества, которое становится источником формирования новых партикулярных сообществ и соответствующих им социальных институтов» [16, с. 183–192].

Даже доверяя, человек может испытывать доверие и недоверие одновременно. Такого рода явление, как «вынужденное доверие», имеет место в социальных практиках и логично вписывается в дихотомию «доверие-недоверие». Доверие позволяет нам чувствовать себя спокойно, надеясь на то, что объект доверия все-таки будет соответствовать нашим ожиданиям.

Сама категория «недоверие» содержит в себе негативизм, однако не все специалисты склонны оценивать недоверие сугубо отрицательным образом. Какие положительные стороны этого явления можно выделить, чтобы обосновать правомерность такой позиции?

По результатам эмпирических исследований российских ученых среди положительных последствий, к примеру, институционального недоверия, можно отметить следующие:

- развитие рефлексии и повышение компетентности граждан, в том числе в правовом поле, и, как результат – развитие правовой культуры; реализация гражданами функции контроля за различными государственными и муниципальными струк-

турами (об этом свидетельствует, к примеру, череда выигранных простыми гражданами судов с коммунальными службами по поводу необоснованного завышения региональных тарифов на услуги ЖКХ) [13, с. 130–132].

- институциональное недоверие приводит к тому, что возникает потребность в укреплении межличностного доверия, в частности таких его разновидностей, как *внутрисемейное и дружеское доверие*; а усиление этнической солидарности, основанной на взаимном доверии внутри этноса сосуществует с недоверием к другим этническим группам [6; 7];
- в условиях рыночной экономики и возрастания рисков недоверие может стать способом минимизации этих рисков, тем самым вписываясь в парадигму экономической эффективности [8].

В условиях методологического плюрализма изучение доверия и недоверия предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования, направленного на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью метатеоретического обобщения результатов научных исследований на основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия. С точки зрения этого принципа доверие и недоверие можно рассматривать как синкретическое целостное многомерное и многофункциональное явление. Доверие сопровождается недоверием, которое проблематизирует сущность и тем самым осложняет функционирование доверия. Структура доверия и недоверия включает компоненты, признаки, функции, находящиеся между собой в определенных отношениях и связях и образующие целостное явление доверия и недоверия [2].

В нашем исследовании мы будем придерживаться трактовки, с точки зрения которой трансдисциплинарность есть «способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления вне рамок какой-либо одной научной дисциплины» [10, с. 8]. В результате возникают эвристические «концептуальные вариации трансдисциплинарного понимания целостности»

[5, с. 78–79]. Основой таких концептуальных вариаций является принцип трансдисциплинарного синкретизма, в рамках которого, как пишут специалисты, социальная реальность рассматривается как целостная упорядоченная система, обладающая следующими характеристиками: свойства социальной реальности как системы не сводятся к простой сумме свойств ее элементов; системе присущи особые свойства, которых нет у ее элементов; теоретические знания о свойствах отдельных компонентов системы не могут претендовать на выражение ее сущности; представление о системе в целом должно непременно присутствовать при изучении его частей [9, с. 3–11]. На основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия можно предположить, что доверие в социальных практиках существует в единстве с недоверием. Поэтому речь идет об изучении категориальной пары «доверие и недоверие». Доверие и недоверие выступают как целостное явление социальных практик, детерминируемое трансформационными изменениями любого общества.

Трансдисциплинарный подход открывает наиболее широкие возможности взаимодействия нескольких дисциплин для исследования и решения комплексных проблем, и доверие в сочетании с недоверием относится к числу таковых. Поэтому трансдисциплинарный подход позволяет на метатеоретическом уровне обобщить результаты дисциплинарных подходов и междисциплинарного знания по проблеме доверия и недоверия и создать их когнитивную модель в виде системы научных знаний.

Список литературы

1. Вершинин С.Е. Социальное недоверие как необходимость и регресс [Электронный ресурс] // Сайт С. Вершинина: [Сайт]. Режим доступа: www.werschinin.ru (дата обращения: 22.08.2011).
2. Глушко И.В. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества: методология трансдисциплинарного исследования и социальная реальность: Автореф. дисс... д-ра филос.наук. Ростов н/Д, 2016. 53 с.

3. Дворянов А.А. Социальные функции доверия // Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 130–141.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
5. Киященко Л.П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 78–79.
6. Козырева П.М. Доверие в российском обществе: противоречивые тенденции // Философские науки. 2012. №4. С. 65–78;
7. Козырева П.М. Реформы 1990-х и 2000-х: приобретения и потери россиян // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 25–48.
8. Крюкова О.Н. Сущность и кризисная динамика доверия в культуре: общество и экономика: автореф. дис. ... канд. философ. Наук. Ростов-н/Д, 2010. 20 с.
9. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.
10. Мокий В.С. Методология трансдисциплинарности – 4. 2-е изд. Н.: АНОИТТ, 2014. 112 с.
11. Папакостас А. Становление публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция / Пер. с англ. Д. Жихаревича. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.
12. Попков С.М. Доверие и недоверие как типы ориентации в формах трансляции культуры: дис. ... канд. филос.наук. Волгоград, 2013. 156 с.
13. Реутов Е.В, Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 126–132.
14. Сидоренков А.В. Доверие дошкольников к незнакомым взрослым // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 37–47.
15. Табхарова С.П. Взаимосвязь доверия и недоверия личности другим людям с отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения: дис. ... канд. психол.наук. Ин-т психологии РАН. Москва, 2008. 210 с.

16. Хренов А.Е. Роль доверия в конструировании социальных институтов // Труды Санкт-Петербургского института культуры и искусств. 2015. Т. 208. В 2-х ч. Ч.2. С. 183–192.
17. Keenan E. Muscovites Political Folkways /E. Keenan // Russian Review. 1986. Vol. 45, pp. 115–181.

References

1. Vershinin S.E. *Sotsial'noe nedoverie kak neobkhodimost' i regress* [Social mistrust as a necessity and regression]. www.werschinin.ru
2. Glushko I.V. *Doverie i nedoverie kak sotsial'nye praktiki rossiyskogo obshchestva: metodologiya transdistsiplinarnogo issledovaniya i sotsial'naya real'nost'* [Trust and mistrust as social practices of Russian society: the methodology of transdisciplinary research and social reality]. Rostov n/D, 2016. 53 p.
3. Dvoryanov A.A. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2006. № 4, pp. 130–141.
4. *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Confidence and mistrust in the development of civil society] / Ed. A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanova. M.: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2013. 564 p.
5. Kiyashchenko L.P. *Voprosy filosofii*. 2015. № 11, pp. 78–79.
6. Kozyreva P.M. *Filosofskie nauki*. 2012. №4, pp. 65–78;
7. Kozyreva P.M. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 2014. № 2, pp. 25–48.
8. Kryukova O.N. *Sushchnost' i krizisnaya dinamika doveriya v kul'ture: obshchestvo i ekonomika* [Essence and crisis dynamics of trust in culture: society and economy]. Rostov-n/D, 2010. 20 p.
9. Lubskiy A.V. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. № 10, pp. 3–11.
10. Moki V.S. *Metodologiya transdistsiplinarnosti – 4* [Methodology of transdisciplinarity – 4]. N.: ANOITT, 2014. 112 p.
11. Papakostas A. *Stanovlenie publichnoy sfery: nedoverie, doverie i korruptsiya* [Formation of the public sphere: distrust, trust and corruption] / Per. s angl. D. Zhikharevicha. M.: VTsIOM, 2016. 224 p.
12. Popkov S.M. *Doverie i nedoverie kak tipy orientatsii v formakh translyatsii kul'tury* [Trust and mistrust as types of orientation in the forms of cultural transmission]. Volgograd, 2013. 156 p.

13. Reutov E.V, Reutova M.N. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. № 6, pp. 126–132.
14. Sidorenkov A.V. *Voprosy psikhologii*. 2001. № 2, pp. 37–47.
15. Tabkharova S.P. *Vzaimosvyaz' doveriya i nedoveriya lichnosti drugim lyudyam s otnosheniem k soblyudeniyu npravstvennykh norm delovogo povedeniya* [The relationship of trust and mistrust of the individual to other people with respect to the observance of moral norms of business conduct]. In: *psikhologii RAN*. Moskva, 2008. 210 p.
16. Khrenov A.E. *Trudy Sankt- Peterburgskogo instituta kul'tury i iskusstv*. 2015. V. 208. Part 2, pp. 183–192.
17. Keenan E. Muscovites Political Folkways. *Russian Review*. 1986. Vol. 45, pp. 115–181.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Глушко Ирина Васильевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков

Азово-Черноморский инженерный институт, ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде

ул. Кленовая, д.17, г. Зерноград Ростовской области, 347740, Россия

glu-ir@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Glushko Irina Vasil'evna, Candidate of Philosophy Science, Associate; Associate Professor of the Chair of History, Philosophy and Political Science

Azov-Black Sea engineering Institute, Don state agrarian University 17, Klenovaya Str., Zernograd, Rostov Region, 347740, Russian Federation

glu-ir@mail.ru

SPIN-code: 7450-4133

ORCID: 0000-0002-0107-025X

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-37-47

УДК 316.422

РИСК КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ «ОБЩЕСТВА РИСКА» УЛЬРИХА БЕКА

Немеров Е.Н.

***Цель.** Статья посвящена актуальной проблеме бытия современного общества, специфической особенностью которого постоянное взаимодействие с рисками. В качестве предмета анализа выступает концепция «общества риска», сформулированная Ульрихом Беком для обозначения специфического способа обращения с неопределённостью. Целью, которую ставит перед собой автор, является анализ содержания ключевых характеристик общества риска в условиях современной социальной действительности.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют герменевтический и феноменологический методы.*

***Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что автор эксплицирует понятие «общество риска», введённое У. Беком для характеристики современной цивилизации. Постоянная модернизация формирует необходимость рискованного поведения. Риски становятся неотъемлемой частью социальной реальности, так как они являются результатом нормального развития общества, а не каких-либо катаклизмов и «патологий». Поэтому главной специфической особенностью бытия современной цивилизации является её рискогенный характер, так как она сама постоянно порождает риски.*

***Область применения результатов.** Результаты работы могут быть применены в сферах связанных с управлением и прогнозированием рисков в обществе (риск-менеджмент).*

***Ключевые слова:** риск; общество риска; постиндустриальная цивилизация; информационное общество; риск-менеджмент.*

RISK AS A STRUCTURAL ELEMENT OF MODERN CIVILIZATION IN THE “RISK SOCIETY” CONCEPT BY ULRICH BECK

Nemerov E.N.

Purpose. *The article is focused on the problem of existence of the modern society the specific feature of which is the constant interactions with risks. The “risk society” concept formulated by Ulrich Beck to define the specific way of dealing with the uncertainty is under analysis. The aim of the study is to analyze the content of the key characteristics of risk society in the conditions of modern social reality.*

Methodology. *Hermeneutic and phenomenological methods constitute the basis of the research.*

Results. *The author explicates the “risk society” concept introduced by U. Beck to characterize the modern civilization. The constant modernization causes the need for risky behaviour. Risks become the integral part of the social reality as they are the result of the adequate development of the society but not of cataclysms and pathology. Hence, the main specific peculiarity of the existence of the modern civilization is its risk-generating character because it is constantly engendering risks.*

Practical implications. *The results of the work can be applied to the spheres of human activity connected with the risk management and forecasting.*

Keywords: *risk; risk society; post-industrial civilization; information-oriented society; risk-management.*

Специфика существования современной техногенной цивилизации заключается в том, что в процессе своего развития общество постоянно сталкивается с разнообразными новыми вызовами, для формулирования адекватных ответов на которые приходится преодолевать устоявшиеся границы, разрушать традиционные шаблоны и схемы деятельности, применять нестандартный подход к ситуации. Это порождает необходимость рискованного поведения. Имен-

но поэтому одним из наиболее актуальных вопросов науки и философии сегодня является изучение влияния на жизнедеятельность человека и общества явлений и событий, имеющих рискогенный характер, выработка способов обращения с рисками, управления ими. Данная потребность привела к появлению в конце XX века направления, получившего название риск-менеджмент. Немецкий социолог Готтхард Бехманн отмечает: «Современные общества осовременивают своё будущее в качестве риска и тем самым находят собственный специфический способ обращения с неопределённостью, что отличает их от всех предшествующих обществ» [4, с. 75]. Научно-техническое и экономическое развитие приводит к увеличению значения знания, наделяет его особой ценностью, его активному использованию для разработки и реализации инноваций, что позволяет говорить о формировании качественно новой роли информации. Становление информационного общества приводит к существенным изменениям социального ядра, базирующегося на постоянном производстве и использовании информации. В этих условиях появляются новые онтологические и методологические проблемы, так как результат использования знания может быть как положительным, так и отрицательным (а предсказать это чрезвычайно сложно), что порождает риск его применения.

Понятие «общество риска» в научный оборот было введено немецким социологом Ульрихом Беком. С его помощью исследователь характеризует специфику существования современной цивилизации, которая эволюционировала к этому состоянию от стадии индустриальной модернизации. «Он утверждает, что в эпоху индустриального общества риск рассматривался как результат недостаточного развития технологий и научных знаний или неэффективностью их использования. Концепт знания характеризуется неполнотой, незавершённой, линейностью и однозначной детерминированностью, что само по себе несёт риски. В современном мире риск начинает пониматься как результат избыточности научно-технического прогресса... Чем фундаментальнее открытие, тем значительнее риски, связанные с ним» [1, с. 199]. Поэтому У. Бек

считает, что современная цивилизация характеризуется переходом от индустриального общества к обществу риска. Источниками рисков являются технологические процессы, развитие которых, совершенствование научной базы не уменьшают и не искореняют опасности, а только увеличивают их. Центрами производства рисков являются не только промышленные предприятия, но и экономическая, социальная, политическая сферы жизни общества, которое во всё возрастающих объёмах производит не только богатства, но и риски [3, с. 14].

Осознание риска, стремление к его преодолению, анализ его причин и последствий характеризуется парадоксальным отношением к науке. Это выражается в том, что, с одной стороны, её критикуют за то, что увеличение рискогенности социума является результатом научного развития. С другой стороны, её рассматривают как основной инструмент для восприятия и преодоления рисков. У. Бек отмечает, что «сознание риска нельзя считать ни традиционным, ни любительским, оно в значительной мере определяется наукой и ориентируется на неё» [3, с. 88]. Обыденное мышление далеко не всегда способно видеть скрытую причинно-следственную связь между разнесёнными во времени и пространстве событиями, к тому же многие явления не поддаются непосредственному восприятию и доступны только теоретическому осмыслению. Практика говорит о том, что часто существует временная дистанция, которая отделяет предположение «о негативном воздействии и реальным решением», в течение этого времени будет «в ещё большей степени расширяться круг тех, кто подвергается опасности» [6, с. 17]. Простого опыта практической деятельности в этих условиях явно не достаточно для полноценного выявления рисков и всего, что с ними связано, поэтому в качестве основного органа их восприятия должна выступать наука, так как «никто не может знать о рисках, пока знание будет добываться опытным путём» [3, с. 88]. Источники опасностей и они сами могут быть недоступны ощущениям субъектов, поэтому «химические формулы и реакции, невидимые вредные вещества, биологические круговороты и цепи реакций должны подчинить

себе зрение и мышление» [3, с. 88], что возможно сделать благодаря научному познанию.

Рассматривая специфику современных технологических рисков, профессор Армин Грунвальд выделяет следующие характерные для них особенности:

- обширный спектр неблагоприятных последствий вплоть до глобальных (например, распространение аэрозолей в атмосфере или океанах);
- возрастание длительности технологического воздействия (например, из-за устойчивости химикатов);
- безмерное увеличение числа людей, подверженных возможным опасностям, вплоть до всего современного и будущего человечества;
- отсроченные эффекты: часто ощутимый ущерб может проявиться только через десятки лет (примерами являются история с хлорфторуглеродами, разъедающими озоновый слой);
- трудности с выяснением причинной связи ввиду весьма сложной и трудновоспроизводимой цепи событий (пример: «коровье бешенство» – коровья губчатая энцефалопатия);
- недостаток или даже отсутствие способности воспринимать опасность с помощью человеческих органов чувств (например, в случае радиоактивного излучения);
- размывание ответственности вследствие сложных причинно-следственных связей и большого числа действующих в технологических процессах лиц;
- необратимость рисков (например, генетически измененные организмы после их возвращения в природную среду уже не могут полноценно ассимилироваться с ней вновь);
- отсутствие точного знания о возможных неблагоприятных последствиях или масштабах возможного ущерба [7, с. 57].

Разнообразные материальные блага и богатства – это потребляемые и познаваемые в результате опыта феномены, в то время как источники вреда здоровью человека или природе часто остаются недоступны для чувственного восприятия. За видимым челове-

ку миром скрывается вторая действительность, угрозы которой не воспринимаются непосредственно. Невозможность ощущать невидимые источники и причины рисков с помощью органов чувств, порождает в обыденном сознании мифологические интерпретации явлений, что способствует популярности паранауки в современном обществе. Мир современных опасностей невидим. У. Бек отмечает: «Непосредственному наслаждению радостям жизни, простому существованию пришёл конец» [3, с. 89]. В этой ситуации на первый план выдвигается ориентация на незримое. Сознание современного человека оказалось сходным с первобытным сознанием, в котором место невидимых духов и богов заняли разнообразные вредные вещества и излучения, против каждого из которых должны существовать свои «заклинания» и «ритуалы уклонения». Данное положение дел приводит к формированию страха перед незримыми, невидимыми опасностями, который становится базой общественной солидарности.

В индустриальной цивилизации до середины XX века целью развития общества являлось распределение ресурсов и производство материальных благ, что обуславливало ориентацию на преодоление бедности, основой единства выступали рыночные интересы, движущая сила развития иллюстрировалась фразой «Я хочу есть». Предмет устремлений, в качестве которого выступали материальные богатства, являлся познаваемым на практике. В постиндустриальном мире «движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!»». Место общности нужды занимает общность страха. Тип общества риска маркирует в этом смысле эпоху, в которой возникает и становится политической силой общность страха» [3, с. 60]. Изначальное распределение рисков в классовом обществе обратно пропорционально – у элиты сосредотачивается богатство, в то время как уделом нижних слоёв становятся риски. Но в условиях глобализации, отмечает У. Бек, «риски распространяясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы» [3, с. 45]. В итоге, они настигают и те слои, которые их порождают.

Страх перед опасностью далеко не всегда приводит к осознанию риска, а порождает его отрицание. У. Бек пишет: «С ростом опасно-

сти растёт и вероятность её непризнания, преуменьшения серьёзности ситуации» [3, с. 91]. Это, в свою очередь, не снимает проблемы, а только усиливает её, так как не только принятие решения о противодействиях опасностям рискованно, но и отказ от этого генерирует новые проблемы, которые также требуют решения. Если от нужды или голода невозможно было дистанцироваться или отвлечься, так как их можно было только удовлетворить, то страхи, порождаемые рисками, общество склонно переносить в другое русло, но это тоже не способствует их разрешению. Сложность осознания масштабов какой-либо опасности может являться причиной успокоения или беспокойства. Слабая причина может порождать сильное беспокойство в обществе из-за незнания её размеров и наоборот. Развивая идеи У. Бека, Никлас Луман отмечает, что общество устроено таким образом, что его функционирование полностью зависит от рисков. В этих условиях важными социальными вопросами являются проблемы принятия решений, учёта рисков вытекающих из них, также вопросы необходимости выбора рисков, обусловленных социальными причинами [8, с. 156–157].

Характерной чертой для социума является формирование в общественном сознании представлений о том, что виноваты не сами опасности, а те, кто говорит о них, создавая беспокойство. Поэтому, как отмечает У. Бек, «неуловимость угрозы и беспомощность перед ней способствует распространению радикальных и фанатичных настроений и политических течений, которые делают социальные стереотипы и подверженные им группы населения «громоотводами» опасностей, скрытых от непосредственного восприятия и воздействия» [3, с. 92].

Основой нормального функционирования индустриального общества являлось преодоление материальной нужды и избегание социального провала, что предполагало получение хорошего образования и успешную карьеру. Общество риска добавило к этому способность предвидеть опасности, умение обращаться с ними. Именно преодоление рисков и страхов с ними связанных становится ключевой потребностью, так как «в обществе риска обхождение со страхом и неуверенностью становится в биографическом и по-

литическом плане ключевой цивилизационной квалификацией, а выработка соответствующих способностей – существенной задачей педагогических учреждений» [3, с. 93].

В этих условиях риски становятся инструментом, который политики используют для манипуляции массовым сознанием, так как «экологические и медицинские последствия могут быть гипотетическими, их можно по желанию оправдывать, представлять в безобидном свете или драматизировать» [3, с. 91]. Данная позиция власть имущих или тех, кто к ней стремится, приводит к тому, что общество балансирует на грани кризиса.

У. Бек делает вывод, что общество риска – это общество катастроф, потому что в нём чрезвычайное положение способно стать нормой жизни [3, с. 96]. Риски являются результатом его нормального развития, а не следствием каких-либо отклонений. С этой точки зрения, они являются одним из системообразующих принципов современного общества, составляют его сущность, ими «наделяет нас само развитие цивилизации» [3, с. 26]. У. Бек утверждает: «Риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» рождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» [3, с. 98]. Поэтому, развивая идеи У. Бека, Энтони Гидденс отмечает, что неотъемлемыми структурными элементами постиндустриальной цивилизации выступают риски. Рискогенности способствуют переизбыток в обществе знаний о рисках и несовершенство методов противодействия им. Глобализация современного мира приводит к росту числа взаимосвязанных друг с другом результатов принятия решений или отказа от этого, что также приводит к увеличению рискогенности [5, с. 111–117]. У. Бек говорит, что в этих условиях формируется «организованная безответственность», так как риск является обезличенной институциональной структурой, «что не может быть речи ни о какой её ответственности, даже перед самой собой» [2, с. 35].

Социальная динамика, предполагающая постоянную модернизацию, формирует постоянное взаимодействие общества с разнообразными угрозами и опасностями, результатом чего являются риски. В итоге, общество само постоянно их генерирует. Они не являются следствием каких-либо исключительных явлений, а постоянно воспроизводятся в политической, экономической, социальной сферах жизнедеятельности, и возникают как результат принятия решений. Например, в сфере образования России социально-политические риски порождаются изменением в законодательной сфере (частая смена образовательных стандартов), изменением условий финансирования, реорганизацией самой системы образования. Риск является результатом систематического взаимодействия социума с разнообразными опасностями и угрозами, которые порождаются процессом модернизации. Иллюстрацией этого утверждения является формирование постоянно действующих государственных и негосударственных структур в разных странах, одной из задач которых является риск-менеджмент. В качестве примера подобного органа можно назвать Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Для деятельности таких учреждений практическая значимость теории «общества риска» крайне велика. Современная социальная реальность констатирует то, что дистанцироваться от рисков невозможно, поэтому главная цель бытия в этих условиях – это научиться их прогнозировать, минимизировать и управлять ими. На основании анализа теории «общества риска» У. Бека, можно сделать вывод, что увеличение потока информации, роли знания и внедрение передовых технологий приводят к увеличению многообразия рисков, которые являются следствием нормального развития. В итоге, синонимом понятия «общество знания», которым обозначается постиндустриальная цивилизация, становится «общество риска». Анализ концепции немецкого философа и реальная социальная действительность свидетельствуют о том, что риски в различных сферах используются в качестве инструмента

для манипуляции массовым сознанием и других политических целей, что ставит общество на грань кризиса.

Список литературы

1. Алиева Н.З., Калинина Н.А., Кун-си-цин В.А. Трансформация общества знаний в общество риска // Успехи современного естествознания. 2012. №6. С. 198–199.
2. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. №1. С. 24–53.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. 248 с.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
6. Гребенщикова Е.Г. Гуманитарная экспертиза в «обществе риска» // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (№№ 63–64). С. 15–21.
7. Грунвальд А. Наночастицы и принцип предосторожности // Философские науки. 2010. № 6. С. 54–69.
8. Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

References

1. Alieva N.Z., Kalinina N.A., Kun-si-tsin V.A. Transformatsiya obshchestva znaniy v obshchestvo riska [Transformation of a knowledge society into a risk society]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural sciences], no 6 (2012): 198–199.
2. Beck U. Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vragi [The cosmopolitan society and its enemies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol VI, no 1 (2003): 24–53.
3. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.

4. Bechmann G. *Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informat-sionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: risk society, information society, knowledge society]. Moscow: Logos, 2010. 248 p.
5. Giddens A. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *THE-SIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system* [THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems], no 5 (1994): 107–134.
6. Grebenschikova E.G. Gumanitarnaya ekspertiza v «obshchestve ris-ka» [Humanitarian expertise in «risk society»]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], vol XIII, issue 2, no 63-64 (2011): 15–21.
7. Grunwald A. Nanochastitsy i printsip predostorozhnosti [Nanoparticles and principle of precaution]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], no 6 (2010): 54–39.
8. Luhmann N. Ponyatie riska [The concept of risk]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system* [THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems], no 5 (1994): 135–160.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Немеров Евгений Николаевич, доцент кафедры философии, кан-
дидат философских наук, доцент
Курский государственный медицинский университет
*ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Рос-
сийская Федерация*
eugenenn@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nemerov Evgeniy Nicolaevich, Associate Professor of the Department
of Philosophy, PhD. in Philosophy, Docent
Kursk State Medical University
*3, Karl Marks Str., Kursk, Kursk Region, 305041, Russian Fede-
ration*
eugenenn@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-48-64

УДК 101.1; 316.4

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

*Никулина М.А., Джамалова Б.Б., Колодиев М.Ю.,
Шулова Е.Ю.*

Цель. *Статья посвящена исследованию природы современных социальных рисков. Авторы ставят целью провести социально-философский анализ понятия и структуры социального риска, рассмотреть основные его виды в российском обществе и раскрыть методы управления ими.*

Метод или методология проведения работы. *Исследование основано на применении общенаучных методов (анализа и синтеза, сравнения, обобщения), системного подхода.*

Результаты. *Авторы приходят к выводу, что возможности социально-философского среза в исследовании социальных рисков позволяют рассматривать их как специфические формы деятельности, которые реализует субъект в условиях неопределенности. Совокупность и взаимодействие элементов и черт риска, составляя основное содержание этого понятия, определяют структуру, характеризуют виды, формируют его социальные функции, выясняют объективные и субъективные причины, которые обуславливают социальные риски. Необходимость управления рисками обосновано поиском способов защиты общества от их воздействия на все сферы жизни человека.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в социальной практике при социально-политическом и социально-экономическом моделировании, проектировании и прогнозировании.*

Ключевые слова: *социальный риск; структура социального риска; признаки социального риска; механизмы управления социальными рисками.*

SOCIAL RISKS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: PHILOSOPHICAL REFLECTION

*Nikulina M.A., Dzhamalova B.B., Kolodiyev M.Yu.,
Shulova E.Yu.*

Purpose. *Article is devoted to a research of the nature of modern social risks. Authors set as the purpose to carry out the social and philosophical analysis of a concept and structure of social risk, to consider his main types in the Russian society and to open methods of management over them.*

Methodology. *The research is based on application of general scientific methods (the analysis and synthesis, comparison, generalization), system approach.*

Results. *Authors come to a conclusion that the possibilities of a social and philosophical cut in a research of social risks are allowed to consider them as specific forms of activity which are realized by the subject in the conditions of uncertainty. Set and interaction of elements and lines of risk, making the main maintenance of this concept, define structure, characterize types, form his social functions, find out the objective and subjective reasons which cause social risks. Need of risk management it is proved by search of ways of protection of society against their impact on all spheres of human life.*

Practical implications. *Results of a research can be applied in social practice at social and political, social and economic modeling, design and forecasting.*

Keywords: *social risk; structure of social risk; signs of social risk; mechanisms of management of social risks.*

Введение

Во все времена в любом обществе существовали социальные риски, под воздействием которых оказывались интеллектуальная, производственная, творческая деятельность и быт людей.

Разноаспектные проблемы рисков стали предметом исследования в экономической теории (Ф. Найт, Дж. М. Кейнс, А.М. Ду-

бов, В.А. Чернов), в менеджменте (И.Т. Балабанов, П.В. Ваганов, В.В. Глушенко, Н.В. Хохлов, Jr. James F. Short, Ch. De Neubourg), в психологии (А.И. Белянин, П.В. Ваганов, Н.И. Голуб, Т.Н. Солнцева, К. Эрроу), в правовой теории (Д.В. Александров, А.М. Васильев, В.М. Танаев) в социологии (У. Бек, Э. Гидденс, В.И. Зубков, Ю.А. Зубок, Б.З. Докторов, Н. Луман, Ю.М. Плотницкий), в социальной философии (М. Вебер, Э. Тоффлер, С. Хантингтон, В.С. Барулин, В.Н. Ксенофонтов, М.В. Локосов, В.В. Мантатов) и других областях знания.

Категориальность понятия «риск» подчеркивает его крайнюю широту и многогранность, поэтому оно может быть четко сформулировано только в методологии конкретной области знания или в рамках конкретных прикладных исследований. Вместе с тем риски оказывают существенное влияние на общественные отношения, которое можно характеризовать и анализировать через такие категории философского знания как неопределенность, нестабильность, случайность, возможность, вероятность, необходимость, свобода и т.п. О.А. Андреева правильно замечает, что «риск выступает как общая философская категория, действующая или имеющая место во всех сферах действительности» [1, с. 76–77.]

Риск в онтологическом смысле — это возможность наступления известных нам событий или явлений в будущем, которых пока еще нет. Гносеологическая сущность риска характеризует возможность реализации событий, явлений, которые уже существуют, но мы пока не знаем об их существовании. В этом случае соотношение возможного и действительного в риске будет связано с мерой нашего знания (или незнания) об уже существовавших, но не известных ранее предметах, свойствах, явлениях и т. д. [7, с. 54].

Социальные риски можно определить в качестве социально значимых опасностей, причины возникновения которых имеют общественный характер и индивидуальная, самостоятельная защита от которых в большинстве случаев невозможна. Также социальным риском можно назвать и возможность возникновения социально неблагоприятной ситуации, которая обуславливает необходимость оказания гражданам поддержки со стороны государства и общества через

пенсии, пособия, компенсационные выплаты или социально значимые блага и услуги [11, с. 123]. Риск стал неотъемлемой чертой всей социальной жизни, в результате чего социальные философы и социологи называют современное развитое общество «обществом риска».

Материалы и методы

Проведенный социально-философский анализ рисков в современном российском обществе основан на принципах системного, структурно- функционального и деятельностного подходов, а также идеях социального проектирования. Теоретико-методологическая основа статьи формировалась на основных принципах социально-философской методологии исследования социальной нестабильности социума в России, которая дает возможность осуществления содержательного анализа феномена социального риска, этапов его развития и способов управления ими.

Результаты и обсуждение

Социальные риски определяют определенные объективные социально-экономические условия, которые в большинстве своем не зависят от воли, желаний отдельных людей (например, безработица, преступность, терроризм, демографические взрывы и провалы, эпидемии и т. п.). Возникновение и существование социальных рисков осуществляется не в чрезвычайных (экстремальных), а в обычных (нормальных) условиях развития общества. Социальные риски являются закономерным (а не случайным) проявлением нормального функционирования общества, и, более того, основные причины их развития представлены именно базовыми общественными отношениями, повседневными общественными порядками.

Социальному риску присущи определенные признаки, которые позволяют ограничить его от иных видов рисков [6, с. 77]. Первым по значимости признаком следует считать содержательный характер, отражающий существо социального риска. Наступление социально-рисковых ситуаций (заболевание, инвалидность, безработица и др.) вызывает неблагоприятные последствия для человека – материальную необеспеченность, социальное неблагополучие.

Второй признак (внешний) заключается в том, что социальные риски являются основанием социального обеспечения, будучи формализованными в действующем законодательстве. Именно законодательное закрепление перечня социальных рисков, признаваемых государством в качестве оснований тех или иных социальных предоставлений, может считаться сущностным признаком социального обеспечения.

Следующий признак социального риска – наличие вероятностного характера. Никакие социальные риски нельзя назвать абсолютно неотвратимыми. Можно говорить лишь о большей или меньшей степени вероятности их наступления. Этой характеристикой предопределяется и следующий признак – прогнозируемость, так как социальные обязательства, которые принимает на себя государство в связи с социальным обеспечением граждан, нуждаются в значительных финансовых вложениях, оценке экономических возможностей в сфере их компенсации и минимизации.

Кроме обозначенных признаков сущностной характеристикой социальных рисков является наличие у них определенной динамики, состоящей из трех этапов, среди которых лишь третий можно назвать непосредственно социальным риском.

Первый этап возникновения и реализации социальных рисков называется фактором риска, которые весьма разнообразны. Как правило, условия и факторы возникновения рисков обусловлены различными природно-климатическими явлениями, стихийными бедствиями, случайностями, непредвиденными ситуациями, межнациональными конфликтами и войнами, вероятностным характером научно-технического прогресса и др. Действительно, возникновение социального риска вызывается, как правило, различными внешними обстоятельствами, имеющими природный, техногенный, экономический или социальный характер.

Второй этап динамики социального риска – это то событие, которое приводит к материальной малообеспеченности и/или социальному неблагополучию. Это своеобразный толчок к возникновению социальных рисков. Чаще всего такими событиями могут быть травмирование, рождение ребенка, достижение пенсионного

возраста и т. д.; а возможными состояниями – заболевание, инвалидность, беременность и др. Одни ситуации обуславливают биологические причины – преклонный возраст, рождение детей; другие являются «заработанными», определяемыми, например, наличием трудового стажа, выслуги лет; третьи вызваны причинением вреда жизни и здоровью. Причины социальных рисков выделяются в качестве главных, наиболее полно отражающих существо регулируемой ситуации жизненных обстоятельств, при наличии которых индивиду должны быть предоставлены определенные виды социальных благ. Именно эти обстоятельства, закрепленные в законе, являются основаниями социальной помощи со стороны государства.

Третий этап – собственно ситуация социального риска. Не столько сами причины (старость, инвалидность, рождение ребенка) являются фатальными для человека, сколько, например, связанная с ними угроза потери работы и, следовательно, заработка как единственного основного источника их материального обеспечения.

Социальные риски являются интегральным понятием, объединяющим все виды рисков в жизнедеятельности человека. В соответствии с этим тезисом исследователь Н.П. Гончарова предлагает выделять риски политической, экономической, социальной, духовной и социально-экологической сфер [14, с. 144].

В настоящее время все большее распространение получают новые виды социальных рисков – риски глобализации. Процесс глобализации, который сопровождают технический прогресс, увеличивающаяся производительность труда, потребительский спрос, в настоящее время демонстрирует и свои негативные стороны, проявляющиеся в том, что усиливается неравенство в сфере распределения доходов, снижается спрос на работников, имеющих низкую квалификацию, ухудшается положение неквалифицированных работников на рынке занятости, растет безработица среди данной категории работников.

Для современного российского общества характерно наличие ряда наиболее распространенных типов социальных рисков, проявляющихся в высокой степени поляризации населения, безработице, нестабильной социально-демографической ситуации, маргинализа-

ции, вынужденных миграциях, преступности; низком уровне жизни населения и др. Все эти риски активно воздействуют на социальное положение граждан [3; 4; 5; 6; 10; 11; 18; 19].

Рассмотрим по отдельности некоторые основные социальные риски в России.

Высокая степень поляризации населения проявляется в том, что в последние годы разница между уровнем доходов, которые получают 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных граждан не сокращается. «Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения» РАНХиГС показывает, что уровень доходного неравенства в январе-сентябре 2017 г. не изменился относительно такого же периода 2016 года: коэффициент Джини составил 0,400 и остался ниже уровня 2012–2014 гг., когда этот показатель колебался между значениями 0,413 и 0,415. [5, с. 23–24]. Наличие высокой степени поляризации населения, связанной с материальным расслоением, способно обострить социальную, так называемую классовую напряженность, которая может привести к социальному протесту в открытой форме – от митингов протеста до выступлений против существующей власти. Наличие в России 3,9 млн. безработных по итогам обследования в ноябре 2017 года, что составляет 5,1% трудоспособного населения [10, с. 225], совместно с обозначенными выше проблемами позволяют сделать вывод о том, что экономика и социальная сфера развиваются не вполне динамично, а располагаемые достаточно большие экономические и административные ресурсы не в полной мере конвертируются в реальном объеме инвестиционных возможностей властных структур. Государственные структуры осознают остроту социальных проблем, но все еще недостаточно адекватно. Использование тактики «малых шагов», например, увеличение пенсий и зарплат на 7–8% не обеспечивает решение проблемы, а вызывает раздражение у населения [3, с. 266]. Существующая налоговая система постоянно воспроизводит разрыв в материальных доходах богатых и бедных. Российская налоговая система почти не обеспечивает выполнение стимулирующей, распределительной и социальной функций,

не развивает производство, не обеспечивает рост благосостояния и не снижает социальное расслоение населения.

Еще один характерный для России социальный риск – нестабильность социально-демографической ситуации. Проблемы депопуляции в России получили широкое освещение в научной литературе и до сих пор являются предметом бурных обсуждений. По данным Росстата [4, с. 239–240], с 1992 г. население России не росло, а постоянно сокращалось, причем, очень быстрыми темпами, имея явно неблагоприятный характер для России. Постепенное улучшение демографической ситуации отмечается в России с 2013 года. Тем не менее, одна из характерных черт всех прогнозов динамики численности населения России заключается в дальнейшем ухудшении демографической ситуации после 2020 года, основной причиной которого является изменение с точки зрения потенциала рождаемости возрастной структуры женской части населения. Так если до недавнего времени в активный период репродуктивного возраста 20-30 лет вступали женщины, родившиеся во время роста рождаемости 80-х годов XX века, то в настоящее время им на смену приходят существенно меньшие когорты женщин, родившихся в 90-х прошлого столетия.

Одной из самых негативных современных тенденций, провоцирующих рискогенность, стала высокая смертность населения трудоспособного возраста по немедицинским причинам, в числе которых и халатное отношение к своему здоровью, т.е. часть людей не стремится заботиться о своем здоровье, но что еще более печально, другая часть – попросту не способна позволить себе получение качественного медицинского обслуживания.

Отдельно следует сказать о том, что показатели смертности в нашей стране в целом аномально высокие для существующего в данный момент уровня экономического развития. Так, России принадлежит 55-е место по производству ВВП на душу населения и только 116-е место по ожидаемой продолжительности жизни. Хотя при этом выделяются десятки более бедных стран, в которых продолжительность жизни людей (в особенности мужчин) намного дольше. Отметим также, что в России существует проблема старения

населения: в настоящее время численность пенсионеров составляет 42729 тыс. чел (56% от численности рабочей силы), при этом число пенсионеров увеличивается примерно на 700 тысяч ежегодно и в 2020 году достигнет 50 миллионов, что говорит о постоянном росте нагрузки на работающее население [12].

Экономической основой противодействия социальным рискам являются средства федерального, регионального и местных бюджетов, а также государственных внебюджетных фондов. В основе средств государственных бюджетов лежит перераспределение общественного продукта через консолидированный бюджет, формирующийся из налогов и сборов.

Для средств государственных внебюджетных фондов характерна страховая природа, так как перераспределение средств осуществляется через три основных фонда: пенсионный фонд, фонд обязательного медицинского страхования, фонд социального страхования, функционирующих на основе особого финансово-экономического механизма – страхования, являющего наиболее эффективным способом защиты от социальных рисков. Страхование обладает не индивидуальным, а массовым, общественным и обязательным характером, и обеспечивает распределение финансового бремени рисков между социальными субъектами.

Социальные риски пытаются нивелировать или хотя бы минимизировать их последствия негосударственные институты-субъекты, например, семья, корпоративные объединения, благотворительные фонды, религиозные конфессии. Однако уровень их социально-экономического развития в настоящее время не способен обеспечить реализацию мер социальной защиты в рамках всего общества. В большей мере их усилия сконцентрированы на том, чтобы защитить от индивидуального, случайного риска.

Функционирование негосударственных (частных) субъектов социальной защиты от рисков (пенсионных фондов, медицинских страховых компаний), в отличие от государственных внебюджетных фондов, осуществляется на добровольной основе. Данные институты являются дополнительными мерами по страхованию

социальных рисков, однако в России они пока не так широко распространены, прежде всего, из-за невысокого доверия населения к частным структурам. Кроме того, уровень жизни большинства населения не позволяет приобретать социальные услуги у негосударственных субъектов социальной защиты и помощи, если они являются коммерческими организациями.

Проблема минимизации рисков требует правильного выбора конкретных мер, направленных на компенсацию и снижение уровней различного рода социальных рисков, т.е. управления ими. Методы управления рисками позволяют в определенной мере прогнозировать наступление рискованных событий и принимать меры к исключению или уменьшению отрицательных последствий.

Российский ученый-экономист С.Ю. Янова считает, что механизмы управления социальными рисками – их поглощение, распределение и предупреждение [2, с. 57].

Важная роль в процессе оценки и минимизации социальных рисков принадлежит способу избегания риска, который означает радикальный отказ от мероприятий, связанных с риском, что дает возможность полностью исключить потери и неопределенность.

Способ компенсации риска является упреждающим методом, который обеспечивает создание механизмов по предупреждению возникновения рискованных ситуаций на основе, прежде всего, стратегического планирования.

Основной идеей диверсификации как способа по снижению социальных рисков в современном российском обществе является снижение максимально возможных потерь на одно событие за счет распределения средств между различными объектами, непосредственно не связанными друг с другом.

Заключение

Социальные риски российского общества и глобальные риски, многогранность, неоднозначность их природы требуют философской рефлексии, основная цель которой состоит в поиске адекватных способов социальной защиты и механизмов преодоления рисков. В связи

с этим представляется очевидной необходимость обеспечить на государственном уровне непрерывный мониторинг и анализ социальных рисков, разрабатывать механизмы управления ими, контролировать социальную сферу жизнедеятельности страны. Возникает вполне очевидная потребность в контроле социальных рисков, как важнейшее условие существования демократической, социальной, единой и независимой России. При этом к особенностям функционирования отечественной системы противодействия социальным рискам следует отнести то, что ведущую роль в ней играют государственные институты-субъекты, государственные внебюджетные механизмы. Негосударственные институты-субъекты социальной защиты существенной роли в противостоянии рискам не играют.

Проведенный социально-философский анализ современных социальных рисков позволяет сделать вывод о том, что конкретная деятельность людей формирует факториальную возможность появления и проявления социальных рисков в отдельных сферах и областях жизнедеятельности общества, управления их природой. Мирозозренческий аспект риска, активность субъекта, риск в гуманитарном измерении актуализируют проблему риска и способов защиты.

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Исследование не имело спонсорской поддержки.*

Список литературы

1. Андреева О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог: ТИУиЭ, 2000. 232 с.
2. Баранник Л.Б. Социальные риски: проблемы и особенности их финансового измерения // Труд и социальные отношения. 2012. № 12. С. 55–61.
3. Будько Е.В., Евстифеева Е.А. Риски современной социальной ситуации в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (106). С. 264–269.
4. Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./ Росстат. М., 2017. 263 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (дата обращения: 05.02.2018).

5. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – октябрь 2017 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-14.11.2017.pdf> (дата обращения: 05.02.2018).
6. Истомина Е.А. Нетипичные социальные риски в праве социального обеспечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 3. С. 76–82.
7. Наумова Т.В. Методологическое значение философских категорий в понимании сущности риска / Т.В. Наумова // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. № 182. С. 52–57.
8. Панфилова Е.А. В России практически невозможно найти островки, свободные от коррупции // Росбалт.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/11/18/1568379.html> (дата обращения: 30.05.2017).
9. Патраков Э.В. Мотивация представителей помогающих профессий на основе акмеологического подхода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 297–300.
10. Социально-экономическое положение России. Январь-ноябрь 2017 года. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-11-2017.pdf (дата обращения: 05.02.2018).
11. Федорова М.Ю. Соотношение социальной защиты и социального обеспечения в контексте управления социальными рисками: правовые аспекты // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 4 (45). С. 122–129.
12. Численность пенсионеров в России [Электронный ресурс]. URL: <https://franshiza.pro/myblog/statistika/chislennost-pensionerov-v-rossii.html> (дата обращения: 17.05.2017).
13. Шарин В. И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 6 (50). С. 118–124.

14. Эбелинг Э.О. Социальные риски: теоретический анализ // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2016. № 4–2. С. 140–147.
15. Eisenberger R. Perceived organizational support and risk taking // *Journal of Managerial Psychology*, 2014, no 29 (2), pp. 187–205.
16. Labott S., Johnson T. Psychological and Social Risks of Behavioral Research // *IRB: Ethics and Human Research*, 2004, no 26 (3), pp. 851–886.
17. Merton R.C. Innovation risk // *Harvard Business Review*, 2013, no 91 (4), pp. 48–56.
18. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 59. July, 2017, pp. 53–67.
19. Tartakovsky E., Walsh S.D., Patrakov E., Nikulina M. Between Two Worlds? Value Preferences of Immigrants Compared to Local-Born Populations in the Receiving Country and in the Country of Origin // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017, no 48 (6), pp. 835–853. DOI: 10.1177/0022022117709534.
20. Therborn G. *The killing fields of inequality*/G. Therborn. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 180 p.
21. Wendling C. What role for social scientists in risk expertise? // *Journal of Risk Research*, 2012, no 15 (5), pp. 477–493.

References

1. Andreeva O.A. *Stabil'nost' i nestabil'nost' v kontekste sotsiokul'turnogo razvitiya* [Stability and instability in the context of sociocultural development]. Taganrog: TMandEI, 2000. 232 p.
2. Barannik L.B. Sotsial'nye riski: problemy i osobennosti ikh finansovogo izmereniya [Social risks: problems and features of their financial measurement]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, no 12 (2012): 55–61.
3. Bud'ko E.V., Evstifeeva E.A. Riski sovremennoy sotsial'noy situatsii v Rossii [Risks of a modern social situation in Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 2 (106) (2012): 264–269.
4. *Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2017: Stat. sb.* [Demographic yearbook of Russia. 2017: Statistical. collection]. Rosstat. Moscow, 2017.

- 263 p. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (accessed: February 05, 2018).
5. *Ezhemesyachnyj monitoring social'no-ehkonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya: 2015 g. – oktyabr' 2017 g.* [Monthly monitoring of economic and social situation and health of the population: 2015 – October, 2017.] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; under the editorship of T. M. Maleva. 2017. <http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-14.11.2017.pdf> (accessed: February 05, 2018).
 6. Istomina E.A. Netipichnye sotsial'nye riski v prave sotsial'nogo obespecheniya [Atypical social risks in the right of social security]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, Vol. 16, no 3 (2016): 76–82.
 7. Naumova T.V. Metodologicheskoe znachenie filosofskikh kategoriy v ponimanii sushchnosti riska [Methodological value of philosophical categories in understanding of essence of risk]. *Nauchnyy vestnik MGTU GA*, no 182 (2012): 52–57.
 8. Panfilova E.A. V Rossii prakticheski nevozmozžno nayti ostrovki, svoidnye ot korruptsii [It is almost impossible to find islands in Russia, free from corruption]. <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/11/18/1568379.html> (accessed: May 30, 2017).
 9. Patrakov E.V. Motivatsiya predstaviteley pomogayushchikh professiy na osnove akmeologicheskogo podkhoda [Motivation of the care professions on the basis of akmeology approach]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, Vol. 5, no 3 (16) (2016): 297–300.
 10. *Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-noyabr' 2017 goda. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Economic and social situation of Russia. January-November, 2017. Federal State Statistics Service]. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-11-2017.pdf (accessed: February 05.2018).
 11. Fedorova M. Yu. Sootnoshenie sotsial'noy zashchity i sotsial'nogo obespecheniya v kontekste upravleniya sotsial'nymi riskami: pravovye aspekty [Ratio of social protection and social security in the context of management of social risks: legal aspects]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, no 4 (45) (2015): 122–129.

12. *Chislennost' pensionerov v Rossii* [The number of pensioners in Russia]. <https://franshiza.pro/myblog/statistika/chislennost-pensionerov-v-rossii.html> (accessed: May 15, 2017).
13. Sharin V.I. Sotsial'nye riski kak ugrozy sotsial'nomu polozheniyu i zashchita ot nikh [Social risks as threats to a social status and protection against them]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no 6 (50) (2013): 118–124.
14. Ebeling E.O. Sotsial'nye riski: teoreticheskiy analiz [Social risks: theoretical analysis]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziyskom prostranstve*, no 4-2 (2016): 140–147.
15. Eisenberger R. Perceived organizational support and risk taking. *Journal of Managerial Psychology*, no 29 (2) (2014): 187–205.
16. Labott S., Johnson T. Psychological and Social Risks of Behavioral Research. *IRB: Ethics and Human Research*, no 26 (3) (2004): 851–886.
17. Merton R.C. Innovation risk. *Harvard Business Review*, no 91 (4) (2013): 48–56.
18. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 59. July (2017): 53–67.
19. Tartakovsky E., Walsh S.D., Patrakov E., Nikulina, M. Between Two Worlds? Value Preferences of Immigrants Compared to Local-Born Populations in the Receiving Country and in the Country of Origin. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no 48 (6) (2017): 835–853. DOI: 10.1177/0022022117709534.
20. Therborn G. *The killing fields of inequality*/G. Therborn. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 180 p.
21. Wendling C. What role for social scientists in risk expertise? *Journal of Risk Research*, no 15 (5) (2012): 477–493.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Никulina Марина Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, заместитель директора по учебной и воспитательной работе

*Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
пер. Соборный, 26, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область,
344002, Российская Федерация
nikulina_marina@mail.ru*

Джамалова Бика Багавдиновна, д.пед.н., профессор кафедры
уголовно-процессуального права, директор юридического
колледжа
*Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского го-
сударственного университета юстиции (РПА Минюста
России)
ул. Агасиева, 87, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008,
Российская Федерация
bika.dzhamalova.85@mail.ru*

Колодиев Михаил Юрьевич, магистрант 1 курса направления под-
готовки 47.04.01 «Философия»
*Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/52, г. Ростов-на-Дону, Ростовская
область, 344006, Российская Федерация
kolodievrus@bk.ru*

Шулова Ева Юрьевна, студентка 1 курса лечебно-профилактиче-
ского факультета
*Ростовский государственный медицинский университет
пер. Нахичеванский, 26, г. Ростов-на-Дону, Ростовская об-
ласть, 344022, Российская Федерация
shulova_1999@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nikulina Marina Alekseevna, Ph.D. in Philosophy, Associate Profes-
sor, Department of Humanitarian and Social and Economic Dis-
ciplines, Deputy Director for Educational Work

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) of Rostov Law Institute (branch) in Rostov 26, Soborny av., Rostov-on-Don, Rostov Region, 344002, Russian Federation

nikulina_marina@mail.ru

SPIN-code: 6552-0060

ORCID: 0000-0002-0689-7010

Researcher ID: B-4516-2017

Scopus Author ID: 57190175378

Dzhamalova Bika Bagavdinovna, Ph.D. in Pedagogical Sciences, professor of department of the criminal procedure right, director of Law College

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) of North-Caucasus Branch in Makhachkala 87, Agasiev Str., Mahachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation

bika.dzhamalova.85@mail.ru

SPIN-code: 8275-5918

Scopus Author ID: 57188839863

Kolodiyev Mikhail Yuryevich, Student of 1 Course of the Master's Program 47.04.01 'Philosophy'

Southern Federal University

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Rostov Region, 344006, Russian Federation

kolodievrus@bk.ru

Shulova Eva Yurevna, Student of 1 Course of Medical and Preventive Faculty

Rostov State Medical University

29, Nahichevansky av., Rostov-on-Don, Rostov Region, 344022, Russian Federation

shulova_1999@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-65-79

UDC 101

MODELS OF LINGUISTIC COMMUNICATION (SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Shmeleva Zh.N.

Purpose. *The article is devoted to the social-philosophical analysis of the main models of linguistic communication and the identification of the dialectical unity of communication and information aspects of the language, as it is the language that is an attribute of social existence in general and human one in particular. The most important “markers” of the language are information and communication. The more complex and branched the society activity is, and the more, in this regard, the amount of the accumulated information (scientific, political, artistic) is, the more important role the language communication plays in its functioning. It makes it possible to communicate between people and their communities, makes the link between generations possible, contributes to the accumulation and transmission of social experience, enrichment, translation of cultural heritage.*

Methodology. *During the research, the author was guided by the fundamental principles of dialectical methodology. In particular, they were the principles of the unity of logical and historical, development, universal connection of phenomena, etc. The central place belongs to the method of philosophical reflection, which in this work is expressed in the explication of ontological, epistemological, axiological coordinates of communication and information issues.*

Results. *The results of the study are that the author explicates the essence of linguistic models of communication, identifying the factors influencing the understanding in the communication process, and justifies the inter-transition and convergence of information and communicative aspects of the language.*

Practical implications. *The results of the study might help to deepen our understanding of the language phenomenon, as well as systematize its information-communicative nature.*

Keywords: language; information; communication; social-philosophical analysis; model.

МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Шмелева Ж.Н.

Цель. Статья посвящена социально-философскому анализу основных моделей языковой коммуникации и выявлению диалектического единства коммуникативной и информационной сторон языка, поскольку именно язык является атрибутом социального бытия вообще, и человеческого, в частности. Наиболее важными его «маркерами» являются информация и коммуникация. Чем сложнее и разветвленнее деятельность общества, и чем больше в связи с этим накапливаемый объем информации (научной, политической, художественной), тем более важную роль в процессе его функционирования играет языковая коммуникация. Она обеспечивает связь между людьми и их общностями, делает возможной связь поколений, способствует накоплению и передаче социального опыта, его обогащению, трансляции культурного наследия.

Методология проведения работы. При проведении исследования автор руководствовался фундаментальными принципами диалектической методологии. В частности, единства логического и исторического, развития, всеобщей связи явлений и др. Центральное место принадлежит методу философской рефлексии, который в настоящей работе выражается в экспликации онтологических, гносеологических, аксиологических координат проблем коммуникации и информации.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор эксплицирует сущность лингвистических моделей коммуникации, выявляя факторы, влияющие на понимание в процессе коммуникации, и обосновывает взаимпереход и взаимопроникновение информационных и коммуникативных сторон языка.

***Область применения результатов.** Результаты исследования помогут углубить наши представления о феномене языка, систематизировать его информационно-коммуникативную природу.*

***Ключевые слова:** язык; информация; коммуникация; социально-философский анализ; модель.*

Introduction

With all the variety of communication forms in the modern globalized world that are functioning in human society (sms messages, emails, sign language, body movements, the Internet), the dominant role is given by the author to the language. This phenomenon is the most important area in which the life of any individual is reflected. The most important (language) “markers”, in our opinion, are information and communication. The linguistic communication plays an indispensable role in all the spheres of the social life. So, we consider it very important to present the existing models of linguistic communication and to give their social-philosophical analysis.

Literature review

Having analyzed the domestic and foreign authors, we can distinguish the following scope of sources associated with the intensive development of the information and communication issues:

- the essence, storage, processing, retrieval of information have been researched in the works of domestic and foreign scientists Yu.F. Abramov, V.G. Afanasyev, B.V. Biryukov, M.K. Bocharov, N. Viner, I.I. Grishkin, W. Dembski, D.I. Dubrovsky, V.Z. Kogan, V.Yu. Kolmakov, I.B. Novik, T.I. Orel, E.P. Semenyuk, M.I. Setrov, Yu.N. Stolyarov, A.P. Sukhanov, A.D. Ursul, F. Webster, K.E. Shannon, Yu.A. Schrader, V.A. Stoff;
- the psychology of communication and language communication, taking into account such social factors as the views, purposes of the speaker and the hearer, their social status, ethnicity are researched in the writings of N. D.Arutunova, P. Grice, T.A. Van Dijk, M.S. Kagan, N.T. Kazakova, O.L. Kamenskaya,

V.I. Karasik, V.B. Kashkin, V. Kinch, E.S. Kubryakova, A.A. Leontiev, J. Austin, A.V. Petrovsky, J. Searle, M. Stubbs, P. Strawson, J. Habermas, D. Shiffrin;

- changes the interpretation of the discourse, raising the question of the cognitive model elements, processing and linguistic pragmatics of the text were reflected in the works of T.A. Van Dijk, T.G. Ignatyeva, O.L. Kamenskaya, V.I. Karasik, W. Kinch, M.L. Makarov.

There is an interesting material, which, of course, forms an important basis for further creative research in this area and serves as a source of theoretical material for this article. However, the **purpose** of the author is to conduct a deeper social philosophical analysis of the linguistic communication, its models and the **task** is to show the interconnection of communication with the information.

The main material of the article

As in our works [17] language is considered to be the information-communicative system, so far the phenomena of information and communication are of special interest. Language as a sign system is a versatile tool for the storage, accumulation and transmission of information. The information message is a certain collection of signs and their meanings. We are interested in how and in what forms, information realizes and expresses itself in the language, and why we can identify the language as the information system. Various forms of information organization are the various forms of thoughts expression. We can say that the word (concept) in language is a structural unit of information. The concept of information is fundamental for almost all areas of human activity.

The interpretation of the “information” phenomenon has made a significant evolution. The initial (pre-scientific) view of the information developed in the field of ordinary language on the basis of everyday socio-communicative practices. According to this understanding, information is the message or information that people share with each other in the process of communication. By the mid-twentieth century with the

emergence of the cybernetics science and the extrapolation of its laws to all classes of systems including social, there was the situation where the information became a strictly scientific concept. Therefore, information theory is one of the most rapidly developing branches of contemporary scientific knowledge that permeates many of the sciences of inanimate and animate nature, society, cognition. The debate about the nature and essence of information, during which the scientists discussed a wide range of categories and principles, formed the basis for the development of the general theory of information, which at the suggestion of E.P. Semenyuk and V.I. Siforov, was called informology [12]. The main methodological approaches to the prevailing definition of information, include mathematical (quantitative), program-algorithmic, attributive, reflecting the qualitative characteristics of the information. According to V.Yu. Kolmakov, the principle of fundamental understanding of the information phenomenon is reflected in any methodological environment of philosophical thinking as a requirement for carrying out a logical operation aimed at identifying common semantic basis on which the further development of the specified consequences is constructed [8]. According to K.E. Shannon information may be measured as the degree of order or organization of the system, as negative entropy or negentropy [16, p. 153].

From the author's point of view, the understanding of information is unthinkable without the reference to communication. Any study of language and information relies on a particular communication model.

The term "communication" appeared in scientific literature in the early twentieth century. Communication in the philosophical and psychological literature, is the transmission of information both in the animal world (in this case, the term "bio-communication" is used) and in the human society. The communication can also be realized from one technical device to another [7, 15]. The word "communication" has the Latin origin that means "joint, common, mutual, reciprocal". Hence, it can be concluded that communication, as a necessary element of interaction between individuals involves an exchange of knowledge, information, values, estimates, meanings.

N.T. Kazakova rightly believes that the analysis of the phenomenological bases of human communication problems has not only indirectly theoretical but practical importance [6, p. 134–135]. We can say that without an adequate understanding of the communication concept, it is impossible to investigate the development and functioning of human society, the personality in general and language in particular. We believe that without language communication the constitution of social communities, systems, institutions, and the existence of society is impossible, because it (communication) permeates all aspects of society, social groups and individuals. That is why it is so important to study the nature of communication and its models.

There are many definitions of communication. For example, in the *Dictionary of Modern Western sociology* the concept of communication is interpreted as 1) a communication facility of any objects material and spiritual world; 2) communication, information transfer from person to person; 3) communication and exchange of information in society [13, p. 131]. In the philosophical encyclopedic dictionary, communication is regarded as process of interrelation and interaction of societies, entities (classes, groups, individuals) in which there is exchange of activity, information, experience, abilities, skills, and performance [15, p. 447]. It is one of the necessary and universal conditions of formation and development of the society and the individual. All of these characteristics of this phenomenon become actual exclusively through the language forms of generalization. According to N.T. Kazakova, historically proven is the fact that human development begins with nonverbal communication. But the process of fixing the “human” in the “man” is associated with the emergence and development of language as means of communication [6, p. 136]. In other words, it is the language that conveys everything that cannot be transferred by the bio-code, and so the communicative aspect of communication is the most adequately manifested in the language.

Any study of the language relies on a particular communication model. In linguistics, the first language model was built by R.O. Jakobson, who had experienced a significant influence of the ideas expressed by K.E. Shannon in the information theory. In his (R.O. Jakobson’s) infor-

mation and code model communication involves the sender and recipient. The context in this model is associated with the content of the message, i.e. with the information transmitted, the notion of contact being associated with the regulative aspect of communication [18, p. 306–318; 19, p. 319–330].

We can say that this model and understanding of the language communication is based on two fundamental principles: first, any national language (Russian, German and others) is a specific code; second, these codes relate to thoughts and sounds [10, p. 34]. This model has a primitive inter-subjectivity as its basis, and the aim of communication is the general idea or message. The process of achieving this goal is based on the existence of a common code, identical language skills. Both the model proposed by R.O. Jakobson and its variants are used in linguistics to analyze language features in general and the functioning of its individual units, production of speech and text in particular. However, in our opinion, the information-code model is unable to give a quite adequate description of real processes of communication in the variety of natural languages, because the understanding requires more than just the process of decoding acoustic signals.

So we agree with A. Akmajian, R.A. Demers, A.K. Farmer, R.M. Harnish who call such a model “a message model” [1, p. 305], and put the following arguments in favor of its imperfections. First of all, this model represents the communication process as simply producing, listening to and understanding expressions. It ignores a significant component of the speaker’s communicative intention. Secondly, speech expressions are often ambiguous, and the recipient should know precisely what sense was put by the interlocutor. Thirdly, we do not always speak literally, referring to something quite different from what the words mean (irony, sarcasm, metaphor). Fourth, we sometimes share more than the sentence and the expression mean. For example, when we address the mechanic and say, “I have a flat tire”, we ask him/her to resolve the problem, i.e., to repair the car, although the sentence expressed only the state of the car [1, p. 312–313]. Communication, according to the above-mentioned authors, is successful only when the hearer can recognize the speaker’s

communicative intention [1, p. 314–315]. The heuristic value of the information-code model is limited to semiotic approaches in the study of language and its weakness is revealed in the semantic-pragmatic approach to the study of communication processes.

In this regard, it is necessary to distinguish the “inferential” and “interactional” models of communication [10, p. 35–40]. The inter-subjectivity plays a major role in the inferential language model. If in the information-code model the speaker deliberately sent an idea to the listener, then in the inferential model the speaking subject demonstrates his/her intentions [14, p. 136–137]. The communication process is initiated not by the desire of an individual to convey a thought or some information, but his/her desire to make his/her intentions clear to others. Verbal means for the expression of intentions are statements. The content of the statements is not limited to the representative messages about the state of affairs (as in the information-code model), and may contain extra-linguistic factors, such as emotions. Although intentions themselves are not propositional (they are more similar to the attitudes and motives), the content of the statements is such. So, the intentions determine how one or another propositional content should be interpreted. A. Akmajian, R.A. Demers, A.K. Farmer, R.M. Harnish talk about shared assumptions and inferencing strategies as the basis for successful linguistic communication. These include: linguistic presumption and communicative presumption, the presumption of literalness, relevance, sincerity, truthfulness, quantity and quality [1, p. 316].

Interactional model of communication considers the interaction in the socio-cultural situation as the basic principle. The system of norms of social behavior serves as the basis of linguistic communication. The nature of the (trans)formation of meaning in communication is not due to linguistic code structures, but to communicative and social practices [2, p. 398–405]. The aspects of communication as behavior are placed in the center of the model. Communication occurs not just as a stream of information, or manifestation of intention, but also as a demonstration of meaning, and they are not necessarily initiated and intended for interpretation by the recipient. Any behavior, action, silence, lack of action,

facial flushing, trembling of hands, in a certain situation can be of communicative significance. Therefore, while the individual is in a situation of communication (i.e., he/she is observed by another individual), he/she, regardless of his/her own wish, shows meaning. The great role is given to the activity of the perceiving human, since without the co-participation of communicants in the process of the meanings demonstration and especially their interpretation (which plays the role of criteria of success and main purpose of a communicative act) no communication or joint activity could occur [10, p. 39]. The purpose of this interpretation of meanings that occurs in the process of constant “negotiations”, flexible dialectics of the collective understanding of social reality is the achievement of inter-subjectivity (psychological or phenomenological experience of the commonality of thoughts, interests, emotions, feelings, actions). This inter-subjectivity (community) is a dynamic phenomenon, which is in constant motion, change, and part of the communicative work is always aimed at the reproduction, the achievement and maintenance in each new communicative act. In the interactional model of communication we can observe a strong situational affection, which is expressed in the account of extra-linguistic factors of communication and activities in general, to use a broad socio-cultural context. The researcher is dealing with “background knowledge”, which is conventional in nature, but far from the level of algorithmic language code. The role of common values in the interactional model remains quite high, while the dependence on the code is greatly reduced compared to the information-code model. It seems to us that it is the interactional model that more adequately captures the essence of the communication process, if we recognize the priority of the communication in relation to information.

Modelling of communication is always associated with the pragmatic aspect as the inevitable look at communication from the point of view of its main participant – the person. Knowledge of the language system (e.g., language rules) is only one of the prerequisites for the success of linguistic communication; the other prerequisite is a sufficiently automated strategies and mechanisms of production and processing of expressions, constructed in accordance with this system [4, p. 197–222].

The concepts of “pragmatic context” and “pragmatic understanding” that were introduced by T.A. van Dijk are quite interesting in this regard [3, p. 12–41]. In his opinion, pragmatic understanding is a kind of sequence of processes, the content of which is attributing the statements of the participants of communication special conventional nature of illocutionary force [3, p. 14–15]. Information can come from different sources and through different channels. First, it is the grammatical structure of the utterance, which is defined by rules. Second, paralinguistic characteristics (e.g., gestures, facial expressions, rate of speech, stress, intonation); communication is often successful because of the verbal and non-verbal forms can be used simultaneously, in the course of the primary message. Thirdly, it is knowledge and opinions about the talking, about the features of this and previous communicative situation, knowledge of a general nature (for example, the conventional rules about the interaction), as well as general knowledge about the world. The success of communication is most likely when the parties communicate in a specific context have the same set of pragmatic presumptions, exerting a decisive influence on the wording of the statements, and, consequently, on their interpretation.

The following question arises: can't we make the wrong choice of interpretation of the speech act? After all, the meanings that the individual ascribes to the objects of the understanding, is drawn from his individual inner consciousness that is formed on the basis of language and sensory impressions. Every person gives the statements and the things its own individual meaning, own interpretation. This problem was researched by the famous philosopher and linguist W. Humboldt, speaking of the paradoxes of understanding and misunderstanding in the communication process. How does verbal communication become possible? How consistent is the variety of interpretations with the fact that people nonetheless understand each other, work together and are able to come to a consensus?

The point of view expressed by A.L. Nikiforov seems to be reasonable. He thinks that the answer to these questions is to be sought in the analysis of the nature of the individual semantic context or the spiritual

world identity [11, p. 86]. In other words, despite individual uniqueness, “individual semantic context” has something in common with the semantic contexts of other individuals. This common aggregate context is a reflection of objective reality, i.e. the world in which we live. And since this world is shared, one for all, the individual contexts of different people, reflecting that the objective world needs to be similar to each other. In addition, we are all members of one society, one culture. In childhood we acquire language, that is the means of transmission of culture and spiritual values, we learn to give words and sentences much the same sense, i.e., those which passed at this time, in a particular society.

Communication plays a decisive role, where it acts not just as a process of exchange between processors of information, and as a constitutive factor of behavior and activities of man and society [10, p. 40], that J. Habermas called communicative action. In our case, the communicative action becomes a process of social interaction of subjects of social being and social consciousness. We should mention that the dominant role of one towards another is conditional and relative. More important for us is the fact that according to the law of dialectical synthesis information and communication environment appears that becomes the social space where language experience, gaining structure, coherence, wholeness is filled with significance and meaning. Information tools are becoming part of communication, and their significance is not in relation to other information tools, but in relation to other communicative means. According to M.L. Makarov, the information tools are ideological, discursive deployments and “play a constitutive role in communication, creating the illusion of the knowable world ... and contribute to the knowledge supposedly independent from the interaction of reality” [10, p. 40].

Conclusion

Therefore, considering language models and the relationship of information and communicative aspects of language, we are not inclined to give priority to neither information nor communication and postulate a dialectical unity, the interconnectedness and convergence of informa-

tion and communication of the parts in the language. The basis of dialectical information and communications, from our point of view, is the ability to transition and interpenetration. Justifying dialectical unity and the convergence of information and communicative aspects of the language, we reveal the factors that provide this unity, i.e., globalization, informatization and social mobility in society (changes in individual or group social position, the place occupied in the social structure) as a result of crises occurring in the country in recent decades.

References

1. Akmajian A. *Linguistics: An introduction to Language and Communication*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990. 508 p.
2. Schiffrin D. *Approaches to Discourse: Language as a Social Interaction*. Oxford: Blackwell Publishing, 1994. 480 p.
3. Dejk T.A. van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshhensk. BGK im. I.A. Bodujena de Kurtene, 2000. 308 p.
4. Dem'janenkov V.Z. O formalizacii pragmaticheskikh svojstv jazyka [On the Formalization of the Pragmatic Properties of Language]. *Jazykova-ja dejatel'nost' v aspekte lingvisticheskoi pragmatiki* [Language activity in the aspect of linguistic pragmatics]. M.: INION AN SSSR, 1984, pp. 197–222.
5. Kagan M.S. *Mir obshhenija: Problema mezhsujektnyh otnoshenij* [The World of Communication: The Issue of Intersubject Relations]. M.: Politizdat, 1998. 319 p.
6. Kazakova N.T. Fenomenologicheskie osnovanija chelovecheskogo obshhenija: sushhnost' i sushhestvovanie [Phenomenological Foundations of Human Communication: the Essence and Existence]. *Lichnost', tvorchestvo i sovremennost'* [Personality, creativity and modernity]. Krasnojarsk: Izd-vo Sib.jur.in-ta, 2005. Issue 8, pp. 134–136.
7. *Kollektiv. Lichnost'. Obshhenie.: Slov. social.-psihol. Ponjatij* [The Collective. Personality. Communication: The Dictionary of Social-psychol. Terms]; Pod red. E.S. Kuz'mina, V.E. Semenova. Leningrad: Lenizdat, 1987. 143 p.

8. Kolmakov V.Ju. *Informacija. Informacionnost'. Virtual'nost'* [Information. Information Properties. Virtuality]. Krasnojarsk, Izd-vo SibGTU, 2004. 224 p.
9. Leont'ev A.A. *Psihologija obshhenija* [Psychology of Communication]. M.: Smysl, 1997. 366 p.
10. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Discourse Theory]. M.: Gno-zis, 2003. 276 p.
11. Nikiforov A.L. Poznanie kak otrazhenie i ponimanie [Cognition as Reflection and Understanding]. *Zagadka chelovecheskogo ponimani-ja* [Riddle of human understanding]. M.: Politizdat, 1991, pp. 259–264.
12. Siforov V.I. Informologija i problemy informacionnyh setej. Metodologicheskie aspekty i perspektivy nauki ob informacii [Information Studies and Issues of Information Networks. Methodological Aspects and Perspectives of Information Science]. *Informacija i informacionnye seti* [Information and information networks]. M.: Nauka, 1977, pp. 5–31.
13. *Sovremennaja zapadnaja sociologija: Slovar'* [Contemporary Western Sociology: The Dictionary]. M.: Politizdat, 1990. 432 p.
14. Strosen P.F. Namerenie i konvencija v rechevyh aktah [Intention and Convention in Speech Acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Issue 17. M., 1986, pp. 136–137.
15. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M.: Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija, 1983. 840 p.
16. Shannon K. *Raboty po teorii informacii i kibernetike* [Works on Information Theory and Cybernetics]. M.: Izd.in.lit-ry, 1963. 821 p.
17. Shmeleva Zh.N. *Jazyk kak informacionno-kommunikativnaja sistema* [Language as an Information and Communication System]. Krasnojarsk: Izd-vo Krasn. gos. agr. un-ta, 2009. 142 p.
18. Jakobson R.O. *Jazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikacii* [Language in Relation to Other Communication Systems]. M.: Progress, 1985, pp. 319–330.
19. Jakobson R.O. *Izbrannye raboty po lingvistike* [Selected works on linguistics]. Blagoveshhensk: Izd-vo BGK im. I.A. Bodujena de Kurtene, 1998. 449 p.

Список литературы

1. Akmajian A. Linguistics: An introduction to Language and Communication. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990. 508 p.
2. Schiffrin D. Approaches to Discourse: Language as a Social Interaction. Oxford: Blackwell Publishing, 1994. 480 p.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск. БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. 308 с.
4. Демьяненко В.З. О формализации прагматических свойств языка. // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: ИНИОН АН СССР, 1984. С. 197–222.
5. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1998. 319 с.
6. Казакова Н.Т. Феноменологические основания человеческого общения: сущность и существование. // Личность, творчество и современность. Красноярск: Изд-во Сиб.юр.ин-та, 2005. Вып.8. С. 134–136.
7. Коллектив. Личность. Общение: Слов. социал.-психол. понятий/ Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л.: Лениздат, 1987. 143 с.
8. Колмаков В.Ю. Информация. Информационность. Виртуальность. Красноярск, Изд-во СибГТУ, 2004. 224 с.
9. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. 366 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
11. Никифоров А.Л. Познание как отражение и понимание. // Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. С. 259–264.
12. Сифоров В.И. Информология и проблемы информационных сетей. Методологические аспекты и перспективы науки об информации. // Информация и информационные сети. М.: Наука, 1977. С. 5–31.
13. Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
14. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 136–137.
15. Философский энциклопедический словарь. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
16. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд. ин.лит-ры, 1963. 821 с.

17. Шмелева Ж.Н. Язык как информационно-коммуникативная система. Красноярск: Изд-во Красн. гос. агр. ун-та, 2009. 142 с.
18. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации. // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.
19. Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: Изд-во БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. 449 с.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shmeleva Zhanna Nickolaevna, Docent of the Business Language Department, Candidate of Science in Philosophy, Docent
Krasnoyarsk state agrarian university
90, Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
shmelevazhanna@mail.ru
SPIN-code: 6871- 6102

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Шмелева Жанна Николаевна, доцент кафедры Делового иностранного языка, кандидат философских наук, доцент
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный университет»
пр. Мира, 90, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
shmelevazhanna@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-80-100

УДК 113/119

**«ФАКТОР ДЕСТРУКЦИИ» А. ДЕ МЮССЕ
В СВЕТЕ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ
КУЛЬТУРЫ XIX–XX вв.**

Кудряшов С.В.

***Цель.** В статье предлагается новый подход к системному анализу культуры. В связи с этим, как образ, обсуждается конструкт, созданный на базе символического посыла из творчества А. де Мюссе. Именно его воздействие, с точки зрения автора, генерирует деструктивные процессы, происходящие в культурном поле на уровне структурных связей.*

***Метод или методология проведения работы.** Работа выполнена на основе исследования оригинального текста А. де Мюссе с последующим выявлением и анализом детерминанты, обозначенной автором, как «фактор деструкции». На конкретных примерах показано влияние этого фактора на культуру XIX–XX вв.*

***Результаты.** Результатом данной работы, во-первых, можно считать выводы о необходимости выявления факторов, позволяющих изучать динамику социокультурной жизни в различных аспектах. В качестве одного из таких факторов автор предлагает использовать «фактор деструкции», с помощью которого можно понимать и анализировать нарушения структурных связей в культуре. Во-вторых, в русскоязычный научный оборот введён новый текстовый материал (фрагмент первоисточника).*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в области изучения тенденций в культурных парадигмах, выявляя их устойчивость и жизнеспособность. В практическом отношении результаты исследования могут применяться в преподавании общих и специальных курсов по истории и философии культуры.*

Ключевые слова: культура; ментальность; «болезнь века»; абсурд; структура; система; анализ; фактор; деструкция; болезненный артефакт; романтическая неврастения; преемственность; смысл.

“DESTRUCTION FACTOR” OF A. DE MUSSET IN LIGHT OF STRUCTURE ANALYSIS OF EUROPEAN CULTURE OF XIX–XX CENTURIES

Kudriashov S. V.

Purpose. *The article suggests a new approach to system analysis of culture. In this connection, as an image, there is discussed the construct, which was created on the basis of the “symbolic message” from the work of A. de Musset. Exactly its influence, from the point of view of the author, generates destructive processes occurring in the cultural field at the level of structural links.*

Methodology. *The work was carried out on the basis of the study of A. de Musset’s original text with subsequent identification and analysis of the determinant designated by the author as a “destruction factor”. In specific examples shows the influence of this factor on the culture of XIX–XX centuries.*

Results. *The result of this work, first, can be considered conclusions about the need to identify factors that allow us to study the dynamics of socio-cultural life in various aspects. As one of these factors, the author suggests to use the “destruction factor”, with the help of which it is possible to understand and analyze the violations of structural bonds in culture.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of studying trends in cultural paradigms, revealing their stability and viability. In practical terms, the results of the research can be applied in the teaching of general and special courses of the history and philosophy of culture.*

Keywords: *culture; mentality; «le mal du siècle»; absurd; structure; system; analysis; factor; destruction; unhealthy artifact; romantic neurasthenia; continuity; meaning.*

Для исследования культуры как системного целого, а, следовательно, проведения её функционально-структурного анализа, необходимо выявление различных факторов, позволяющих с разных сторон изучать динамику социокультурной жизни на уровне тенденций и процессов. И здесь становится важным выявление новых критериев для уточнения форм культурных изменений с тем, чтобы давать этим изменениям более точную характеристику. Динамика культурного фона может происходить, имея различное качественное наполнение, но «именно на основании знаний о таких различиях можно прогнозировать динамические тенденции в обществе и культуре, оценивать вероятность возникновения социальных изменений и культурных инноваций или обращения к образцам прошлого» [10, с. 71].

Эта статья выступает, как часть исследования, посвящённого феномену, который Ю. Хабермас (Jürgen Habermas) называет «установкой эстетического модерна», когда говорит, что она «приобретает отчётливые очертания, начиная с Бодлера» [14, с. 42], – то есть тому, что потом сформулирует Ж.-Ф. Лиотар (Jean-François Lyotard), и что в дальнейшем приведёт к трансформациям, «которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века» [6, с. 9]. Если охарактеризовать этот феномен, воспользовавшись готовыми смысловыми конструкциями, то здесь, как нельзя лучше, в качестве одной из характеристик, подойдёт термин Л. Мегрона (Louis Maigrón), который назвал этот процесс «la neurasthénie romantique» [16, с. 273], то есть «романтической неврастенией». Именно это определение может отражать негативные процессы, шедшие в европейской культуре в течение XIX века, и приведшие ко многим неоднозначным тенденциям нашего времени. Эти тенденции в истории культуры, впрочем, зачастую рассматриваются, как органичное следствие генезиса смыслообразования, отражающее неизбежный ход трансформации человеческой ментальности, – то есть, словно становление человека европейской культуры, как такового, прошедшего в своём поиске истины через все фазы расхожих заблуждений и достигшего, наконец, адекватного понимания действительности. Всё это обычно относится ещё и к термину «про-

гресс», который сам по себе означает поступательное движение и совершенствование.

Однако, история культуры XIX–XX вв. не так однозначна, как неоднозначна и сама идея прогресса. Известна другая точка зрения, позволяющая рассматривать эти тенденции как некий регрессивный процесс, как своего рода «болезнь», история которой описана многими, в том числе и самими «больными», начиная с первой половины XIX века. И вот тут начинает проявляться тема неврастения, – в нашем случае, как некое болезненное состояние культуры, которое можно исследовать, определяя его параметры и тенденции.

Если мы обратимся к рефлексии того времени в сферах как науки, так и искусства, то увидим, что тема этой болезни (*le mal du siècle* – болезни века), вместе с созвучной ей темой «вселенской скорби» (*der Weltschmerz*), появляется тогда, как одна из ключевых. Она начинает охватывать все сферы жизни, меняя культурный фон и создавая новое мироощущение. Многие авторы обращаются к этой теме, принося в культуру новые мотивы безысходности и бессмысленности существования.

И тут мы сразу можем вспомнить А. де Мюссе (Alfred de Musset), как одного из наиболее ярких представителей тенденции, образы которого хотя и относятся к беллетристике, но, как всякое отражение ментальности, во многом задают тон для их осмысления на научном поле. Они весьма созвучны культурной ситуации своего времени, и могут служить своего рода её маркерами. Почему именно де Мюссе? Потому что один из его аллегорических образов как нельзя лучше подходит для того, чтобы придать абстрактному понятию болезни некую структурную визуализацию.

В своём широко известном романе «La confession d'un enfant du siècle» («Исповедь сына века») он пишет: «Я был ещё совсем юным, когда меня поразила чудовищная нравственная болезнь...» [8, с. 5]. Здесь пока что мы ещё не видим ничего особенного по отношению к текстам других литераторов того времени. Мало того, слово «чудовищный» выглядит нарочитым и сразу может настроить нас на мысль о том, что автор, не чуждый т. н. «байронизму», всего лишь

делает выбор в пользу гротеска, не более того. Но не следует забывать о том, что мы имеем дело с переводом, поэтому, чтобы оценивать категориальный аппарат поэтических образов автора, нам следует обратиться к оригинальному тексту. В оригинале автором используется слово «abominable», т. е. «отвратительный», которое сразу делает текст предложения менее пафосным. Таким образом, болезнь становится просто вызывающей отвращение, и лишается признаков гиперболической значимости.

Вот далее автор действительно использует более сильный образ, на который уже никак не влияет перевод отдельных слов. «Впрочем, если даже никто не задумается над моими словами, я всё-таки извлеку из них хотя бы ту пользу, что скорее излечусь сам и, как лисица, попавшая в западню, отгрызу прищемленную лапу» [8, с. 5], – пишет он. Здесь уже отсутствует ощущение нарочитого гротеска, и начинает приходить ощущение настоящей опасности. Кажется, что сейчас автор откроет нам нечто необычайно важное для подтверждения своей иносказательной конструкции.

И он делает это. Но в русскоязычном варианте романа А. де Мюссе мы этого не находим. К сожалению, традиционный русский перевод не передаёт полного образа, данного автором. Поэтому для понимания проблемы нам снова следует обратиться к оригиналу. Дело в том, что абзацу переведённого на русский язык текста, содержащего в себе вышеупомянутые цитаты, в оригинальном тексте предшествует абзац, которым в своё время почему-то пренебрегли переводчики (Д.Г. Лившиц и К.А. Ксанина), попросту вычеркнув его из контекста одного из знаковых для европейской культуры произведений. А именно в этом абзаце, в этих пятнадцати невостробованных строках оригинального текста, содержатся предпосылки и для образа лисы, ради своего спасения отгрызающей часть своей плоти, и вообще для «Исповеди сына века», как таковой. Как, впрочем, и предпосылки для создания образа, как нельзя лучше отражающего одну из тенденций европейской культуры XIX–XX веков.

Речь в этих пятнадцати строках, в аллегорической форме, идёт о человеке, *qu'un blessé atteint de la gangrène* [17, с. 3] (раненом, стра-

дающем гангреной), который соглашается на ампутацию в академическом амфитеатре. То есть, он хочет, как можно скорей, избавиться от той части своего тела, которая доставляет ему страдания – пусть и на глазах у студенческой публики. Мало того: профессор, который проводит ампутацию, кладёт ампутированную часть тела на белое полотно и пускает его по рядам, *pour que les élèves l'examinent* [17, с. 4] (для того, чтобы студенты могли изучить его). И далее де Мюссе, отталкиваясь от своего образа, говорит о том, что точно так же одна из составных частей человека может страдать от моральной болезни, и её тоже следует не просто «отрезать», но и передать обществу, чтобы другие люди могли *palpent et jugent la maladie* [17, с. 4] (пропальпировать и почувствовать эту болезнь).

Почему этот абзац не был востребован переводчиками, не совсем понятно. Что заставило их выбросить целый абзац авторского текста? Можно лишь строить предположения на этот счёт, не более того. В данном отрывке нет ничего, что противоречило бы идеологии или не соответствовало, например, эстетическим нормам. Наоборот, он очень образен и прекрасно иллюстрирует ситуацию, описываемую автором. Но почему-то именно этот абзац, который, ещё раз хочется повторить, необычайно важен для понимания процессов в европейской постромантической культуре, – был вычеркнут из русской редакции романа. И до сих пор, с каждым новым изданием, русскоязычный текст этого произведения восходит к переводу 60-летней давности, скрывая от читателя 15 заветных строк (именно такое их количество наличествует в оригинальном издании 1836 года).

А ведь в аллегорическом послые де Мюссе мы имеем дело не просто с ощущением и осознанием своей болезни, но и с появлением того, что мы можем назвать своего рода «болезненным» артефактом. С тем, что, будучи отделено от некоего страдающего «тела», продолжает нести информацию о его болезни уже само по себе. Мало того, согласно схеме де Мюссе они, эти артефакты, и предназначены для того, чтобы свидетельствовать нам об опасности недуга, нести о нём в жизнь общества некое особое знание. И поэтому, исследуя их, мы можем составлять мнение как об истории, так и о развитии болез-

ненных изменений, которые, в свою очередь, согласно Л. Мегрону, сами порождают «vulgarisateurs conscients de principes fâcheux» [16, с. XV], то есть «распространителей сомнительных принципов». И, соответственно, в ходе системного анализа исследовать не только всю систему европейской культуры, как целое, но и подсистемы, несущие в общую структуру нечто искажённое, нездоровое и деструктивное. Мало того, в ходе анализа сразу выявляется поле для исследования конкретных артефактов, «отсечённых» от большого «тела» и ставших, наперекор схеме де Мюссе, не свидетельством опасности, предназначенным для разрыва порочного круга, не предметом для исследования, а началом для целой разновидности нездоровой рефлексии, мимикрировавшей, в частности, под форму высокого искусства. То есть, эти «болезненные артефакты» не становятся экспонатами своего рода паноптикума, а остаются в системе культуры, как её полноправные элементы, и начинают по-своему влиять на неё. Но, изначально будучи свидетельствами болезни, они содержат в себе своего рода «фактор деструкции» – можно дать такое понятие. Именно этот фактор и должен определять характер развития тенденции. И если «болезненный артефакт» мы можем представить элементом системы, то «фактор деструкции» будет выступать в качестве его функции. С его помощью мы можем проследить нарушения структурных связей, обусловленные негативными процессами.

Т. е. культура будет для нас некой системой, имеющей свою «программу» развития, которую мы можем оценивать по разным факторам: фактору роста, фактору изменения и т. д. В том числе мы можем изучать факторы, вносящие изменения в «программу» культуры, подобные тем, что вносит компьютерный вирус в программное обеспечение систем, рассчитанных на чётко определённую последовательность операций. Тем более, что есть прецедент считать культуру системой «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности» [9, с. 341], и каждая культура может обладать этими программами «деятельности, поведения и общения» [9, с. 341], которые регулируют опыт того или иного общества во всём многообразии проявления этого опыта.

Поэтому, в нашем случае, понятие «фактор деструкции» и следует привязать к некой абстрактной величине, которая, подобно компьютерному вирусу, вносит изменения в «программу» конкретной культуры, оказывая влияние на изменение её структуры. Но, в отличие от вируса, «фактор деструкции» – не какая-то математическая величина. Это ментальная установка. Культура сама, в первую очередь, есть следствие ментальных установок. Ментальность тоже структурирована, выступая, по сути дела, причиной культуры, как таковой. Поэтому возможна некоторая аналогия между компьютерным вирусом и «фактором деструкции», по результату их воздействия. Вирус, математически организованный, преобразует программу, тоже организованную математически, вносит в неё коррективы или просто разрушает её. Точно также и «фактор деструкции» в культуре, сам будучи ментальной установкой, начинает преобразовывать ментальную основу «второй природы», внося в неё новообразования в виде новой мотивации и новых смыслов. Следовательно, возникает ситуация, когда артефакт, определяемый «фактором деструкции», не становится «наглядным пособием», задачей которого должно было стать сообщение о мутации смыслового начала, а превращается в самостоятельный феномен, связанный с внесением изменений в «программу» культуры.

В аллегории де Мюссе мы видим образ человека, осознающего свою болезнь, пытающегося излечиться отсечением своего болезненного органа, и отдающего его на всеобщее обозрение с тем, чтобы общество, ужаснувшись, ощутило его опасную искажённость и сделало соответствующие выводы. То есть, этот образ даёт нам некую «перспективу врачевания», коррекции, – в данном случае, искажённых смыслов культуры, через их осознание и отторжение. Это можно назвать идеальной схемой, тем более что на деле эта схема так и осталась образом, поэтической аллегорией. Как мы знаем, «болезненные» артефакты культуры XIX века чаще всего вызывали не отторжение, не попытку коррекции деструктивных процессов в культуре, а становились необычайно притягательными, в том числе и для подражания. Из наглядного пособия по идентификации и предупреждению «гангренозных» образований они превратились

в конструкторы образцового толка. Это превращение привело к тому, что они, в конце концов, перестают свидетельствовать о болезни, и начинают говорить о таланте и гениальности своих создателей, в области искусства считаясь произведениями высокого ряда.

Вследствие этой своего рода подмены смыслов была основана новая традиция, следы которой можно найти, например, в любом явлении современного искусства. Поэтому мы можем, исходя из предыдущих выводов, в рамках гипотезы исследования, назвать эту традицию своего рода пандемией культуры, тем более что болезнь эта, как уже было сказано, касается лишь определённой культурной системы – европейской. А образ «фактора деструкции» выделить в отдельную функцию для исследования, и исследовать этот фактор как сам по себе, так и как часть всей системы в целом. Тем более, если мы рассмотрим механизм воспроизводства системы европейской культуры на протяжении последних полутора веков, мы увидим, что связан он, в первую очередь, именно с «болезненным артефактом» из посыла А. де Мюссе, и состояние его определяется, в первую очередь, «фактором деструкции».

Т. о. была создана культурная среда, в которой стали культивироваться деструктивные идеи. Это касается всех плоскостей культурной жизни, явления которой стали приобретать отрицательные, разрушающие характеристики. Романтическая неврастения, проникая во все сферы, постепенно трансформировала прежнюю культурную универсальность, создавая среду хаотичного сосуществования всего со всем, в культуре характеризующуюся «состоянием вечно неготового бытия, смешивающим в себе все возможные и невозможные противоречия» [11, с. 34]. В этой среде прежние экзистенциальные и смысловые ориентиры постепенно утрачиваются, эта утрата становится характеристикой «мутации духовных принципов» [5, с. 12], метафизики абсурда, всё более отчуждая человека от чисто человеческих определений и функций, но, тем не менее, заставляя его искать новые смыслы существования. Возникают философские течения, вводящие понятие абсурда, как самодостаточного экзистенциала. Как считает о. Сер-

гий Булгаков, «философия Абсурда ищет преодолеть «спекулятивную» мысль, упразднить разум, перейдя в новое измерение, явить некую «заумную» «экзистенциальную» философию. На самом же деле она представляет собой чистейший рационализм, только с отрицательным коэффициентом, с минусом» [2, с. 535], но что в то же время «власть абсурда есть утопическая абстракция, не больше» [2, с. 535]. Появляется концепция нигилизма, вытекающая из появившихся в XIX веке идей неопределённости человеческого бытия. Т. е., феномены, созвучные «фактору деструкции», инфицируя группы людей, запускают в обращение причинно-следственную цепь, формируя не только соответствующую социальную среду, но и все предпосылки для её существования.

Известно, и в данной статье уже отмечался этот факт, что культурная ситуация изначально определяется ментальностью. Именно от неё исходит то, что Ф. Гегель (Georg Wilhelm Friedrich Hegel) называет «второй природой», имея в виду как предпосылки, так и результаты созидательной жизни человека. А так как в формировании ментальной среды начинает вмешиваться «фактор деструкции», сам будучи ментальной установкой, – «вторая природа» начинает отражать все тенденции изменения культурного фона в сторону деструктивных преобразований.

В этой болезненной среде даже болезнь, как таковая, то есть ущербность физического или психического здоровья, вскоре становится не просто нормой для человека, создающего артефакты культуры. Она начинает выступать в виде своего рода достоинства. Чего-то самоценного. И, таким образом, «болезнь века» – понятие аллегорическое, – тоже очень скоро начинает выражаться, в том числе и в конкретной болезни – не важно, духовной или физической. Болезнь становится своего рода «харизмой» художника, одной из его положительных характеристик. Если художник болен – значит, в нём что-то есть. Зачастую его болезнь становится значимей его произведений, предвосхищает их появление.

Ряд художников харизматической болезненности можно проследить через десятилетия. Болезни преследовали человечество всег-

да, но лишь в XIX веке болезнь становится достоянием избранника, лишним свидетельством его неординарности. Вспоминая Фредерика Шопена (Fryderyk Franciszek Chopin), вспоминают также и о его туберкулёзе лёгких, который сразу же, согласно романтической традиции, начинает быть неотделимым от лирической музыки композитора, с её оттенком вечной польской грусти. Творчество Эдгара А. По (Edgar Allan Poe) составляет единую ткань вместе с его фобиями и маниакальными состояниями – здесь мы вообще можем выйти на линию первичности заболевания и вторичности творческого наследия. То есть, болезнь не мешает творцу, а во многом либо определяет его творчество, либо способствует ему. В. Ван Гог (Vincent Willem van Gogh) без его психического заболевания тоже был бы не так ярок, как художник (термин «художник» в этой формулировке относится более к предполагаемой тонкости натуры, нежели чем к понятию, выражающему авторство в какой-либо области искусства).

Здесь можно вспомнить также и Эгона Шиле (Egon Schiele), и Эдварда Мунка (Edvard Munch), которые тоже были связаны как с «болезнью века», так и с реальными болезнями и болезненными состояниями. Можно было бы вспомнить и многих других, имена которых не упоминаются здесь только по одной причине: статья посвящена общей тенденции, а не отдельным её представителям.

В этой связи сразу становится понятным и посыл Ц. Ломброзо (Cesare Lombroso), написавшего о связи гениальности и помешательства в 80-е гг. XIX в. Ломброзо находился в русле уже устоявшейся тенденции. Спорность его работы обсуждается уже давно, однако сама тема для исследования была наверняка подсказана ему культурной ситуацией его времени. За примерами далеко ходить не приходилось. Тема болезни лежала на поверхности, – достаточно было обратиться к жизни и творчеству деятелей культуры того времени. Правда, Ломброзо, следуя другим тенденциям эпохи, придал своей теории излишне позитивистский окрас, попытавшись проследить линию связи гениальности и помешательства с глубокой древности, тем более исследуя черепа великих людей. Всё это привело к тому, что одной из целей его исследования стала попытка поставить

под сомнение «те светлые, радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своём высокомерном ничтожестве» [7, с. 11], а в целом положить начало приведению понятия культуры к тем истокам, от которых она начинает своё движение в виде «невроза», т. е. чисто «научного» психологического феномена. Но эта попытка, так или иначе, исходит из современных Ломброзо культурных тенденций, которые он, в отличие от Л. Мегрона, не смог напрямую связать с «романтической неврастенией».

Справедливости ради надо заметить, что болезнь в своём «чистом» виде была свойственна не всем. Многие представители культуры второй половины XIX века, что называется, «играют в болезнь». И здесь надо различать болезненность, как таковую, и её имитацию с той или иной целью. В этой связи можно вспомнить, например, знаменитое «общество гидропатов», т. е. основоположников фумизма. Ведь если мы вспомним какие-либо артефакты, связанные с этим течением культуры, то даже название, например, известной картины Альфонса Алле (Alphonse Allais) – «Битва негров в глубокой пещере тёмной ночью» (1882) – уже говорит о своего рода игре, и может, при определённых условиях, нести здоровое начало, пародируя негативные тенденции XIX века, придавая им комический вид, показывая их абсурдность. Если только, конечно, не принимать этот артефакт всерьёз, что по отношению к вышеупомянутой картине – известному прообразу знаменитого «Чёрного квадрата» – сделать довольно непросто. Ибо здесь только из контента мы понимаем, о чём идёт речь, контекст же, как таковой, нам ничего не говорит, поскольку это чёрное поле на полотне может таить в своей стилизованной тьме всё, что угодно. То есть, тут мы имеем дело с желанием принадлежать, как сейчас говорят, «передовым трендам», которые предполагают болезненность автора. И если у желающего принадлежать тренду не хватает т. н. «сумасшедшинки», он начинает её имитировать, стремясь таким образом вписаться в тенденцию.

Но вот если мы возьмём для анализа что-то не относящееся к нарочитости и пародийности, для чистоты эксперимента созданное в тот же самый период, мы сможем проследить саму тенденцию, об-

условленную «фактором деструкции». Выбор здесь предполагает быть совершенно случайным, главное, чтобы полотно подпадало под выбранные нами критерии. Можно, например, взять для анализа пейзаж, как фрагмент мировой панорамы в её осмыслении конкретным автором, созданный в 80-е годы XIX века. При этом необходимо помнить и о том, что данное десятилетие характеризуется в живописи стыком импрессионизма и постимпрессионизма. И здесь, конечно, нам становится интересен именно постимпрессионизм, техники которого дали импульс для последующего развития изобразительного искусства – вплоть до направлений современной живописи.

Для экспресс-анализа вполне подходит картина В. Ван Гога «Парк в Аньере весной», написанная в 1887 году. На картине изображён участок парка в пригороде Парижа, представляющий собой поляну, покрытую яркими весенними цветами. Обычно искусствоведческие описания этого полотна говорят нам о композиционных решениях, использовании художником мелкой кисти, выборе тёплых весёлых тонов. Нас же будет интересовать трактовка картины именно с позиций «лающего колорита» [13, с. 485], как в своё время удачно высказался О.Э. Мандельштам.

Первое, что нам следует отразить – это романтическую неясность. Мы видим нечто целое, в котором, несмотря на то, что наличествуют отдельные детали, нет чего-то конкретно отдельного. То есть, мы видим, что мир Ван Гога выступает «всеобъемлющим целым, единством, в котором не разделить человека и человеческое (то есть культуру) от природного» [13, с. 488]. Это и есть чисто романтическое единство всего и вся, в котором невозможно выделить что-то сугубо конкретное. Нереальность изображения лишь дополняет первое впечатление. Мы видим здесь и романтический хаос, видим иллюзорность мира, зависящего от Мировой Судьбы, понятие которой ещё более чем за полвека до создания полотна Ван Гога – во времена первого романтического импульса – сформулировал А. Шопенгауэр (Arthur Schopenhauer), видим болезненную притягательность декаданса. Видим болезненность самого автора. Видим импрессионистскую небрежность, граничащую с пренебрежением к гармонии

мира. Сам мир перестаёт быть объектом, он начинает свою жизнь в болезненном сознании человека, даже не наблюдающего его, а на основе первого «схваченного» впечатления формирующего его образ, исходя из собственных предпосылок. Это уже действительность, воспринимаемая глазами экзистенциалиста, весь мир которого – это он сам. Причём в данном случае экзистенциализм перестаёт быть своего рода защитной рефлексией потерянного в смысловых полях человека, он становится утверждением чего-то несформулированного и неясного. Вместе с тем изображение на картине Ван Гога притягивает к себе, манит призрачными «болотными огнями». Хочется смотреть и смотреть на него, подчиняясь некоей «магии хаоса», который стремится обернуться видимостью космического. Миражом потерянного чувства культуры. Несфокусированной рефлексией, – то ли подбирающейся к основам апперцепции через сумрак сознания, то ли вовсе утратившей осознанность восприятия, как таковую.

Если говорить об этом полотне, исходя из области семантики, то эта область, в первую очередь, касается здесь цвета. То есть, на первый план выходит гамма цветов, их сочетание и насыщенность. Вернее будет сказать, расположение цветowych пятен в пространстве. Их баланс или наоборот – дисбаланс. Именно множественность этих пятен и создаёт видимость «болотных огней», порождая искушение воспринимать картину именно как монотонное панно, или россыпь конфетти. Даже пучок высокой травы на переднем плане, за счёт которого художник пытается разрешить проблему, привязав к нему изображение как к доминанте, призванной собирать вокруг себя всё остальное, – не спасает положение. По большому счёту, этот пучок тоже теряется в общей монотонности изображения. То есть, мы видим, что все вышеупомянутые характеристики возводят нас к романтическим концепциям, а через них – к романтической неврастении, о которой пишет Л. Мегрон.

Конечно, все эти аналитические выкладки могут быть опровергнуты, тем более что существует множество устоявшихся трактовок, относящих нас к особенному внутреннему состоянию автора, как творца, имеющего право на свой собственный мир. В этом соб-

ственном мире находится место всему: и гениальности, и внутренней боли, и декоративной стилизации, свойственной постимпрессионизму, а также размышлениям о некоем «сущностном состоянии» жизни, лишь отражаемом художником в созвучности состоянию эпохи. И даже сумасшествию, наконец. То есть, рассматриваемый нами феномен относится к области искусства, которое, по общепринятому мнению, может и должно быть многогранным, и в этой многогранности могут содержаться практически все известные феномены. Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, конечно, согласиться с этим, хотя и до определённой степени. Но тут же, уже во-вторых, сказать, что искусство, кроме содержания в себе множества известных феноменов, по мнению, например, известного искусствоведа проф. В. В. Ванслова, также «представляет собою отражение реальной действительности в художественных образах, или, иначе говоря, художественно познанную истину» [3, с. 172].

Формулировка В. В. Ванслова выглядит в чём-то категоричной, однако можно сказать, что «отражение реальной действительности» в художественных образах не обязательно должно восходить только к классическому искусству или реализму – здесь возможны варианты. Эти варианты, опять-таки, в основном представляют область, в которой мы если будем иметь дело только с эстетической составляющей искусства, то сразу потеряемся в многочисленных формах и трактовках – не зря в начале статьи упоминался Ю. Хабермас с его «установкой эстетического модерна». Но когда речь заходит о познании истины, без которого существование искусства, как такового, становится сомнительным и начинает нуждаться в «оправданиях» искусствоведов, сводящихся к размышлениям об экспрессивности, выразительности и т. п., можно найти, что сказать. От Аристотеля (Ἀριστοτέλης) до М. Хайдеггера (Martin Heidegger) в философии была создана традиция понимания истины, как интенционального согласия интеллекта с реальной вещью или соответствия ей. М. Хайдеггер добавил сюда существенную характеристику: истина, согласно его трактовке, позволяет «изъять сущее... из его потаённости и дать увидеть как непотаённое, раскрыть» [15, с. 33]. То есть, по

Хайдеггеру истина предстаёт перед нами в виде откровения, и если мы спроецируем хайдеггеровское понимание истины в область искусства, то здесь любой его артефакт, если он действительно имеет отношение к истине, должен являть нам то, «чего мы не знали или на что не обращали внимания раньше» [3, с. 78]. И тогда тема воплощения авторских чувств и мыслей сразу поворачивается другой стороной. Вспомнив аллегорию де Мюссе и приведённое в данной статье определение «фактора деструкции», мы можем спросить: что же выводит из потаённости Ван Гог в рассмотренном нами случае?

Ван Гог, согласно схеме де Мюссе, отделяет от себя частицу своей болезненной картины мира, которая складывается из составляющих, уже отмеченных выше: романтической неясности, вытекающей из единства всего и вся, а также непроявленности этого самого мира, становящегося своего рода декорацией экзистенциального посыла, обусловленного «болезнью века». И речь здесь идёт, скорее, не о раскрытии чего-то тайного, а об утверждении того, что выставлено на всеобщее обозрение (вне зависимости от его внутреннего наполнения, могущего быть востребованным для постижения). Утверждении того, что качественно представляет собой искажённое целое, пропущенное через субъективность конкретного сознания. Здесь и беспросветность, и болезненность особого рода, и отсутствие представления о некоем «первоначале», которое, как правило, подразумевается в любой мировоззренческой системе, и поиски которого в той или иной мере были свойственны художникам в предшествующие времена. И если импрессионизм ещё ставит во главу угла всего лишь мимолётность впечатления, то постимпрессионизм, хоть и отталкиваясь от этой мимолётности, начинает претендовать на отражение непреходящего состояния мира. Мира, в котором нет не только первоначала, а вообще ничего, кроме болезненной экзистенции автора, и который своей «непреходящостью» порождает чувство безысходности и отчаяния. Проще говоря, «Парк в Аньере весной», как живописное полотно, представляет собой что-то бытийствующее в поле некоего «инакового» смысла, «в своей инаковости ему представляющее собой бытие» [12, с. 358]. С одной стороны, это что-то,

что своим существованием отрицает бытие, как таковое, с другой стороны бытийствует в качестве наличествующего «ничто».

Получается, что Ван Гог выводит из потаённости даже не свою болезнь. Он оттуда практически ничего не выводит, вернее будет сказать, выводит некое «ничто» парка в Аньере, который на полотне становится отрицанием самого себя. И само полотно, таким образом, не становится откровением, хотя номинально остаётся при этом феноменом искусства. Ведь откровение – это всегда встреча двух посылов: того, что стремится познать потаённое, и того, что его открывает. Это своего рода сакральный процесс, в котором возникает новая плоскость прежнего смысла.

Конечно, всегда найдутся точки зрения, стремящиеся представить откровение, как переменную величину, восходящую всего лишь к основам понимания. Х.-Г. Гадамер (Hans-Georg Gadamer), например, позиционирует откровение, как герменевтическую проблему, относя её к феномену понимания или правильного истолкования. Откровение он рассматривает, как процесс, когда «вырабатываются определённые представления и постигаются определённые истины» [4, с. 38]. Представления и истины здесь связаны ассоциативной связью, представлены во множественном числе, как бы намекая на вариативность того и другого. Но опять-таки, если мы рассматриваем откровение, как встречу двух посылов, нам всегда следует понимать, в поле каких смыслов они находятся. И могут ли они встретиться вообще – не разноплановы ли они? В любом случае, тот, кто «открывает», должен выводить из потаённости нечто относящееся к истине, как целому, – то есть, к чему-то такому, что не может существовать в поле аксиологического релятивизма и смысловой неясности. Но тот же Х.-Г. Гадамер говорит об опыте истины, «к которому мы станем причастны благодаря производству искусства» [4, с. 40], добавляя, что «в произведении искусства постигается истина, недостижимая никаким иным путём...» [4, с. 40]. То есть, тут уже мы видим, что речь идёт об истине в единственном числе, – о той категории, которая может быть обозначена как «откровенность бытия». Действительно, тема воплощения авторских чувств и ощущений, как

уже было сказано, может завести нас в лабиринт множественности трактовок. Не вдаваясь в подробности, мы можем сказать, что эта тема относится, в первую очередь, к теме ментальности, а ментальность, как таковая, не сводится к истине, будучи лишь своего рода установкой на рефлексии и деятельность конкретного общества, то есть, характеристикой культуры, как таковой. Но культура может иметь разные характеристики, как положительные, так и отрицательные, и, в зависимости от этого, оказывать воздействие на общество – поэтому мы её и изучаем. Так что, говоря об истине, как некоем критерии подлинности экзистенциального, в данном случае в живописи, мы говорим о том опыте «настоящего», который может получить индивид, ведущий диалог с полотном. Не встречу с индивидуальностью художника, не восхищение его новаторством, не размышления о его возможном таланте, а именно попытку утвердить самого себя в этом мире через диалог с произведением искусства. Именно поэтапное сокращение – вплоть до полного отсутствия – этой составляющей в культуре позволяет говорить о регрессе, идея которого противоположна идее прогресса, и о том, что все процессы в культуре восходят либо к синергийному, либо к энтропийному началу. И «фактор деструкции», в этой связи, может помочь иллюстрировать «идею регресса», – в качестве одной из категорий упадка и деградации культуры. Или проследивать нарушение структурных связей в системе культуры при осмыслении её механизма с помощью комплекса культурологических методов.

Можно сказать ещё и о том, что в данной статье не заявлены цели, которые связаны с моралью или качественной оценкой. Ещё Т. Ахелис (Thomas Achelis) писал о том, что «мы должны отказаться от мысли вносить в эстетику морализирующие тенденции» [1, с. 52], имея в виду то, что ценность художественного произведения не может определяться «полицейскими» или «педагогическими» соображениями. Но он же при этом говорит о том, что удовлетворяться чисто эстетически-формальным принципом ошибочно, так как это может привести к «страшной моральной катастрофе» [1, с. 52]. То есть, на этом примере мы видим, что проблема обсужде-

ния артефактов культуры может стать полемичной, однако ещё раз можно повторить то, что «фактор деструкции» напрямую не имеет отношения к морали как таковой. Он лишь показывает структурные изменения, приводящие систему культуры к деградации своих первоначальных смыслов. И мы можем также сказать, что А. де Мюссе дал нам образ, на основе которого мы можем ввести в структурный анализ культуры новую категорию. Она может стать действительно важной для изучения того, что мы называем культурным наследием.

Во всяком случае, когда мы начинаем интерпретировать артефакты культуры XIX–XX вв., нам не следует забывать о контексте, в котором они были созданы.

Список литературы

1. Ахелис Т. Этика: История этики и критика её систем. Явления нравственности. Принципы нравственности. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
2. Булгаков С. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: 1993.
3. Ванслов В.В. Что такое искусство. М.: Изобразительное искусство, 1989.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
5. Кудряшов С.В. Контркультура как радикальная трансформация романтического мифа: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии: 24.00.01 / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2013.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 2014.
7. Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. СПб, 1892.
8. Мюссе А., де. Исповедь сына века. М.: Художественная литература, 1958.
9. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010.
10. Орлова Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия. // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1(34).
11. Саенко Н.Р. Концептуальные интерпретации нигитологии культуры: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора

- философских наук: 24.00.01 / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2011.
12. Сапронов П.А. О бытии ничто. СПб.: Изд-во РХГА, 2011.
 13. Сапронов П.А. Человек и Бог в западноевропейской живописи XVI–XX вв. СПб, 2014.
 14. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект / Постмодернизм и культура // Вопросы философии. №4, 1992.
 15. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002.
 16. Maigron L. Le Romantisme et les mœurs. Essai d'étude historique et sociale. D'après des documents inédits. Paris: Librairie H. Champion, Editeur, 1910.
 17. Musset, A., de. La confession d'un enfant du siècle. Paris: Félix Bonnaire, 1836.

References

1. Akhelis T. *Etika: Istoriya etiki i kritika ee sistem. Yavleniya npravstvennosti. Printsipy npravstvennosti* [Ethics: A history of ethics and criticism of its systems. The phenomena of morality. Principles of morality]. M.: LIBROKOM, 2011.
2. Bulgakov S. *Nekotorye cherty religioznogo mirovozzreniya L. I. Shestova* [Some features of the religious outlook of L.I. Shestov]. V. 1. M.: 1993.
3. Vanslov V.V. *Chto takoe iskusstvo* [What is art]. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1989.
4. Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filos. Germenevtiki* [Truth and method: The fundamentals of philosophical hermeneutics]. M.: Progress, 1988.
5. Kudryashov S.V. *Kontrkul'tura kak radikal'naya transformatsiya romanticheskogo mifa* [The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of culturology]. Sankt-Peterburg, 2013.
6. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity]. SPb.: Aleteyya, 2014.
7. Lombrozo Ts. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity]. SPb, 1892.
8. Myusse A., de. *Ispoved'syna veka* [Confession of the son of the century]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1958.

9. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. V. 2. M.: Mysl', 2010.
10. Orlova E.A. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2007. №1(34).
11. Saenko N.R. *Kontseptual'nye interpretatsii nigitologii kul'tury* [Conceptual interpretations of the nigitology of culture]. Sankt-Peterburg, 2011.
12. Sapronov P.A. *O bytii nichto* [About being nothing]. SPb.: Izd-vo RKH-GA, 2011.
13. Sapronov P.A. *Chelovek i Bog v zapadnoevropeyskoy zhivo-pisi XVI–XX vv.* [Man and God in the West-European painting of the 16th-20th centuries]. SPb, 2014.
14. Khabermas Yu. *Voprosy filosofii*. №4, 1992.
15. Khaydegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. SPb.: Nauka, 2002.
16. Maigrón L. *Le Romantisme et les mœurs. Essai d'étude historique et sociale. D'après des documents inédits.* Paris: Librairie H. Champion, Editeur, 1910.
17. Musset, A., de. *La confession d'un enfant du siècle.* Paris: Félix Bonnaire, 1836.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кудряшов Сергей Витальевич, доцент кафедры философии, культурологии и иностранных языков, кандидат культурологии
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы
12 линия В. О., 13А, г. Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация
skudr33@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kudriashov Sergei Vitalyevich, Docent, Department of Philosophy, Culturology and Foreign Languages, Ph. D. in Culturology
St.-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
13A, 12 line of Vasilievsky Island, St.-Petersburg, 199178, Russian Federation
skudr33@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-101-113

УДК 177.61+(470)+130.2+167.5

ТЕМА ЛЮБВИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ УТОПИИ (Н. БЕРДЯЕВ, С. ФРАНК, Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ)

Митина Н.Г.

Цель. *Статья посвящена теме любви в русской философской утопии. Предметом анализа выступают утопические проекты Н. Бердяева, С. Франка, Дм. Мережковского, рассматривающие вопросы духовного преобразования человеческого общества. Цель исследования – раскрыть роль любви в формировании гармоничного общества, предлагаемого философами.*

Метод или методология проведения работы. *Методологическую основу исследования составляет совокупность сравнительно-типологического, структурного метода, метода герменевтики и гендерного подхода.*

Результаты. *В статье обоснована мысль о системообразующем характере любви в рассмотренных утопических проектах, что в целом соответствует особенностям философии данного периода. Раскрыты религиозный характер любви, значение духовно-братской любви в гармонизации социума и восстановлении целостности человека.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в учебно-педагогической деятельности и в сфере социокультурного проектирования.*

Ключевые слова: *утопия; проект; любовь; духовность; «женское»; «мужское»; андрогин.*

THE THEME OF LOVE IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL UTOPIA (N. BERDYAEV, S. FRANK, D. MEREZHKOVSKY)

Mitina N.G.

Purpose. *The article is devoted to the theme of love in the Russian philosophical utopia. The subject of analysis is the utopian projects of*

N. Berdyaev, S. Frank, Dm. Merezhkovsky, who consider the spiritual transformation of human society. The aim of the research is to reveal the role of love in the formation of a harmonious society offered by philosophers.

Methodology. *The methodological basis of the study is a set of comparative-typological, structural method, hermeneutics and gender approach.*

Results. *The article substantiates the idea of the system-forming character of love in the considered utopian projects, which in general corresponds to the peculiarities of the philosophy of this period. The author reveals the religious nature of love, the importance of spiritual and fraternal love in the harmonization of society and the restoration of human integrity.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in educational and pedagogical activities and in the field of socio-cultural design.*

Keywords: *utopia; project; love; spirituality; «female»; «male»; androgyne.*

Тема любви занимает важное место в русской философии рубежа XIX–XX веков. В этот период происходит переосмысление системы ценностей, духовных основ развития общества и любовь выступает одной из базовых характеристик общества. В связи с этим роль любви, ее особенности подробно рассматриваются в созданных философами проектах будущего общества. Мы остановимся на трех наиболее ярких, с нашей точки зрения, проектах – это социокультурный проект Н. Бердяева на основе философии любви, проект Всеединого Богочеловечества С. Франка и духовная империя «Третье Царство» Дм. Мережковского. Эти философские утопии строятся на духовном преобразовании общества, в котором любовь играет важную роль.

В основе концепции Н. Бердяева – осмысление взаимоотношения между полами, в котором, по его мнению, утеряна гармония, что стало причиной кризиса в мире и трагедии для человека. Противостояние мужского и женского привело к утрате целостности, единства, которые необходимо восстановить. Как отмечает Н.О. Лосский, пол у философа определяет раздвоение личности, а «целостная личность не имеет половых признаков, она – гермафро-

дит» [8, с. 273]. И преодолеть дихотомию пола возможно восстановив андрогинный образ человека, считает Н. Бердяев, где мужское и женское слиты воедино: «Андрогин» – это дева-юноша, образ и подобие Божье, в котором снимается ущербность одного и другого пола. В андрогине возрождается «всеобъемлющая» гармония пола, предназначенная быть источником бытия мира и индивида, жизни и смерти одновременно [2, с. 68–70]. И в этом процессе поможет сила любви, ее могущество, которое способно преодолеть одиночество, так как в любви происходит «выход себя в другого» [7, с. 280–281].

Философ связывает онтологию пола и любви с родом и личностью, которые выступают у него как антагонистические понятия. Он разделяет любовь на личную и родовую, где родовая любовь, как природная стихия, уничтожает личность. И наоборот, личная истинная любовь «преодолевающая пол, должна направить всю человеческую энергию внутрь и вглубь вечности, а не вовне и вперед во времени», как это делает родовая любовь [1, с. 220]. Родовая любовь не способна восстановить целостность пола, разрыв преодолет пол в любви, достигнув индивидуальности. Противоречия личной и родовой любви неизбежны и родовые институты социализации – семья и брак – подавляют любовь и личность [4, с. 71–72]. Но брак и семья могут быть священными, если в основе будет подлинная любовь, а семья приближена к типу братства и личность, таким образом, сможет преодолеть род, а духовная любовь победит плотскую. А идея андрогина способна решить проблему преобразования мужского Эроса в ювенильность, «связь по Духу» победит «связь по плоти и крови», женщина «создаст» мужчину, одухотворит его на творчество и реализуется через мужчину [5]. Следовательно, необходимо преобразовать родовые связи в духовные, что может сделать только подлинный Эрос – любовь. А.В. Митрофанова, считает, что концепция андрогина у Бердяева это «скорее мужчина с женщиной внутри, чем женщина, «впитавшая» в себя мужчину» [14, с. 72]. И стремление к ювенильной любви (преображенный Эрос), отрицание семьи, родовых связей и т.д. является попыткой устранить препятствия на пути реализации творческого потенциала

мужчины. По мнению Т.Е. Осипович, культ девственного андрогина «означали гибель женщины, материнства и природного мира» [15, с. 27]. Концепция Н. Бердяева соответствует нормам христианства утверждавшего греховность плотской любви и возможность реализация для женщины только через мужчину. Философ приходит к мысли о трансформации семьи в духовное братство, семьи, где творчество побеждает рождение, а близость между мужчиной и женщиной будет духовной.

Вторая классификация любви, которую он считает более значимой, это деление на восходящую (любовь-влюбленность – эрос) и нисходящую (любовь-жалость) любовь, но любовь-эрос поработит личность, если не сольется с любовью-жалостью. Философ дает характеристику женской и мужской любви, специфика которых обусловлена разницей в природе каждого пола [3, с. 135–143]. Н. Бердяев отмечает, что женская любовь целостна, ей доступна любовь-эрос, которая способна восстановить целостность человека и воссоединить мужскую и женскую природу, одухотворить пол. Но через функцию материнства женщина взяла себе власть рода, что свидетельствует о рабстве женской стихии, женской ущербности и необходимости руководить ею. «Рождающий пол... есть... отпадение от Бога», результатом которого стала утрата человеком женственной природы, то есть потеря свободы [6, с. 133–137]. Душа стремится восстановить девственность, воссоединиться с мужским началом и восстановить единство способен только мужчина, а препятствием в этом является природно-женское. Таким образом, смысл любви, по мнению философа, заключается в мужской любви.

Еще одна классификации любви относится к конкретизации единой любви к Богу. Н. Бердяев выделяет здесь разные типы любви (к женщине, брату, сестре и т.д.), но подчеркивает, что все они являются любовью к образу Единого, это «лестница восхождения к Богу, путь слияния с мировой душой». В этой любви источником выступает Божественный Эрос, воплощенный в человечестве Христос. Только Христова любовь является мистическим проникновением в личность и Христов Эрос способен преобразая плоть преодолеть

пол, «утверждая его сверх-природно» [1, с. 26, 228, 244]. По мнению философа необходима новая религия, так как «религия искупления отрицает род, сексуальный акт и создает культ вечной женственности, культ Девы, рождающей лишь от Духа». Надо освободить пол от родовой необходимости, преодолеть разрыв пола, и новая религия любви – Божественный Эрос способна решить эти проблемы. Н. Бердяев указывает: «греховная власть женственной природы над падшим человеком» может преодолеть новый Адам – Абсолютный человек, царство любви возможно в теократии (Царстве Божьем) [5]. В концепции философа любовь, пол и религия неразрывно связаны между собой. По мнению Ю.Ю. Черного: «Бердяев хочет придать мистически понимаемой половой любви статус не только антропологического, но онтологического и социально-философского начала, выступающего в качестве основы объединения всех людей в общественность» [22, с. 43].

«С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия», – отмечает философ [1, с. 213]. Он обвиняет христианство в отравлении чистоты пола, за проповеди о греховности пола и половой любви. Необходимо обратиться к исследованию и разрешению вопросов пола и половой любви, возможно, что решение проблемы заключается в богоподобной природе человека, его андрогинности, поскольку любовь должна победить старую плоть и создать новую, где соединение двух «будет осуществлением девственности, т.е. целости» [2, с. 207–210]. Н. Бердяев указывает: «Мистический смысл половой любви повелевает не механически уравнивать и уподоблять мужчину и женщину, наоборот – высвободить и утверждать начало мужественности и начало женственности и искать личности в слиянии и взаимном дополнении этих полярных начал, тяготеющих друг к другу» [1, с. 236]. О.В. Рябов отмечает, что идея о мужеженственной природе творчества, характерная для культуры Серебряного века, связана с идеей Богочеловечества, а Богочеловеческий процесс творчества, в свою очередь, находит отражение в теургии, которая творит но-

вое бытие, новый мир [16, с. 173–182]. В концепции Н. Бердяева с помощью преображенного Эроса восстановится андрогинный образ и Богоподобное существо человека, новый человек будущего общества – человек-творец, способен создавать новую реальность. Философия любви, таким образом, становится основой создания будущего общества, где концепция андрогина выступает системообразующим элементом.

Философский проект С.Л. Франка строится на концепции всеединства, которая приобретает у него завершенный вид. Любовь он рассматривает как одно из проявлений эмоционально-волевой интенции, отмечая, что *«в отношении «я-ты» впервые явственно обнаруживается подлинное конкретное всеединство в его трансрациональном непостижимом существе, именно в качестве живого бытия»*[17; 18]. Сравнивая любовь с религиозными отношениями, он указывает на их непостижимо-трансрациональное единство и делает вывод о религиозном характере любви.

С. Франк, как и Н. Бердяев, использует идею андрогина в своей концепции любви. Категории «мужское» и «женское» выступают у него как субстанциональные характеристики бытия, две стороны действующей реальности в андрогинном существе человека, которые стремятся к восстановлению утраченной целостности, восстановлению духовного единства. Он отдает онтологическое первенство женскому началу человеческого духа перед мужским началом, но в любви противопоставляет женскую любящую душу мужской объективности, силе, прочности, отмечая, что в любви к мужу женщина обретает себя во всей полноте через самоотдачу. В этом заключается, по мнению философа, двойственность интимно-внутренней сферы жизни и автономно-человеческого творчества [19, с. 323, 352–358]. В утопии всеединства идею андрогина можно трактовать как необходимость целостности индивида для духовного единства человечества.

Философ считает, что через любовь человек утверждает себя в своем подлинном существе, любовь является основой жизни. В его концепции противопоставляется полая и эротическая любовь, если

первая для него является несовершенной, то вторая истинной. Несовершенство половой любви, по мнению философа, заключается в том, что в ней связь между полами, символизирующая Бога и человека, выражается искаженно и несовершенно, а брак является мирским путем очищения плотской жизни. В то время как истинная любовь – это истинный брак, преобразующий эротическую любовь, «чувство товарищеской или соседской солидарности, братской близости членов семьи или племенного и национального сродства». Но эротическая любовь, как попытка обоготворения несовершенного человеческого тела, является идолопоклонством, ложной религией, указывает философ. Преображение эротической любви произойдет, когда любовь к прекрасному телу перейдет в любовь к самой Красоте, совпадающей с Добром и Истиной, и в этом случае эротическая любовь приобретает смысл как путь любви к Богу [2, с. 200–210; 20, с. 317–325]. Таким образом, С. Франк предлагает свою классификацию любви.

В рамках концепции всеединства он рассматривает любовь, как возможность преодоления групповой замкнутости, она, по его мнению, позволяет достичь единства. С. Франк считает, что христианство лежит в основе любви и должно стать религией любви: *«Любовь и вера здесь совпадают между собой»*. Любовь это идеал направляющий жизнь человека, но она постоянно встречает сопротивление плотских страстей в душе человека и в мире ее осуществление возможно только частично. Именно любовь, как божественная сила, отмечает философ, руководит человеком до преобразования и просветления мирового бытия. Как средство достижения цели – полноты жизни, как «путь к приятию подлинного, благого существа вселенского бытия через освобождение души от рабства перед условиями мирового бытия», выступает идеал аскетизма, но это не бегства от мира. В любви бескорыстной и самоотверженной происходит соединение двух сторон христианской жизни: преодоление мира и любовное служение совершенствованию мира [20, с. 324–331]. Следовательно, любовь занимает в его проекте особое место, выступая главной формой всеединства, началом определяющим единство христианской жизни.

Важную роль любовь играет и в утопии Дм. Мережковского, он связывает ее с проблемой пола, рассматривает возможности преодоления раскола пола. Философ предлагает свою классификацию любви, разделяя плотскую, брачную любовь и любовь духовно-плотскую, братски-брачную. Если первая рождает смерть, то вторая способна ее победить, именно в ней жизнь, смерть и воскресение сливаются воедино и открывается богочеловеческое единство. В земной любви пол стремится к безличному роду, а в небесной любви – к бессмертной личности [9, с. 510–511; 11; 12, с. 245]. Но каждый тип решает свои задачи и одна без другой невозможны: земная любовь (эрос) готовит к небесной любви (агапе). Как и Н. Бердяев, Дм. Мережковский считает возможным решить проблему пола только в утверждении себя и других в Боге через духовно-плотскую (ювенильную) любовь. Он различает и мужскую и женскую любовь, что так же связывает его с концепцией Н. Бердяева, но в отличие от последнего в его проекте женская любовь, а не мужская, способна победить смерть для воскресения в Царстве Божьем, в Царстве Матери-Духа, женщина выступает первоначалом всего [9, с. 588; 12, с. 106].

Отрицательное отношение Дм. Мережковский высказывает как к христианскому браку, так и к девству и противопоставляет им святую любовь и высшую святую плоть [10; 12, с. 106]. Он, как и Н. Бердяев, в своей утопии выдвигает концепцию андрогина. По его мнению, необходимо восстановление половой целостности личности, подчеркивает философ, восстановление божественной двуполости – священного Андрогина, только так возможна гармония – слияние мужского и женского [9, с. 230; 13, с. 536]. Более того, двуполость существует в человеке с рождения и это является важным условием формирования личности. В вечности пол находится в единстве и высшей точкой любви станет соединение половинок, двое станут одной плотью, только так будет достигнуто Царство Божие, подчеркивает Дм. Мережковский [12, с. 253, 373]. Таким образом, в реализации данного философского проекта любовь играет ключевую роль, ювенильная любовь восстановит андрогинный образ человека и будет достигнута гармония социума, наступит Третье Царство. Во многом позиция Дм.

Мережковского совпадает с идеями Н. Бердяева, однако в его идеях нет противопоставления мужских и женских ценностей, рассмотрения женского как второстепенного начала.

Рассмотренные концепции демонстрируют характерную черту русской философии Серебряного века – любовь здесь выступает системообразующим фактором в развитии общества. Все утопические проекты подчеркивают ее важность для общества будущего, рассматривают ее как главное условие достижения гармонии социума. Во всех утопиях любовь носит религиозный характер, любовь и вера переплетаются между собой, создавая религию любви. Каждый из философов предлагает свои классификации любви (более подробно на этой проблеме останавливается Н. Бердяев, выдвигая различные основания для разделения любви), но в целом у всех половой любви противопоставляется любовь духовно-братская. Утопии Н. Бердяева и Дм. Мережковского особое внимание уделяют идеи андрогина и ювенильной любви как способа восстановления целостности человека и достижения гармонии социума.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви / Н.А. Бердяев // Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон +, 1999. С. 213–249.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека: опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев // О назначении человека. М.: Изд-во Республика, 1993. С. 20–253.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря. М.: Изд-во Республика, 1995. С. 4–162.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Библиотека «ВЕХИ», 2000. Глава VIII. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/tvorch/08.html> (дата обращения: 23.03.18).
6. Бердяев Н.А. Философия свободного духа: проблематика и апология христианства / Н.А. Бердяев // Философия свободного духа. М.: Изд-во Республика, 1994. С. 14–228.

7. Бердяев Н.А. Я и мир объектов / Н.А. Бердяев // *Философия свободного духа*. М.: Изд-во Республика, 1994. С. 230–316.
8. Лосский Н.О. *История русской философии* / пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
9. Мережковский Д.С. *Иисус неизвестный*. М.: «Республика», 1996. 687 с.
10. Мережковский Д.С. Меч. IX. // *Публицистика. Не мир, но меч / Д.С. Мережковский // Полное энциклопедическое собрание сочинений*. Серия: Электронная библиотека. М.: ИДДК, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. Мережковский Д.С. Меч. X. // *Публицистика. Не мир, но меч / Д.С. Мережковский // Полное энциклопедическое собрание сочинений*. Серия: Электронная библиотека. М.: ИДДК, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
12. Мережковский Д.С. *Тайна Запада. Атлантида – Европа*. М.: Эксмо, 2007. 671 с.
13. Мережковский Д.С. *Тайна трех. Египет – Вавилон*. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 560 с.
14. Митрофанова А.В. *Мужчина и женщина в философской и общественно-политической мысли России XIX–XX вв. // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / Под ред. И.В. Костиковой*. М.: МГУ, 2000. С. 60–77.
15. Осипович Т. *Победа над рождением и смертью, или женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX–XX веков // Вестник проекта «Новые возможности для женщин» Женщина и культура*. 1998. № 14. С. 21–29.
16. Рябов О.В. *Русская философия женственности (XI–XX века)*. Иваново: Юнона, Ивановский государственный университет, 1999. 359 с.
17. Франк С.Л. *Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Часть 2. Глава VI*. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/06.html> (дата обращения: 23.03.18).
18. Франк С.Л. *Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Часть 3. Глава X*. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/10.html> (дата обращения: 23.03.18).

19. Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк // Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 208–431.
20. Франк С.Л. С нами Бог. Три размышления / С.Л. Франк // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 217–404.
21. Франк С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 147–216.
22. Черный Ю.Ю. Философия пола и любви Н.А. Бердяева. М.: Наука, 2004. 132 с.

References

1. Berdjaev N.A. Metafizika pola i ljubvi [Metaphysics of sex and love]. *Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost'* [New religious consciousness and the public]. Moscow: Kanon +, 1999, pp. 213–249.
2. Berdjaev N.A. O naznachenii cheloveka: opyt paradoksal'noj jetiki [On the appointment of a person: an experience of paradoxical ethics]. *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow: Izd-vo Respublika, 1993, pp. 20–253.
3. Berdjaev N.A. O rabstve i svobode cheloveka [About slavery and freedom of man]. *Carstvo Duha i carstvo Kesarja* [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Izd-vo Respublika, 1995, pp. 4–162.
4. Berdjaev N.A. *Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 1990. 336 p.
5. Berdjaev N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [Sense of creativity. Experience of human justification]. Library «VEHI», 2000. Chapter VIII. <http://www.vehi.net/berdjaev/tvorch/08.html> (accessed March 23, 2018).
6. Berdjaev N.A. Filosofija svobodnogo duha: problematika i apologija hristianstva [The philosophy of the free spirit: the problematics and the apology of Christianity]. *Filosofija svobodnogo duha* [Philosophy of the Free Spirit]. Moscow: Izd-vo Respublika, 1994, pp. 14–228.
7. Berdjaev N.A. Ya i mir ob'ektov [I and the world of objects]. *Filosofija svobodnogo duha* [Philosophy of the Free Spirit]. Moscow: Izd-vo Respublika, 1994, pp. 230–316.

8. Losskij N.O. *Istorija russoj filosofii* [History of Russian Philosophy] / translation from English. Moscow: Sovetskij pisatel', 1991. 480 p.
9. Merezhkovskij D.S. *Iisus neizvestnyj* [Jesus unknown]. Moscow: «Republika», 1996. 687 p.
10. Merezhkovskij D.S. Mech [Sword]. IX. Publicistika. Ne mir, no mech [Publicism. Not the world, but the sword] *Polnoe jenciklopedicheskoe sobranie sochinenij. Serija: Jelektronnaja biblioteka* [Complete encyclopaedic collection of works. Series: Digital Library]. Moscow: IDDK, 2007. (CD-ROM).
11. Merezhkovskij D.S. Mech [Sword]. X. // Publicistika. Ne mir, no mech [Publicism. Not the world, but the sword]. *Polnoe jenciklopedicheskoe sobranie sochinenij. Serija: Jelektronnaja biblioteka* [Complete encyclopaedic collection of works. Series: Digital Library]. Moscow: IDDK, 2007. 1 jelektron. opt. disk (CD-ROM).
12. Merezhkovskij D.S. *Tajna Zapada. Atlantida – Evropa* [Mystery of the West. Atlantis – Europe]. Moscow: Jeksmo, 2007. 671 p.
13. Merezhkovskij D.S. *Tajna treh. Egipet – Vavilon* [The secret of three. Egypt – Babylon]. Moscow: Izd-vo Jeksmo, 2005. 560 p.
14. Mitrofanova A.V. Muzhchina i zhenshhina v filosofskoj i obshhestvenno-politicheskoj mysli Rossii XIX–XX vv. [Man and woman in the philosophical and socio-political thought of Russia XIX–XX centuries]. *Vvedenie v gendernye issle-dovanija: ucheb. posobie* [Introduction to Gender Studies: Textbook] / edited by I.V. Kostikovej. Moscow: MGU, 2000, pp. 60–77.
15. Osipovich T. Pobeda nad rozhdeniem i smert'ju, ili zhenofobija russoj utopicheskoy mysli na rubezhe XIX–XX vekov [Victory over the birth and death, or the sexophobia of Russian utopian thought at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik proekta «Novye vozmozhnosti dlja zhenshhin» Zhenshhina i kul'tura* [Victory over the birth and death, or misogyny of the Russian utopian thought at a turn of the XIX–XX centuries], no 14 (1998): 21–29.
16. Rjabov O.V. *Russkaja filosofija zhenstvennosti (XI–XX veka)* [Russian philosophy of femininity (XI - XX century)]. Ivanovo: Junona, Ivanovo State University, 1999. 359 p.

17. Frank S.L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii* [Incomprehensible. Ontologic introduction to religion philosophy]. Part 2. Chapter VI. <http://www.vehi.net/frank/nepost/06.html> (accessed March 23, 2018).
18. Frank S.L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii* [Incomprehensible. Ontologic introduction to religion philosophy]. Part 3. Chapter X. <http://www.vehi.net/frank/nepost/10.html> (accessed March 23, 2018).
19. Frank S.L. Real'nost' i chelovek [Reality and man]. *Real'nost' i chelovek* [Reality and man]. Moscow: Respublika, 1997, pp. 208–431.
20. Frank S.L. S nami Bog. Tri razmyshlenija [God is with us. Three Reflections]. *Duhovnye osnovy obshhestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 217–404.
21. Frank S.L. Smysl zhizni [Meaning of life]. *Duhovnye osnovy obshhestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 147–216.
22. Chernyy Yu. Yu. *Filosofija pola i ljubvi N.A. Berdjaeva* [Philosophy of sex and love N.A. Berdyaev]. Moscow: Nauka, 2004. 132 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Митина Наталья Георгиевна, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, доктор философских наук, доцент
*Дальневосточный государственный институт искусств
ул. Петра Великого, 3а, г. Владивосток, Приморский край,
690990, Российская Федерация
Millkonf@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mitina Natalia Georgievna, Professor, Department of humanities disciplines, Doctor of Philosophy, Associate Professor
*Far Eastern State Institute of Arts
3a , Petr Veliky Str., Vladivostok, Primorsky Krai, 690990 , Russian Federation
Millkonf@yandex.ru
SPIN-code: 7196-2178
ORCID: 0000-0002-6435-4479*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-114-131

УДК 101.1

ИДЕИ ОТЕЧЕСТВА И ПАТРИОТИЗМА ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Мацевский Г.О., Мацевская Г.А.

Актуальность темы исследования predeterminedena всё более растущим интересом государственных и общественных деятелей, учёных к проблемам консолидации общества, воспитания качеств гражданственности и патриотизма у современной молодёжи. Целью статьи является анализ основных подходов к пониманию и реализации идей отечества и патриотизма представителями первой советской политической элиты, так как это повлияло не только на характер событий пореволюционной и последующей за ней эпох, но и продолжает оказывать явное и неявное влияние на современное общественное сознание. В качестве наиболее влиятельных представителей советского руководства конца 1910-х – пер. пол. 1920-х гг. можно считать В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского. В результате работы делается вывод о том, что у первой советской политической элиты не было общего и однозначного отношения к отечеству, понимания необходимости его защиты и укрепления, как не было и общего отношения к патриотизму. Так для В.И. Ленина истинным отечеством было социалистическое Отечество, отечество, где к власти пришёл народ. И именно это Отечество необходимо было любить, беречь и защищать до последней капли крови, именно оно было достойно патриотических чувств и поступков. По мнению Л.Д. Троцкого и А.В. Луначарского, являвшихся наиболее яркими представителями идей «перманентной революции», Россия, пусть даже и социалистическая, была лишь пучком хвороста в костре общеевропейской или мировой революции. А потому места патриотизму нет и быть не может ни в государственной политике, ни в общественном сознании.

Ключевые слова: социалистическое отечество; патриотизм; Ленин; Троцкий; Луначарский.

IDEAS OF THE FATHERLAND AND PATRIOTISM OF THE FIRST SOVIET POLITICAL ELITE

Matsievsky G.O., Matsievskaya G.A.

The relevance of the research is the growing interest of state and public figures, scholars to the problems of consolidation of society, the up-bringing of citizenship and patriotism in modern youth. The aim of the article is to analyze the basic approaches to understanding the ideas of the fatherland and patriotism by representatives of the first Soviet political elite. This affected the character of the events of the revolutionary and subsequent epochs, and continues to influence contemporary social consciousness. The most influential representatives of the Soviet leadership of the late 1910–1920's. can be considered V.I. Lenin, L.D. Trotsky, A.V. Lunacharsky. As a result, it is concluded that the first Soviet political elite did not have a common and unambiguous attitude to the fatherland and patriotism. For Lenin, the real fatherland was the socialist Fatherland, where the people came to power. This Fatherland needed to be loved, protected and protected to the last drop of blood, it was worthy of patriotic feelings and actions. According to Trotsky and Lunacharskii, who were representatives of the theory of “permanent revolution,” socialist Russia is only a bunch of brushwood in the fire of a pan-European or world revolution. That is why patriotism does not exist and there can be no place either in state policy or in public consciousness.

Keywords: socialist fatherland; patriotism; Lenin; Trotsky; Lunacharsky.

В последние годы в общественных, политических, научных кругах вновь актуализировалось обсуждение вопросов, так или иначе связанных с проблемами преодоления атомизации современного общества, поиска основ его консолидации, необходимости отста-

ивания национальных интересов и защиты Отечества. В феврале 2016 г., Президент России В. Путин на встрече с активом «Клуба лидеров» отметил, что решить все эти и многие другие проблемы можно при помощи патриотизма, и потому «у нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма...» [14]. А незадолго до этого, летом 2015 г., выступая на вручении грамот о присвоении звания «Город воинской славы», он заявил: «Наш священный долг – быть верными великим ценностям патриотизма, хранить память о подвиге отцов и дедов, чтить наших ветеранов» [13]. По мнению Президента, советский народ смог одержать победу в Великой Отечественной войне «благодаря своему единству и беспрецедентной любви к Отечеству» [13].

Примеры патриотизма и любви к Родине искали и находились, в основном, в событиях Великой Отечественной войны. По её мотивам сняты в современной России десятки фильмов, прочитаны сотни лекций, проведены тысячи «уроков мужества». Несомненно, что та Война стала образцом героизма, доблести и мужества советского человека, примером величайшей и беззаветной любви к своему социалистическому Отечеству, жертвенного служения ему и готовности к его защите до последней капли крови. Но где же истоки этого советского патриотизма, есть ли в ранней советской (большевистской) идеологии основы того, что так ярко проявило себя в 1941–1945 гг.? Ответы на эти вопросы не так однозначны. Так, большинство научных работ, обращающихся к проблеме советского патриотизма, опубликованных в прошедшем году, по данным РИНЦ (Российский индекс научного цитирования на базе Научной электронной библиотеки – elibrary.ru) посвящены патриотизму советского народа в годы войны с фашизмом (более 1/3 всех работ) или различным аспектам воспитания патриотизма у современной молодёжи (тоже не менее 1/3). Многие авторы, пытающиеся рассматривать становление патриотических идей в довоенные годы [3; 15], чаще всего отмечают, что они начинают формироваться лишь в 1930-е гг., в условиях роста международной напряжённости, вследствие прихода к власти в Германии фашистов и необходимо-

сти подготовки СССР к мировой войне: «руководителями советского государства (убежденными марксистами) вплоть до начала Великой отечественной войны классовая солидарность ставилась выше национальной, и только трагические события 1941 г. заставили советское руководство обратиться к основательно забытому в ранней советской пропаганде понятию “патриотизм”» [2, с. 148]. Порой можно встретить и такую оценку отношения первых советских лидеров к идее отечества и патриотизма: «в период раннего строительства большевистской государственности слово “патриот” было оскорбительным... ведь трудящиеся не имеют отечества и их цель – всеобщее братство без границ и национальных предпочтений» [6, с. 11]. Или: «...все эти крестьяне, рабочие были для Ленина, для большевиков... лишь хворостом для разжигания европейской пролетарской революции», причём «Ленин несколько не отличался от Троцкого...», «не верил в возможность победы социализма в отдельно взятой стране...» [20].

Здесь необходимо отметить, что у первой советской политической элиты не было общего и однозначного отношения к отечеству, понимания необходимости его защиты и укрепления, как не было и статичного, неизменчивого отношения к власти и государству. Дело в том, что представители этой самой политической элиты не были идеологически монолитны, более того, до осени 1917 г. многие из них находились в разных политических партиях и, зачастую, были политическими и идеологическими противниками, а перейдя в партию большевиков так оными и не стали. Например, первый председатель Совета народных комиссаров (СНК) В.И. Ленин был лидером партии большевиков РСДРП(б); председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) с января 1918 г. Я.М. Свердлов – лидером боевых организаций эсеров (ПСР); первый нарком по иностранным делам, позже нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета (РВСР) Л.Д. Троцкий – меньшевиком, лидером партии «межрайонцев» (Межрайонная организация РСДРП, близкая к меньшевикам), перешедшим к большевикам в августе 1917 г. Кстати, из «межрайонцев» в «боль-

шевики» тогда же перешли ещё около 4 тыс. человек, в т.ч. А.В. Луначарский – будущий нарком образования, М.С. Урицкий – будущий председатель Петроградского ЧК и др.

В связи с этим видится достаточно востребованным обращение к тому, как формулировали и выстраивали своё отношение к государству, власти, отечеству и патриотизму лидеры первого советского правительства, предопределившие как теоретико-стратегические, так и практико-тактические особенности построения первого в мире государства рабочих и крестьян. Наиболее влиятельными среди них летом 1917 г., накануне и в период подготовки к социалистической революции, считались Ленин, Троцкий и Луначарский, что дало возможность сформироваться стойко державшемуся слуху о возможности установления диктатуры этого триумvirата [1, с. 24].

Давайте же обратимся к творческому наследию этих теоретиков и практиков построения советского государства. В статье «О национальной гордости великороссов», впервые опубликованной в год начала Первой мировой войны в газете «Социал-Демократ» № 35 от 12 декабря 1914 г., В.И. Ленин пишет: «Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! ...все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость “родины”, величие принципа национальной самостоятельности...» [9, с. 106]. При прочтении этих строк может сложиться впечатление, что Ленину чужды идеи «свободы», «независимости», «национальной самостоятельности» отечества, что он не патриот. И он сам далее ставит вопрос: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости?» и отвечает на него: «Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину... И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии...» [9, с. 107–108]. И далее, «нельзя в XX веке... “защищать отечество” иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.е. худших врагов нашей родины; – нельзя великороссам “защищать отечество” иначе, как желая

поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует его..., приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами» [9, с. 108]. В другой своей работе этого же периода Ленин подчёркивает: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две культуры в каждой национальной культуре» [7, с. 130], а значит, есть и два патриотизма в русской истории. Из этого можно сделать вывод, что Ленин разводит патриотизм в отношении власти царя, помещиков и капиталистов, которые являются «худшими врагами» родины, и патриотизм в отношении бесправных и порабождённых рабочих и крестьян, «9/10 населения Великороссии». Таким образом, власть, которая не защищает, не обустроивает свой народ, а угнетает, «деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует» его, сама не достойна защиты и не является «отечеством».

С другой стороны, когда к власти в стране в октябре 1917 г. приходят сами большевики, отношение к власти уже совсем иное. В феврале 1918 г., в результате срыва подписания мирного договора с Германией в Бресте и начала масштабного наступления немцев, Ленин готовит постановление СНК «Социалистическое отечество в опасности!», в котором говорится о том, что «выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы – банкирам, власть – монархии*», а потому, «1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. 2) Всем Советам и революционным организациям *вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови...*», то есть быть патриотами [10, с. 357–358]. В статье «Тяжёлый, но необходимый урок», подготовленной в эти же непростые для страны дни, Ленин пишет: «Мы – оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы – за защиту отечества с этого дня», то есть патриоты [11, с. 394–395]. Для Ленина власть, государство не являются абстрактными понятиями, не существуют

вообще, сами по себе, но воспринимаются и оцениваются с точки зрения их соотношения с интересами народа, большинства населения страны, а потому и патриотизм есть не просто любовь к абстрактному государству, готовность защищать его «до последней капли крови», а любовь к государству и власти, которые защищают свой народ, служат ему, а не финансово-экономической элите, «паразитирующей на народном теле». Это принципиально в понимании ленинского патриотизма. Да, несомненно, Ленин выступал за пролетарский (классовый) интернационализм («пролетарии всех стран, соединяйтесь»), но это абсолютно не значило, что у великорусских большевиков и у великорусского пролетариата не должно быть своей родины, «социалистического отечества». А потому идея возможности победы социализма в «отдельно взятой стране», идея необходимости защиты её, была не только высказана Лениным, но и последовательно отстаивалась им. В плане международных отношений эта идея нашла практическое воплощение в окончательном утверждении после Генуэзской конференции (1922) принципа мирного сосуществования советского государства со странами другого общественного строя.

Иное понимание патриотизма было у Л.Д. Троцкого, не скрывавшего своих притязаний на роль «второго вождя» в первом советском правительстве и оказавшего достаточно сильное влияние на характер политических, идеологических, экономических, культурных и иных процессов в советском государстве в конце 1910-х – 1920-х гг. Интересно, что сам Троцкий, даже после перехода в партию большевиков, открыто и не раз заявлял, что это не он перешёл на позиции большевизма, а «большевики разбольшевичились – и я называться большевиком не могу...» [1, с. 21]. Сначала сторонник Ленина, Троцкий уже на II съезде РСДРП перешёл к меньшевикам, а потом, как он утверждал сам, на «свою политическую платформу». С первой российской революции 1905–1907 гг. у него формируются первые зачатки теории «перманентной революции», которую он во многом позаимствовал у германского социал-демократа российского происхождения А.Л. Парвуса, и основной идеей которой была мысль,

«что русская революция является прологом социально-революционной эпохи в развитии Европы...» [17, с. 45]. С течением времени его взгляды не изменились. В книге, написанной уже в 1928 г., он продолжал утверждать: «Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой» [19, с. 286]. Чем же так плоха или, наоборот, хороша эта теория? В связи с чем она может быть интересна нам в понимании патриотизма или «непатриотизма» Троцкого? Обратимся к уже цитировавшейся статье: «Теория социализма в отдельной стране..., единственная теория, – пишет Троцкий, – последовательно и до конца противостоящая теории перманентной революции. Попытка эпигонов – под ударами критики – ограничить применение теории социализма в отдельной стране России, ввиду её особых свойств (пространства и естественные богатства), не улучшает, но ухудшает дело. Разрыв с интернациональной позицией всегда и неизбежно ведёт к национальному *мессианизму*, то есть признание за собственной страной преимуществ и качеств, позволяющих ей будто бы выполнить ту роль, до которой не могут подняться другие страны...» [19, с. 287] и тем более может привести к желанию любить и защищать «собственную страну». «Собственная страна» же, по мнению Троцкого, есть лишь «национальная арена», на которой начинается социалистическая революция, «пучок хвороста» в костре мировой революции. Что при этом произойдёт с «национальной ареной» или «пучком хвороста», в общем-то, не так уж и важно.

По мнению же Ленина, вследствие неравномерности экономического и политического развития капитализма в разных странах, «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» [8, с. 354]. Затем же, победивший пролетариат, должен организовывать у себя, в своей стране, социалистическое производство, в своей стране строить демократическую республику, быть примером для угнетённых классов других, капиталистических стран, помогая им, готовясь «к долгой и упорной борьбе социалистических республик с *отсталыми* [т.е. капиталистическими] государствами» [8, с. 355]. Да, Ле-

нин, как и большинство социал-демократов того времени, верил во «всемирную пролетарскую революцию» и возможность создания «всемирной Советской республики», но не во что бы то ни стало, не ценой разорения *передовой* «социалистической республики» и тем более её гибели.

В этой связи достаточно наглядными являются позиции Ленина и Троцкого в период проведения переговоров по заключению мирного договора с кайзеровской Германией в Брест-Литовске в декабре 1917 г. – феврале 1918 г. Позиция Троцкого тем более интересна, что он был не простым современником тех событий, а являлся руководителем советской делегации на переговорах в ранге наркома по международным делам. Заключение данного мира было объективно необходимо, т.к. в результате событий 1917 г., связанных с февральской буржуазной революцией, свержением монархии, неумелыми действиями Временного правительства и, как следствие, обширным кризисом, охватившим все без исключения стороны жизни российского общества, российская армия была деморализована, отступала, терпя поражения, не способная дать отпор Германии.

В своей работе «Мирные переговоры в Брест-Литовске», впервые опубликованной в 1920 г., Троцкий пишет о том, что вопреки мнению Ленина о непозволительности «играть с войной» и его требованию заключить мир, он имел свою позицию, заключающуюся в необходимости «довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистической силы... Этот агитационный довод представляется решающим автору настоящих строк...» [18, с. 149–150]. 10 февраля 1918 г. на заседании Политической комиссии ЦК РСДРП(б) Троцкий заявляет: «Именем Совета Народных Комиссаров, Правительства Российской Федеративной республики настоящим доводим до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионного договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращёнными. Российским войскам

одновременно отдаётся приказ о полной демобилизации по всему фронту» [4, с. 150]. Естественно, на такое заявление не уполномочивали Троцкого ни правительство, ни партия, а Ленин так оценил его действия: «этот лозунг – авантюра, отдающая страну, где пролетариат встал у власти, где начинается великая стройка, на поток, на разграбление» [6, с. 380]. Тезис Троцкого «войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» привёл к срыву переговоров и, как он отмечал сам, «переходу немцев в наступление, захвату ряда городов, расстрелу коммунистов...» [18, с. 150]. Широкомасштабное наступление, по всему российско-германскому фронту, оставленному «демобилизованной» российской армией, менее чем за две недели вывело немцев на линию Петроград – Ростов.

23 февраля на заседании ЦК РСДРП(б) Ленин выступает за принятие новых условий мира, выдвинутых Германией, за отстранение Троцкого от ведения переговоров, за снятие его с поста наркома по иностранным делам. «Агитационный довод» Троцкого дорого стоил стране: вместо оговорённых в первоначальном варианте мирного договора 150 тыс. кв. км., Германия оккупировала около 1 млн. кв. км. советского государства и установила контрибуцию в 6 млрд. марок, были разграблены десятки городов и сёл, разрушены сотни фабрик, заводов и сельхозпредприятий, погибли тысячи мирных людей. Но дело здесь даже не в каких-то «агитационных доводах», а в отношении Троцкого к народу (в т.ч. пролетариату), к «социалистическому отечеству». Троцкий не является патриотом ни того, ни другого. Для него советская Россия (уже не царская, не помещичья и не капиталистическая) есть лишь «национальная арена» для разжигания мировой (или, на первых порах, общеевропейской) перманентной революции. И чем больше, кровавее национальный «костёр», тем больше шансов на то, что его «пламя» перебросится на другие страны и народы. Какой уж тут «социализм в отдельно взятой стране» или гордость за «социалистическое отечество» и готовность «защищать его до последней капли крови»?

Троцкий был не единственным представителем таких взглядов в первом советском правительстве и пользовался в нём самой ши-

рокой поддержкой. Об этом говорит хотя бы тот факт, что через несколько дней после отстранения по требованию председателя СНК Ленина от должности наркома по иностранным делам, он решением ЦК РСДРП(б) от 14 марта 1918 г., при поддержке председателя ВЦИК Свердлова и не смотря на протесты Ленина, назначается на должность наркома по военным и морским делам, в этом же году становится председателем только что созданного Реввоенсовета республики, как высшего органа военного и политического управления Вооружёнными силами РСФСР.

Одним из наиболее горячих сторонников и соратников Троцкого, и таких же горячих противников патриотизма, являлся А.В. Луначарский, возглавивший в первом советском правительстве наркомат просвещения и фактически ставший не только идеологом, но и практиком формирования общественного сознания граждан молодой советской республики. Луначарский известен как один из основателей политики пролеткульта, горячий сторонник перевода русского языка на латиницу, идеолог отказа от национальных языков и перехода на международный язык эсперанто, основатель и один из руководителей «Союза воинствующих безбожников» и организации «Юных воинствующих безбожников».

Особый интерес, с точки зрения заявленной в статье проблематики, является лекция, прочитанная им на сентябрьских педагогических курсах в Петрограде в 1918 г. Эта лекция впервые была опубликована в этом же году отдельной брошюрой «О преподавании истории в коммунистической школе», а на следующий год переиздана в Одессе, вошла в сборник статей «Проблемы народного образования» 1923 г. и 1925 г. Как позже отмечал сам Луначарский в предисловии к изданию 1923 г., лекция была воспринята учителями «далеко не дружелюбно» не смотря на весь её «практический революционный идеализм». Что же не понравилось учителям истории в речи наркома просвещения в том далёком 1918 г.? Наверное, буквально первое же его заявление о том, что «далеко не является бесспорным, надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе» [12, с. 101]. Критикуя Всероссийский учитель-

ский союз, который на последнем своём съезде, состоявшемся в июле 1918 г., «идя по стопам учителей буржуазной Западной Европы, стал говорить о том, что необходимо придать изучению истории *национальный характер* и воспитывать в учениках “здоровую любовь к родине”», то есть к «социалистическому отечеству», о необходимости защиты которого буквально за полгода до этого много писал и говорил Ленин, Луначарский безапелляционно заявляет: «...преподавание истории в направлении создания “народной гордости”, “национального чувства” и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти “хорошие образцы” для подражания, должно быть отброшено...» [12, с. 109]. А как же ленинская идея о «возможности построения социализма в отдельно взятой стране», как же «национальная гордость великороссов» за то, что эта страна – Россия, как же ленинский призыв защищать *передовое* «социалистическое отечество ... до последней капли крови», как же ленинская установка на то, что есть два патриотизма (как и «две нации в каждой современной нации)..? Видимо, Луначарского, как, впрочем, и Троцкого, не очень беспокоили ленинские идеи, призывы и установки, тем более, что отважился на свою лекцию нарком просвещения не во время работы съезда учителей, где почётным председателем был Председатель Совнаркома Ленин, а лишь после его ранения 30 августа эсеркой Ф. Каплан.

В 1922–1923 гг. «благодаря» усилиям Троцкого, Луначарского, а также заместителя наркома просвещения, старого друга и соратника Троцкого, первого советского историка-академика М.Н. Покровского, всякий патриотизм был заклеён как казённый и квасной, объявлен национализмом и шовинизмом. Именно Покровский добился того, что с 1923 г. в государственных общеобразовательных школах почти на десять лет перестали преподавать историю, ставились под сомнение и отрицались такие понятия как «Россия», «патриотизм», «русская история». В течение 1920-х гг. по «делу Академии наук» («дело историков») было осуждено около 150 человек, из которых более 100 человек были представителями дореволюционной исторической школы, музейщиками, архивистами, краеведами

и этнографами. Идеологам «перманентной революции» не нужны были патриоты «социалистического отечества» и «здоровая любовь к родине», им необходимы были безликие бойцы-смертники за абстрактное и, видимо, так до конца ими сами не понятое «более высокое “отечество”», эфемерные «Соединённые Штаты Европы».

Постепенный поворот к ленинскому пониманию патриотизма начинается с рубежа 1920-х – 1930-х гг., когда Сталин в результате внутрипартийной борьбы утверждается в качестве лидера партии и государства. В 1929 г. Троцкий высылается из СССР, в этом же году Луначарский смещается с поста наркома просвещения, а Покровский по причине «тяжёлой болезни» перестаёт активно участвовать в общественно-политической жизни страны.

5 сентября 1931 г. выходит Постановление ЦК ВКП(б), согласно которому история восстанавливается в качестве самостоятельного учебного предмета. Незадолго до этого, в декабре 1930 г., Секретариат ЦК ВКП(б) выпускает Постановление, осуждавшее фельетоны известного пролетарского поэта Демьяна Бедного «Слезай с печки», «Перерва» и «Без пощады», в которых высмеивались патриотизм прошлых лет, «лень» и «сидение на печке» как национальная черта русских. В Постановлении, в частности, отмечалось, что Д. Бедный не понимает, что в прошлом существовало *две России*, Россия революционная и Россия антиреволюционная, что нынешняя Россия – *это русский рабочий класс*, являющийся самым активным и самым революционным отрядом мирового рабочего класса. И.В. Сталин в своём письме к Д. Бедному так же подчеркивал, что его фельетоны есть «**клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата**» и посоветовал поэту внимательнее читать В.И. Ленина и «поворачивать на старую, ленинскую дорогу, **несмотря ни на что**» [16, с. 25–27].

Таким образом, можно говорить о том, что среди представителей первой советской политической элиты единого отношения к отечеству и патриотизму не было. Так для В.И. Ленина истинным отечеством было социалистическое Отечество, Отечество, где к власти пришёл народ, пролетариат. И именно это Отечество необходимо

было беречь и защищать до последней капли крови. Не государство вообще, не власть, которая «деморализует, унижает, обесчещивает, протитутуирует» свой народ, но сам народ, создавший первое в мире социалистическое государство, обязан и достоин быть как субъектом, так и объектом патриотизма. С другой стороны, «небольшевики в большевистском правительстве» Троцкий, Луначарский и иже с ними, сторонники идей «перманентной революции» и превращения России в пучок хвороста в костре этой революции. Для них отечество, даже социалистическое, есть лишь средство для разжигания революционного общеевропейского или мирового костра. Для них здоровая любовь к Родине, патриотизм есть лишь национализм и шовинизм, с любовью к Родине и патриотизмом необходимо бороться, необходимо выкорчёвывать их вместе с русской историей, чтобы они не мешали «раздувать мировой пожар». Сталин, ставший в начале 1930-х гг. бесспорным лидером партии и правительства, возвращается к ленинской концепции социалистического Отечества и патриотизма. Именно эта концепция помогла выстоять против армий 11 государств в годы интервенции и гражданской войны, восстановить экономику в 1930-е гг., провести индустриализацию и коллективизацию, именно эта концепция помогла сплотить и поднять советский народ на Великую Отечественную войну и привести к Великой Победе в мае 1945 г., благодаря именно этой концепции в считанные годы после той войны было восстановлено народное хозяйство и страна превратилась в сверхдержаву.

Список литературы

1. Васецкий Н.А. Л.Д. Троцкий: политический портрет // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 3–62.
2. Гончаров М.Н. Методологическое обоснование формируемых ценностных установок военного специалиста // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 147–151.
3. Данильченко С.Л. Сталинская реабилитация дореволюционной русской истории: источниковедческий анализ // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. Т. 20. С. 26–36.

4. Из стенограммы речи Троцкого на заседании Политической комиссии // К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 150.
5. Крупская Н.К. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1968. 304 с.
6. Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е. Антиномии смыслов: патриотизм vs космополитизм // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 14 А. С. 10–17.
7. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 24. С. 113–150.
8. Ленин В.И. О лозунге «Соединённых Штатов Европы» // Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 26. С. 354–355.
9. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 26. С. 106–110.
10. Ленин В.И. Социалистическое отечество в опасности! // Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 35. С. 357–358.
11. Ленин В.И. Тяжёлый, но необходимый урок // Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 35. С. 393–397.
12. Луначарский А.В. О преподавании истории в коммунистической школе // Проблемы народного образования. 2-е изд. М., 1925. С. 101–124.
13. Путин назвал верность ценностям патриотизма «священным долгом» россиян [электронный ресурс] // РБК. Официальный сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/06/2015/5587e95f9a79478cbf0f6885> (дата обращения: 28.02. 2018).
14. Путин: национальная идея в России – это патриотизм [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. Официальный сайт. URL : <https://ria.ru/society/20160203/1369184806.html> (дата обращения: 28.02. 2018).
15. Сокиркин Д.Н. Трансформация взглядов на патриотизм советской политической элиты (1920–1930-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2017. № 1 (10). С. 7.

16. Сталин И.В. Тов. Демьяну Бедному (выдержки из письма) // Сочинения в 16 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Том 13 (июль 1930 – январь 1934). С. 23–27.
17. Троцкий Л.Д. Годы великого перелома. Люди старой и новой эпох. М., 1919. 152 с.
18. Троцкий Л.Д. Мирные переговоры в Брест-Литовске // К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 149–150.
19. Троцкий Л.Д. Что же такое перманентная революция? // К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 284–288.
20. Ципко А.С. Каким у нас представляют 1917 год в зеркале современного патриотизма // Независимая газета. 23 мая 2017 г.

References

1. Vasetskiy N.A. *L.D. Trotskiy: politicheskiy portret* [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat, 1990, pp. 3–62.
2. Goncharov M.N. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Herald]. no 6 (2015): 147–151.
3. Danil'chenko S.L. Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura [Black Sea Coast. History, politics, culture]. no 20 (2017): 26–36.
4. *Iz stenogrammy rechi Trotskogo na zasedanii Politicheskoy komissii* [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat, 1990. p. 150.
5. Krupskaya N.K. *Vospominaniya o V.I. Lenine* [Memories of V.I. Lenin]. Moscow, 1968. 304 p.
6. Kuznetsova A.M., Kuznetsov A.E. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. no 14 A (2015): 10–17.
7. Lenin V.I. *Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu* [Full composition of writings]. Moscow, 1973. V. 24, pp. 113–150.
8. Lenin V.I. *O lozunge «Soedinennykh Shtatov Evropy»* [Full composition of writings]. Moscow, 1973. V. 26, pp. 354–355.
9. Lenin V.I. *O natsional'noy gordosti velikorossov* [Full composition of writings]. Moscow, 1973. V. 26, pp. 106–110.
10. Lenin V.I. *Sotsialisticheskoe otechestvo v opasnosti!* [Full composition of writings]. Moscow, 1973. V. 35, pp. 357–358.

11. Lenin V.I. *Tyazhelyy, no neobkhodimyy urok* [Full composition of writings]. Moscow, 1973. V. 35, pp. 393–397.
12. Lunacharskiy A.V. *O prepodavanii istorii v kommunisticheskoy shkole* [Problems of public education]. Moscow, 1925, pp. 101–124.
13. *Putin nazval vernost' tsennostyam patriotizma «svyashchennym dolgom» rossiyan* [Putin called loyalty to patriotism the “sacred duty” of Russians]. <https://www.rbc.ru/politics/22/06/2015/5587e95f9a79478cbf0f6885> (accessed February 28, 2018).
14. *Putin: natsional'naya ideya v Rossii – eto patriotizm* [Putin: the national idea in Russia is patriotism]. <https://ria.ru/society/20160203/1369184806.html> (accessed February 28, 2018).
15. Sokirkin D.N. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [The science. Society. Defense]. no. 1 (2017). P. 7.
16. Stalin I.V. *Tov. Dem'yanu Bednomu (vyderzhki iz pis'ma)* [Works in 16 volumes.]. Moscow, 1951. V. 13, pp. 23–27.
17. Trotskiy L.D. *Gody velikogo pereloma. Lyudi staroy i novoy epoch* [Years of a great fracture. People of old and new eras]. Moscow, 1919. 152 p.
18. Trotskiy L.D. *Mirnye peregovory v Brest-Litovske* [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat, 1990, pp. 149–150.
19. Trotskiy L.D. *Chto takoe permanentnaya revolyutsiya?* [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat, 1990, pp. 284–288.
20. Tsipko A.S. *Kakim u nas predstavlyayut 1917 god v zerkale sovremennogo patriotizma* [Independent newspaper]. May 23, 2017.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мацевский Герман Олегович, профессор кафедры, доктор исторических наук, доцент
Краснодарский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
ул. Буденного, 161, г. Краснодар, Краснодарский край, 350072,
Российская Федерация
matsievski2004@mail.ru

Мацевская Галина Апполинариевна, аспирант

*Краснодарский государственный институт культуры
ул. 40-летия Победы, 33, г. Краснодар, Краснодарский край,
350072, Российская Федерация
matsievski2004@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Matsievsky German Olegovich, Professor of the Department, Doctor
of Historical Sciences, Associate Professor

*Krasnodar State University of Physical Culture, Sports and Tourism
161, Budenny Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350072, Rus-
sian Federation*

matsievski2004@mail.ru

SPIN-code: 9043-4704

Matyevskaya Galina Appolinarieвна, Postgraduate Student

*Krasnodar State Institute of Culture
33, 40-letiya Pobedy Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350072,
Russian Federation*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-132-142

УДК 101.1

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Клюев А.А.

Цель. Трансформационные процессы в российском социуме последние два десятилетия обусловили и положительные, и болезненные изменения в социальной, экономической, политической и духовной жизни страны. Новые социально-экономические условия, сложившиеся в результате реформирования науки, образования и культуры детерминируют научный интерес исследования роли и места современной российской интеллигенции в общественно-политической жизни России. Предметом анализа выступают онтологические, гносеологические и аксиологические закономерности влияния российской интеллигенции на общественно-политические процессы. Цель статьи – исследование сущностных характеристик интеллигенции как особого социального класса людей и особенностей ее взаимоотношения с властью и широкими слоями населения страны.

Методология и методы. Методологическую основу исследования составил общенаучный метод анализа и синтеза, а также междисциплинарный и компаративный подходы.

Результаты. Опираясь на вышеуказанные методы, автор приходит к выводу, что исторически интеллигенция в России играет особую роль в общественно-политической, культурной, нравственной жизни. Социально-политические идеи, зарождавшиеся в интеллигентской среде, через определённый промежуток времени неизбежно оказывали влияние на массовые настроения. В конце XX – начале XXI столетия престиж интеллигенции был серьезно подорван. Автор полагает, что движение по пути прогрессивного развития, устойчивое социально-экономическое развитие для со-

временной России невозможно без усиления социального статуса этого слоя людей.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в курсах философии, социологии и культурологии.*

Ключевые слова: *власть; интеллигенция; культурно-образовательный потенциал; политическая позиция.*

THE ROLE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Kluyev A.A.

Purpose. *Transformation processes in the Russian society over the past two decades have caused both positive and painful changes in the social, economic, political and spiritual life of the country. New socio-economic conditions resulting from the reform of science, education and culture determine the scientific interest of researching the role and place of the modern Russian intelligentsia in Russia's socio-political life. The subject of analysis is the ontological, epistemological and axiological patterns of the influence of the Russian intelligentsia on socio-political processes. The purpose of the article is to study the essential characteristics of the intelligentsia as a special social class of people and the peculiarities of its relationship with the authorities and broad sections of the population of the country.*

Methodology. *The methodological basis of the research was a general scientific method of analysis and synthesis, as well as interdisciplinary and comparative approaches.*

Results. *Based on the above methods, the author comes to the conclusion that historically the intelligentsia in Russia plays a special role in the socio-political, cultural, moral life. Socio-political ideas that originated in the intelligentsia, through a certain period of time, inevitably influenced the mass mood. In the late XX – early XXI century, the prestige of the intelligentsia was seriously undermined. The author believes that the movement along the path of progressive development, sustain-*

able social and economic development for modern Russia is impossible without strengthening the social status of this stratum of people.

Practical implications. *The results of the research can be applied in courses of philosophy, sociology and culturology.*

Keywords: *authority; intelligentsia; cultural and educational potential; public opinion; political position.*

Движение по пути прогрессивных изменений, устойчивое социально-экономическое развитие любого общества в XXI веке напрямую зависит от состояния таких социальных институтов как образование, наука, культура и выполнения ими познавательных, культурно-мировоззренческих и практических функций. Неоспоримым фактом для гуманистической философии всегда считалось, что человек как существо познающее, производящее материальные блага, хозяйствующее, является основным фактором движения общества на пути к развитию и процветанию. Научно-техническая революция второй половины XX века оказала сильнейшее влияние на все сферы жизни человечества: социально-экономическую, культурно-историческую, духовную. Достижения научно-технического прогресса кардинально изменили нашу жизнь. С одной стороны, современные телекоммуникационные технологии (в первую очередь глобальная сеть Интернет и новые дистанционные формы обучения) позволили провести информатизацию огромных территорий России. В то же время глобальная сеть Интернет способствовала распространению исторических и социальных мифов о России, ослабили духовно-нравственный и культурно-образовательный потенциал российского общества.

В годы социально-экономических трансформаций подверглось, в частности, сокращению количество библиотек, снизилась читательская активность населения. По официальным данным статистики, общее количество библиотек уменьшилось с 1992 г. по 2015 г. с 57200 до 38900 единиц. Библиотечный фонд сократился с 1063 млн. до 839 млн. экземпляров (табл. 1). Кроме того, в связи с развитием научно-технического прогресса интернет сайты, наполненные научной, художественной, публицистической литературой, газетами и

журналами заменили традиционные библиотеки, зачастую искажая реальную информацию.

Таблица 1.

Общедоступные библиотеки Российской Федерации (в тыс. единиц.)

Информация о библиотеках	1992	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменения 2015 к 1992 (+/-)
Число библиотек – всего, тыс.	57,2	51,2	46,1	43,2	40,8	39,8	40,1	38,9	-18,3
в городах и поселках городского типа	16,1	12,4	10,3	10,0	9,7	9,5	9,5	8,9	-7,2
в сельской местности	41,1	38,8	35,8	33,2	31,1	30,3	30,6	30,0	-11,1
библиотечный фонд- всего, млн. экз.	1063	1027	923	888	864	851	854	839	-224
в том числе									
в городах и поселках городского типа	648	659	599	588	583	577	572	563	-85
в сельской местности	415	368	324	300	281	274	282	276	-139
число экземпляров библиотечного фонда в среднем на 1000 человек населения	7167	7017	6459	6208	6027	5923	5837	5726	-1441
в городах и поселках городского типа	5928	6138	5677	5565	5491	5415	5278	5183	-745
в сельской местности	10603	9306	8660	8034	7554	7382	7429	7285	-3321
Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_11/IssWWW.exe/Stg/d01/10-01.htm .									

В конце XX в. именно информационный фактор стал одним из определяющих в противостоянии коммунистической и западной идеологии [5; 10]. Развитие научно-технического прогресса, внедрение достижений пятого и шестого технологических укладов в XXI в. значительно расширили возможности медийных технологий влиять на сознание, мнение, образ жизни, ценностные ориентации целых народов и даже на расстановку сил на геополитическом пространстве. СМИ стали использоваться как один из наиболее эффективных инструментов информационной агрессии в межгосударственных противостояниях [6]. Философия постмодернизма в конце XX века

стала своеобразной реакцией на идеологическую и культурную монолитность меняющегося индустриального западного общества. В книге Ж. Бодрийяра «Система вещей» в неявном виде «симулякр» определяется как ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель. Пространство симулякров философ рассматривает как «взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях масс-медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах, природы и культуры на всех уровнях знания» [4, с. 55].

Преобразования в российском обществе в 1990-е гг. были направлены преимущественно на построение экономической модели с минимальным вмешательством государства в образование, науку, культуру и здравоохранение. Новые рыночные условия ослабили процессы воспроизводства научно-технической и гуманитарной интеллигенции и возможности этого слоя выполнять особые социальные роли, заключающиеся, например, в содействии преодолению технологического отставания страны и распространение духовных и гуманистических ценностей.

Отметим, что в Стратегии национальной безопасности до 2020 года подчеркивается, что Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений. При этом согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, попытки пересмотра взглядов на историю России, «размывание» традиционных нравственных ценностей, являются главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры [13; 14].

Существенную роль в решении важнейших государственных вопросах всегда отводилось научно-технической и гуманитарной интеллигенции. В словаре В.И. Даля видим, что интеллигенция – это разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [7, с. 46]. П.Д. Боборыкин полагал, что интеллигенция – это высший образованный слой общества [3, с. 80]. Известно, что гуманитарная интеллигенция сыграла существенную роль в социально-экономической и политической жизни России в XIX–XX вв. Географические особенности и этнический состав населения страны стали следствием появления в России такого слоя как народничество (Лавров, Михайловский). Особенности этого явления стали патриотизм, стремление видеть свою Родину и свой народ свободным, цивилизованным, заимствовавшим у Европы всё лучшее, но при этом сохранившим специфические особенности хозяйственной, политической и духовной жизни общества. В анархическом социализме М.А. Бакунина, «вольном коммунизме» П.А. Кропоткина, социализме А.Н. Ткачева выдвигалась радикальная точка зрения на преобразования российского общества. Они полагали, что радикальная интеллигенция должна использовать сложившуюся в тот период социальную ситуацию (слабость буржуазии, пассивность крестьянства, малочисленность рабочего класса). В.И. Ленин относил к интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [11, с. 308–309]. В перестроечный период политики и экономисты, придерживающиеся неолиберальной точки зрения (Ясин Е.Г., Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б), настаивали на необходимости вхождения СССР в международную систему разделения труда, и стали, по сути, одними из инициаторов социально-экономических и политических преобразований. С.Г. Кара-Мурза, А.С. Зиновьев, А.С. Панарин рассмотрели в своих исследованиях крах советской цивилизации с ее жизнеустройством, достижениями и недостатками как трагедию [8, 9, 12].

Поколения инженерно-технической интеллигенции в XX–XXI веке также всегда оказывали влияние в решении государственных

задач, участвовали в осуществлении государственной научно-технической политики, способствовали победе в Великой Отечественной войне, освоению космического пространства. Этот слой людей можно определить как высококвалифицированных работников умственного труда с высшим образованием, занятых в управлении производства, непосредственно участвующих в создании материальных благ или интеллектуальных продуктов, а также занятых в организационно педагогической деятельности в высших учебных заведениях. Несмотря на болезненные изменения в социальной, экономической, политической и духовной жизни страны, проявившиеся, в частности, в противоречиях реформы образования и науки (интернационализация образования, введение общемировых стандартов и роста стоимости обучения, поиск соответствия российской системы образования структурным изменениям мировой экономики) инженерно-техническая интеллигенция продолжала проявлять свою гражданскую активность. В.И. Арнольд, в частности, подчеркивал, что «расцвет математики в уходящем столетии сменяется тенденцией подавления науки и научного образования обществом и правительством большинства стран мира» [2, с. 553–558]. Ж.И. Алфёров неоднократно заявлял, что после распада СССР основной статьёй дохода стала продажа природных ресурсов в страны Запада, которые не имели своих ресурсов, но при этом являлись одними из богатейших стран мира, так как основной статьёй их дохода является продажа высокотехнологичной продукции. Так, в 2013 г. он отметил: «В течение последнего двадцатилетия существование академии определялось «философией выживания». Замечательно, что ее – самую мощную научную организацию страны, удалось сохранить. А ведь все могло сложиться и иначе: в конце 1980-х гг. я вместе с другими учеными выступал против создания параллельной с Академией наук СССР Российской академии наук. Тогда мы доказывали, что АН СССР полностью, за исключением одной единственной организации – Крымской астрофизической лаборатории, расположена на территории РСФСР» [1].

Таким образом, представители российской интеллигенции во все исторические периоды развития страны проявляли активную

гражданскую позицию, стремились участвовать в жизни общества и влиять на управленческие решения органов власти. В связи с этим особый интерес представляет также ответ на вопросы: «Насколько велика поддержка деятельности органов государственного управления среди представителей современной интеллигенции? Каким является отношение наиболее «просвещенной прослойки общества к реализуемому властью курсу развития страны»? На современном этапе развития российского общества важным фактором, который воздействует на изменение уровня доверия населения органам власти, является деятельность представителей интеллигенции по разъяснению необходимости принятия тех или иных политических решений, их конечных результатов и последствий для населения, донесению постоянной и полной аналитической информации. От их отношения к деятельности представителей власти зависит во многом успешность проведения политики консолидации населения страны на региональном и общероссийском уровнях. Интеллигенция выполняет задачи, как практического производственного характера, так и воодушевления и активизации широких слоев населения по формированию системы ценностей и духовно-нравственных ориентиров. Наличие специальной подготовки в высших учебных заведениях, более высокая культура, глубокие знания, возможность самосовершенствования позволяют интеллигентам распространять общие для всех идеи меняющейся социальной реальности.

Итак, исследование вопроса о роли отечественной интеллигенции в общественно-политических процессах России является недостаточным без обращения к историческим и социально-философским основаниям возникновения самого феномена российской интеллигенции. Проведенный в ходе исследования краткий исторический экскурс о роли российской интеллигенции в жизни страны показал, что данный слой (даже если он не является самым многочисленным по сравнению с другими профессиональными категориями населения) играет важную роль в формировании общественного мнения о деятельности власти, благодаря активности своей гражданской позиции и возможностям высказывать свое мнение публично на самых

высоких уровнях. Исторически поколения российских интеллигентов выполняют важную социальную функцию посредника между политической элитой и широкими слоями населения. Нестандартные научные решения, духовные поиски высокообразованных слоев населения необходимы в производственной, экономической, социальной, нравственной и политической сфере жизни социума. Инициативные и неравнодушные к проблемам современного общества интеллигенты способны содействовать в строительстве демократического, правового общества и определять будущее страны. Расширение материальных и информационных возможностей российских интеллигентов, умение власти воспринимать представления этого слоя людей о желательном социальном порядке и организовывать продуктивный диалог позволит развивать гражданское сознание всех социальных слоев и выстраивать позитивную политическую атмосферу.

Список литературы

1. Алферов Ж.И. От философии выживания – к философии развития // Советская Россия: электронная газета. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=594265> (дата обращения: 1.03.18).
2. Арнольд В.И. Антинаучная революция и математика // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 6. С. 553–558.
3. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
5. Гвоздева В.С. Информационная безопасность в системе международных отношений // Система ценностей современного общества. 2010. № 12. С. 96-102.
6. Глазьев С.Ю. Как не проиграть в войне: электронный ресурс. URL: http://www.glazev.ru/sodr_ssn/368/ (дата обращения: 01.03.18).
7. Даль В.И. Интеллигенция // Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. М., 1881. С. 46.
8. Зиновьев А.С. Глобальный человек. М.: Эксмо, 2003. 448 с.

9. Кара-мурза, С.Г. Крах СССР. М.: Алгоритм, 2013. 446 с.
10. Карапетова Н.И., Яковлева О.М. СМИ как инструменты обеспечения информационной безопасности современного государства // Территориальные и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–4. С. 238–241.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 308–309.
12. Панарин А.С. Русская культура перед вызовами постмодернизма. М.: Эксмо, 2003. 413 с.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html/> (дата обращения: 1.03.18).
14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 год: электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html/> (дата обращения: 1.03.18).

References

1. Alferov Zh.I. *Sovetskaja Rossija*. <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=594265/> (accessed March 1, 2018).
2. Arnol'd V.I. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 1999, V.69. no 6, pp. 553–558.
3. Boborykin P.D. *Russkaja mysl'*, 1904, no. 12, p. 80.
4. Bodriyar J. Bodrijjar Zh. *Simvolicheskij obmen i smert'* [The symbolic exchange and death]. Moscow : Dobrosvet, 2000. 387 p.
5. Gvozdeva V.S. *Sistema cennostej sovremennogo obshhestva*, 2010, no. 12, pp. 96–102.
6. Glaz'ev S.Ju. *Kak ne proigrat' v vojne* [How not to lose the war]. http://www.glazev.ru/sodr_ssn/368 (accessed March 1, 2018).
7. Dal' V.I. *Dictionary of the Russian language in the 4 V.* V. 2. Moscow, 1881. P. 46.
8. Zinov'ev A.A. *Global'nyj chelovejnik* [A global cheloveinik]. Moscow: Eksmo, 2003. 448 p.
9. Kara-murza S.G. *Krah SSSR* [The collapse of the USSR]. Moscow: Algorithm, 2013. 446 p.

10. Karapetova N.I., Yakovleva O.M. *Territorial'nye i prikladnye aspekty sovremennoj nauki*, 2014, no. 5–4, pp. 238–241.
11. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, 1967, pp. 308–309.
12. Panarin A.S. *Russkaja kul'tura pered vyzovami postmodernizma* [Russian culture to the challenges of postmodernism]. Moscow: Eksmo, 2003. 413 p.
13. *Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda* [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020]. <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html/> (accessed March 1, 2018).
14. *Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda* [Strategy of the state national policy of the Russian Federation until 2025]. <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html/> (accessed March 1, 2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Клюев Алексей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»
ул. 1-я Красноармейская, г. Санкт-Петербург, 190005, Российская Федерация
kluyev2009@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Klyuev Aleksei Aleksandrovich, PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy
Baltic State Technical University «Voenmeh» named after D.F. Ustinov
1, 1 Krasnoarmeyskaya Str., 190005, St. Petersburg, Russian Federation
kluyev2009@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-143-150

УДК 130.3

ЛАБОРАТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА: ЭТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ

Асташова Н.Д.

Цель. *Статья посвящена анализу изменения отношения человека к его телу под влиянием развития био-технологии в XXI веке. Ставится цель актуализировать этические моменты нерегламентированного научного вмешательства в естественную природу человеческого тела.*

Методология. *Исследование основано на применении общенаучных методов (анализа и синтеза, сравнения, обобщения), системного подхода.*

Результаты. *Делаются выводы о том, что тело человека, превращенное в лабораторию для технологических экспериментов, перестает быть вмещателем его внутреннего мира, а бурное развитие сферы применения медицинских технологий означает расширение границ лаборатории до размеров целого общества. Отсутствие жестких этических стандартов применения технологии в отношении человека ставит вопрос о возможности будущего существования человека в рамках его естественного тела.*

Область применения результатов. *Результаты могут быть применены при планировании и постановке задач при проведении биологических и медицинских исследований, в социальной практике, науковедении.*

Ключевые слова: *Этика; философский анализ; тело; медицина; био-технологии; будущее человека.*

THE LABORATORY OF THE HUMAN BODY: ETHICAL ISSUES

Astashova N.D.

Purpose. *The article is devoted to the analysis of changes in the attitude of man to his body under the influence of the development of bio-technol-*

ogy in the XXI century. The aim is to actualize the ethical aspects of the unregulated scientific application to the natural nature of the human body.

Methodology. *The study is based on the application of General scientific methods (analysis and synthesis, comparison, generalization), a systematic approach.*

Results. *It is concluded that the human body, transformed into a laboratory for technological experiments, ceases to be a receptacle of its inner world, and the rapid development of the field of application of medical technologies means the expansion of the boundaries of the laboratory to the measures of the whole society. The lack of strict ethical standards in the application of technology to the human body raises the question of the possibility of future human existence within the framework of his natural body.*

Scope of application of the results. *The results can be applied in planning and setting objectives in biological and medical research, in social practice, science.*

Keywords. *Ethics; philosophical analysis; body; medicine; bio-technology; the future of human.*

Развитие медицины и био-технологий в XXI веке коренным образом изменило отношение человека к его телу. Никогда еще медицинские манипуляции с живым человеком не были настолько публичны, а интимные аспекты существования его тела не привлекали столько внимания. В современном мире получает широкое распространение то, что еще недавно казалось бесчеловечным: общественной нормой становится обмен кровью и органами, в человеческое тело вживляются различные конструкции, программируется развитие жизни. Человек настолько дополнен различными «усовершенствованиями» что, для него встает вопрос: чье это тело?

Научные технологии активно меняют наше представление о теле, которое начинает пониматься как некий механизм. Хотя сама идея не нова и была высказана еще Р. Декартом: «Я предполагаю, что тело есть не что иное, как некая статуя или машина...» [1, с. 6], в двадцатом веке она получает свое развитие в трудах Дж. Хаксли,

который определяет человека как инструмент, орудие эволюционного развития на Земле [4]. Такое представление о человеке как о средстве, допускает возможность агрессивного вмешательства в его природу, дотраивание и переделывание его тела. В XXI веке С. Фуллер развивает эти идеи, высказывая собственное обоснование агрессивного вмешательства в природу человека: если следовать концепции Дарвина и рассматривать человека как высокоразвитое животное, то он обладает такой же ценностью, как и любое другое животное, соответственно, обращаясь с ним как с животным, наука не имеет никаких ограничений [5]. И действительно, в современном мире мы сталкиваемся с ситуацией, когда применение приборов, замещающих полностью или частично органы тела (искусственное сердце, почка, аппарат искусственного дыхания и т.д.) воспринимается как абсолютно норма.

На современном этапе развития науки профессия врача все больше приближается к инженерным специальностям: он чинит сломанный организм как некий автомат. Медик предстает перед общественностью как эксперт по человеческому телу, заменяя, дотраивая его сообразно своим представлениям об его «улучшении».

Несмотря на то, что одни ругают медиков за вмешательство в естественное развитие человеческого организма, другие восхищаются возможностями современной науки в борьбе со страшными заболеваниями, – в целом, можно констатировать, что механизация человеческого тела получила негласное одобрение общества. Наука имеет безграничные возможности оказывать влияние на человеческое существо: трансплантация органов, искусственное оплодотворение, замораживание и пересадка эмбриона, различные имплантации инородных тел, – все эти манипуляции с человеческим телом имеют слишком серьезные последствия, чтобы не подвинуть этические ориентиры общества, пересмотреть культурную традицию морали. Став инженером своего тела человек столкнулся с этическими последствиями своего «творчества»: тело стало видом научной лаборатории, в которой не прекращаются опыты над человеческой природой.

Пример манипуляций с этапами развития человеческого эмбриона показывает насколько организм, по сути, приблизился к лабораторной пробирке, превратившись в «полый сосуд», наполняемый любым содержимым, и совсем не в метафорическом смысле, а вполне физиологически. Всеобщее воодушевление с появлением возможности вмешательства в зарождение и передачу жизни человека сменяется беспокойством о будущем человека. Факт искусственного оплодотворения в пробирке перевернул наши этические ценности и социальные установки. Биоэтика стала определяющей для социальных и личностных отношений. В этой связи имеет смысл обозначить круг этических проблем, с которыми столкнулось современное сообщество.

Первое, жизнь уподобили капиталу: ее можно положить в банк и взять, когда в ней возникает потребность. Речь идет о технологии замораживания спермы и эмбрионов. Появление нового человека перестало быть аспектом судьбы, а превратилось в вопросы технологий и вложения денег. Факт чуда рождения ребенка в семье превратился в рационально планируемое технологическое мероприятие. Благодаря искусственному оплодотворению и суррогатному материнству рождение человека перестало зависеть от биологической способности мужчины и женщины зачать и выносить ребенка. Поставлена прямая зависимость рождения человека от наличия денег у его родителей на дорогостоящие медицинские манипуляции.

Данная ситуация влечет вопросы статуса человеческого эмбриона. С одной стороны, он превратился в предмет покупки и продажи, то есть такой же товар, как и многие другие на рынке капитализма. С другой, целый ряд европейских стран законодательно запретили экстракорпоральные эксперименты с человеческим зародышем, то есть признаются права этих живых существ как людей. Вывод напрашивается сам: такая двусмысленность положения эмбриона подводит нас к страшной грани обесценивания человеческой жизни.

Второе, тайна рождения теперь выставлена напоказ. Средства массовой информации сделали шоу из интимно-личностных моментов появления человека, начиная от момента зачатия до демон-

страции родов. Врачи становятся некими шоу-менами, агрессивно вмешивающимися в переживания супружеской пары, связанные с появлением потомства. Медицинские приборы демонстрируют внутреннюю жизнь тела для всех желающих.

Последствия такой «открытости» описаны А.М. Мулен, когда в американские суды стали поступать иски от детей-инвалидов, требующих компенсации от родителей, которые, по их мнению, должны были сделать аборт, узнав о врожденных уродствах плода, а не обрекать их на несчастное существование в теле с физическими дефектами [2, с. 57].

Так, акцент человеческого существования переместился на физиологические проявления тела, его ощущения, которые стали важнее душевных переживаний, эмоций, то есть всего того, что делает жизнь красочной и неповторимой.

Третий момент связан тем, что активные генетические манипуляции с экстракорпоральным оплодотворением влекут за собой нарушение понятия родства. Родство – это синтетический природно-культурный феномен, который нельзя свести только к биологии (генетике), где определяющим является принцип «похожести», или только культуре, определяющей поведение и образ мыслей человека. Через биологическую сопричастность к родовой группе человек осознает свою социально-культурную идентичность.

Однако, медицинские технологии искусственного оплодотворения, донорства клеток, суррогатного материнства отодвигают значимость биологической связи с родственниками на задний план. Прежде всего акцентируется внимание на добровольном родстве, где связи с родственниками устанавливаются через систему воспитания, а не биологическую похожесть. Тем не менее, социологические исследования указывают на то, что современный человек еще не преодолел барьер, когда родственные связи могут пониматься исключительно как социально-культурные. Ж. Коста-Ласку описывает ситуации, в которых бесплодные пары, ставшие родителями благодаря медицинским технологиям, озабочены созданием видимости биологического родства с ребенком: скрывают от окружающих факт

бесплодия, просят подобрать донора этнически похожего на одного из родителей, а в случае непохожести рожденного не редки случаи отказа от новорожденного [3, с. 601].

Таким образом, можно сделать выводы о том, что современной культуре с ее технологиями не получается нивелировать стремление человека продолжить себя как биологический вид. В этом аспекте тело остается носителем генетических признаков идентичности личности, которая определяет себя в мире, в том числе, и по родовым признакам. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда наука, решая проблему бесплодия, нарушает баланс биологического и культурного в определении родства, как важного компонента идентификации личности в обществе.

Четвертым и очень важным последствием развития био-медицины становится смещение гендерных¹ ролей. Изобретение гормональной контрацепции и экстракорпорального оплодотворения снизило значимость мужчины как участника процесса продолжения рода. На современном этапе развития науки вопросы репродукции решаются между врачом и женщиной, мужчина стал второстепенным персонажем. Такое положение дел существенно меняет представления о роли женщины и представления о материнстве. Многообразии функций, которые могут осуществлять женщины в процессе рождения новой жизни, их социальная активность позволяет говорить о том, что женщина начинает занимать лидирующие позиции в обществе.

Таким образом, можно прийти к выводам о том, что бурное развитие сферы применения медицинских технологий означает расширение границ лаборатории до размеров целого общества. В этой новой системе отношения строятся на взаимодействиях тела и технологий, фактор души, которая подобно капитану управляет телом (по Декарту), не принимается во внимание, – единство души и тела разрушается. Тело, превращенное в лабораторию для технологических экспериментов, перестает быть вместилищем внутрен-

¹ Понятие «гендер», впервые использованное Р. Столером, обозначает культурные характеристики мужского и женского, в отличие от понятия «пол», обозначающего биологическую принадлежность.

него мира человека. Такая ситуация стала возможной в силу отсутствия жестких этических стандартов применения технологии в отношении человека. В современном, подверженном глобализации мире в силу мульти-культурности достаточно сложно определить единые критерии морали, соответственно, законодательно закрепить границы вмешательства технологий в природу человека, – это ставит вопросы о будущем существования человека в рамках его естественного тела. Однако пристальное общественное внимание к проблемам антропологии и биоэтики дает надежду на то, что решение все же будет найдено.

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Исследование не имело спонсорской поддержки.*

Список литературы

1. Декарт Р. Человек. М.: Праксис, 2012. 190 с.
2. Мулен А.М. Тело с точки зрения медицины // История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгляда: XX век. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 464 с.
3. Коста-Ласку Ж. Репродукция и биоэтика // История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии. СПб.: Алетейя, 2015. 624 с.
4. Huxley J. Man's place and role in Nature // New bottles for new wine, essays by Julian Huxley. London: Chatto & Windus, 1957a. Pp. 41–60.
5. Fuller S. Humanity 2.0: what it means to be human past, present and future. Basingstoke (UK), Palgrave Macmillan, 2011. 280 p.

References

1. Dekart P. *Chelovek* [The Man]. M.: Praksis, 2012. 190 p.
2. Mullen A.M. *Istoriya tela: V 3 t. T. 3: Peremena vzglyada: XX vek* [History of the body: In 3 vol. T. 3: Change of view: XX century]. M., 2016. 464 p.
3. Kosta-Lasku Zh. *Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. V: Stanovlenie kul'turnoi iden-tichnosti v XX stoletii* [The History of Women in the

- West: 5 T. V: The Formation of Cultural Identity in the 20th Century]. SPb., 2015. 624 p.
4. Huxley J. Man's place and role in Nature // New bottles for new wine, es-says by Julian Huxley. London: Chatto & Windus, 1957a, pp. 41–60.
 5. Fuller S. Humanity 2.0: what it means to be human past, present and future. Basingstoke (UK), Palgrave Macmillan, 2011. 280 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Асташова Надежда Дмитриевна, ассистент кафедры философии
*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603000, Российская Федерация*
nadya.astashova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Astashova Nadezhda Dmitrievna, Assistant of the Chair of Philosophy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23, Prospect Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation
nadya.astashova@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-151-164

УДК 614.253.83

СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА В ЭТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИИ

Пыжова О.В.

Цель. Сквозь ретроспективную призму дискуссий, развернувшихся в начале XX столетия в среде врачей и правоведов относительно оценки врачебной деятельности, автор ставит целью проследить истоки формирования практики информированного согласия, выявить возможные причины актуальных для современной системы здравоохранения проблем правомерности действий врача при взаимодействии с пациентами, врачебной этико-правовой ответственности за последствия медицинских манипуляций, защиты интересов, как врачей, так и пациентов.

Метод и методология. Исследование основано на сравнительно-историческом методе с привлечением общенаучных методов анализа и синтеза.

Результаты. В ходе проведенного анализа различных точек зрения выдающихся врачей и правоведов начала XX века установлено, что первые попытки обоснования необходимости согласия пациента при оказании медицинской помощи предпринимались врачами исключительно в контексте врачебной этики. В юридическом же сообществе в связи с резким ростом судебных разбирательств по делам врачей возникла необходимость в правовой оценке медицинской деятельности, но отсутствие достаточного опыта не позволяло ее корректно квалифицировать. Автор полагает, что преодоление сложившихся препятствий к конструктивному обсуждению дилемм вокруг согласия пациента восходит к началу установления этико-правового диалога.

Область применения результатов. Полученные результаты могут найти применение в решении современных вопросов эти-

ко-правового регулирования практики информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство, а также в курсах биоэтики и правоведения.

Ключевые слова: согласие пациента; профессиональная деятельность; врачебная цель; ответственность; свобода; этика; право; медицина.

THE CONSENT OF THE PATIENT IN THE ETHICAL AND LEGAL DISCOURSE IN THE EARLY 20th CENTURY IN RUSSIA

Pyzhova O.V.

Purpose. *Through the retrospective prism of the discussions arisen in the early XX century among doctors and jurists concerning the estimation of medical activities of doctors the author sets as the purpose to track the sources of formation of the practice of the informed consent, to find out the possible reasons for the problems of the legitimacy of doctors' actions relevant to the modern health care system in the process of interaction with patients, ethical and legal responsibilities of doctors for the consequences of medical manipulations, protection of interests of both the doctors and the patients.*

Methodology. *The research is based on the comparative-historical method with involvement of such general scientific methods as the analysis and synthesis.*

Results. *As a result of the carried-out analysis of various viewpoints aired by the outstanding doctors and jurists of the early 20th century it was ascertained that the first attempts of justification of the necessity of the patient's consent in the process of health care delivery were made by doctors only in the contexts of medical ethics, at the same time in legal community in connection with the expansive growth of court proceedings for doctors there was a need for a legal estimation of medical activities, but the lack of sufficient experience didn't allow to qualify it correctly. The author supposes that the overcoming of the existing obstacles to the*

constructive discussion of dilemmas around the patient's consent goes back to the beginning of establishment of ethical and legal dialogue.

Practical implications/ *The received results can find application in the discussion of modern issues of ethical and legal regulation of obtaining the patient's informed voluntary consent for medical intervention and also in Bioethics and Jurisprudence courses.*

Keywords: *consent of the patient; professional activity; medical purpose; responsibility; freedom; ethics; law; medicine.*

История появления во врачебной практике добровольного информированного согласия при оказании медицинской помощи достаточно неоднозначна. Связана такая неопределенность с самим понятием «добровольного информированного согласия» в целом и каждым термином его составляющим в частности. Для того чтобы предпринимать конструктивную попытку ретроспективного анализа, представляется целесообразным определить, что именно будет выступать в исторической компаративистике объектом изучения. Понятие «согласие» представляет собой разрешение человека на вмешательство в сферу его личных интересов, «информированное» – означает, что этот человек получил исчерпывающую информацию о предстоящем вторжении, а понятие «добровольное» исключает факты принуждения, давления, угроз, навязывания своего мнения при принятии решения человеком.

Начиная с XIX века, врачебная этика рассматривала согласие пациента на медицинское вмешательство в контексте свободы личности, ее автономного права определять пределы медицинского вторжения. При этом исторически сложившееся патерналистское отношение врача к пациенту в России изначально нивелировало такое право, поэтому во врачебных сообществах вопрос относительно необходимости согласия больного при оказании медицинской помощи обсуждался исключительно как этический, по существу рекомендательный.

Однако уже в 1901 г. в свет вышли достаточно откровенные для врачебных кругов начала XX столетия «Записки врача» В.В. Вере-

саева, остро и бескомпромиссно обнажившие этические недостатки русского врачевания. В том же году широкий общественный резонанс вызвало так называемое дело д-ра Модлинского, в практике которого проведенная пациентке дополнительно операция закончилась летальным исходом. Суд признал д-ра Модлинского виновным в нарушении прав личной неприкосновенности больной [7, с. 5]. Два этих события послужили импульсом к оживленному обсуждению пределов медицинского вмешательства, необходимости наличия согласия пациента на него не только во врачебном сообществе, но и первые попытки правовой оценки медицинской деятельности юристами.

В первую очередь, судебное разбирательство по делу д-ра Модлинского потребовало квалифицировать действия хирурга с правовой точки зрения с целью определения ему наказания. В этой связи и возникли проблемы, которые на несколько десятилетий превратились в сложное поле этико-правовых дискуссий относительно правомерности врачебных деяний и оснований ненаказуемости деятельности врачей.

Так, известный русский гигиенист, доктор медицины Николай Густавович Фрейберг на страницах одного из периодических медицинских журналов писал, что случай с московским хирургом Модлинским можно объяснить лишь ложным понятием о какой-то особой врачебной этике [4, с. 306]. Признание за врачом права производить операцию без согласия больного равносильно дискреционному праву врача распоряжаться своим пациентом, что можно квалифицировать как насилие. Конечно, продолжает Н.Г. Фрейберг, в медицинской практике бывают ситуации, когда операция безотлагательна, но врачу при этом необходимо помнить, что нарушая в этом случае закон, он должен быть готовым ответить за свой поступок перед общественной совестью, перед судом. Подобные коллизии между чувством долга и законом неизбежны во всякой профессиональной деятельности, и врачебная профессия не исключение, но требовать на этом основании для врачей особой этики, которая позволяла бы не уважать прав личности – нельзя [4, с. 306–307].

В одном из положений своего доклада «Профессиональная ответственность врачей» Н.Г. Фрейберг указывал, что хирургическая операция без согласия больного или его родственников является насилием, которое может быть оправдано лишь при исключительных, редко встречаемых на практике обстоятельствах [5, с. 55].

Дело в том, что в дореволюционной России не существовало отдельного законодательства относительно врачебной деятельности, а деяния врачей квалифицировались общими правовыми нормами, которые применительно к специфике врачевания создавали большое количество противоречий, размытость и неопределенность, и требовали конкретизации и пояснений.

Однако у отечественных юристов начала XX столетия не было достаточного опыта для решения создавшегося прецедента. Вопрос об условиях правомерности врачебных деяний в отечественной юридической литературе был мало изучен, исследований этого вопроса на русском языке практически не имелось. На Западе этот же вопрос также возник сравнительно недавно, но примерно во второй половине XIX века уже появилась богатая литература на эту тему [1, с. 78].

Подтверждение сложившейся ситуации можно найти и в публикациях известного правоведа, доктора уголовного права и общественного деятеля начала XX века Валериана Николаевича Ширяева, утверждавшего, что согласие пациента не так давно было подвергнуто всестороннему обсуждению, например, в германской литературе, и вызвало появление большого количества брошюр и статей в различных периодических изданиях, как юридических, так и медицинских. Он подчеркивал, что именно дело д-ра Модлинского явилось началом бурного обсуждения в России значения для врача согласия пациента и границ врачебной деятельности, вращаясь в пределах которых врач не рискует вступить в противоречие с уголовным законом [7, с. 11].

Так, в юридических кругах в начале XX столетия попытки решения вопроса относительно оценки врачебной деятельности сводились к обозначению границ уголовной ответственности, что

требовало соответствующей квалификации деяний и определения тех оснований врачебной деятельности, которые бы позволяли не отождествлять выполнение врачом своей работы с противоправными действиями.

Следует отметить, что в контексте обсуждения подразумевалось врачевание *lege artis*, т.е. осуществляемое в соответствии со всеми требованиями медицинской науки и практики того времени. В полемике об уголовной ответственности врачей за совершенные медицинские вмешательства преимущественно речь шла о хирургических операциях, в частности, закончившихся неудачно. Однако юридическая практика, в отличие от врачебной этики, распространяла квалификацию вмешательства на все виды оказываемой медицинской помощи. Так, В.Н. Ширяев утверждал, что при терапевтическом лечении врачи назначают лекарства и меняют, как правило, не согласовывая это с пациентом, но терапевтическое вмешательство, в сущности, практически не отличается от хирургического, а различие между ними скорее количественное, в степени интенсивности воздействия, а никак не качественное [6, с. 69]. Недопустимо врачу в своей ежедневной работе учитывать мнение больного только при проведении операций, согласие пациента должно иметь одинаковое значение при том и другом способе лечения [3, с. 7].

Таким образом, во время судебных разбирательств отсутствие согласия больного начали квалифицировать не только как нанесение телесных повреждений разной степени тяжести, наносимых во время операций, но и как посягательство на личную свободу больного при всех остальных видах медицинских вмешательств. В этой связи самыми распространенными основаниями правомерности действий в медицине называли профессиональное право врача, врачебную цель и согласие пациента. Кроме того, для состоятельности своих суждений юристы в силу отсутствия необходимого опыта в подобных делах приравнивали согласие больного к согласию потерпевшего.

В статье «Врачебная деятельность и уголовное право» в 1902 году В.Н. Ширяев квалифицировал применение врачебных мер без

полномочия пациента нарушением его свободы, которую он определял, как возможность распоряжаться и действовать по своему усмотрению. Такое посягательство на свободу имеет самые разнообразные формы и степени, но, подчеркивал правовед, врачебные меры, принимаемые без согласия пациента, есть не что иное, как принуждение что-либо сделать или не делать. Согласно же существовавшему законодательству такие деяния относились к насилию, и назначалось наказание, предусмотренное соответствующей статьей [6, с. 67–68]. При этом, продолжает он, согласие больного нивелирует посягательство на его свободу в действиях врача, однако это совершенно не значит, что такое согласие необходимо для каждой отдельной манипуляции. Несмотря на то, что врачебная этика требует от врача предупреждать пациента о предпринимаемых приемах лечения, очень часто выполнение этого требования невозможно, а иногда и нецелесообразно [6, с. 68].

В том же году свои воззрения на страницах юридического журнала изложил и некий М. Кр-ский. Он обозначил в качестве условий правомерности врачебной деятельности два принципа: цель врачевания и согласие пациента. Каждый врач, рассуждал автор, действует во благо своих пациентов, а значит во имя общества в целом, поэтому эти врачебные деяния оправданы их целью. Однако не любое вторжение в сферу чужих интересов, даже с самой благой целью, может быть оправдано с точки зрения права [1, с. 81]. Примечательным является и тот факт, что в качестве обоснования правомерности работы врачей М. Кр-ский приводил презумпцию согласия, т.е. предполагаемое согласие. Он рассматривал ситуации, когда получение согласия по разным причинам невозможно или затруднительно, например, недееспособные пациенты, несовершеннолетние, душевнобольные, находящиеся в бессознательном состоянии и другие. В таких ситуациях, подчеркивал правовед, презумпция согласия заинтересованной личности вполне логична, возможна и допустима [1, с. 84].

Сформулированные М. Кр-ским правовые основания врачебной деятельности подверглись критике в юридических кругах начала

XX столетия и стали поводом для настоящей полемики правоведов. Одним из первых дал свою оценку его статье В.Н. Ширяев, который в 1904 году в монографию «Уголовная ответственность врачей» включил развернутый анализ несостоятельности суждений М. Кр-ского. Так, Ширяев акцентирует внимание на условиях обоснованности и правомерности врачебной деятельности, в качестве которых видятся цель деятельности и согласие больного. Цель деятельности, указывал Ширяев, не может превратить неправомерное деяние в правомерное; к тому же в построении М. Кр-ского указание на цель представляется совершенно излишним, так как наличие одного лишь согласия устраняет неправомерный характер деяния.

Установив два принципа (цель деятельности и согласие пациента), продолжает Ширяев, М. Кр-ский в своем последующем изложении делает ряд отступлений, указывая на случаи, когда требование согласия пациента усиливается (пластическая хирургия, трансфузия, трансплантация), ослабляется (случаи врачебных деяний над недееспособными) и совершенно игнорируется (перфорация, изоляция заразных). Таким образом, безусловное согласие требуется только в крайне ограниченном числе случаев, относительно которых собственно не возникает никаких сомнений. В остальных же ситуациях М. Кр-ский рекомендует руководствоваться презумпцией согласия, а в отдельных моментах и вовсе игнорировать волю больного, считая проявление этой воли ненормальным. Из такой позиции следует, что презумпция согласия оправданно действует в отношении недееспособного лица, а пациент, способный к волеизъявлению, в случае отказа от медицинского вмешательства все равно будет ему подвергнут, поскольку общество или государство наделяет врача полномочиями устранять возможный вред даже против воли больного. Таким образом, резюмировал Ширяев, Кр-ский у недееспособного лица путем презумпции согласия предполагает разумную волю, но зато у лиц, вполне дееспособных, путем все той же презумпции отрицает эту разумную волю. Заключение свои рассуждения Ширяев утверждением, что только цель, преследуемая врачом, устраняет преступный характер его действий, а согласие же

пациента имеет значение лишь границы дозволенного врачебного вмешательства [7, с. 29–30].

Очевидно, что для конструктивного решения сложившихся противоречий необходимо было учитывать и профессионально-этическую точку зрения врачей, и уголовно-правовую позицию юристов, не имевшие до определенного времени тесной корреляции. Началу совместного обсуждения возникших вопросов и путей их решения способствовали, в том числе, представленные практически одновременно в 1904 году в Санкт-Петербурге доклад доктора медицины Юлия Германовича Малиса «Врачебное вмешательство и ответственность врача перед уголовным законом» и доклад прокурора Санкт-Петербургского окружного суда Сергея Николаевича Трегубова «Уголовная ответственность врача за врачевание без согласия больного».

В своем выступлении в отделе вопросов врачебного быта на IX Пироговском съезде Ю.Г. Малис акцентировал внимание медицинской общественности на том, что, несмотря на принудительно-обязательный характер выполнения врачом его профессиональных обязанностей, согласно существовавшему законодательству, хирургическая операция не может быть квалифицирована как телесное повреждение в уголовном смысле, за исключением случаев, когда операция проводилась без показаний для этого. При этом, настаивал Ю.Г. Малис, согласие больного на операцию, а тем более согласие третьих лиц, является лишь моментом этическим, как момент юридический, в смысле регулятора правовых норм хирургического вмешательства, согласие больного или его представителей не имеет никакого значения. В свою очередь, отсутствие согласия пациента не лишает хирургическую операцию ее правомерного характера и не превращает ее в телесное повреждение, а, следовательно, в уголовно-наказуемое деяние. С другой стороны, наличие согласия больного не делает ненужную (нелечебную) операцию правомерным деянием и не снимает с нее уголовной наказуемости как с телесного повреждения. Признание же обязательности согласия, резюмировал докладчик, равносильно созданию врачебного принципа *laissermourir* (пусть он умрет – *прим авт.*) [2, с. 54–55].

В свою очередь, в своем докладе перед Юридическим обществом С.Н. Трегубов одним из первых в обсуждаемой дискуссии провел параллели между правом и этикой, метко подметив, что к чести русских врачей возникающие время от времени в их среде сомнения относительно необходимости получения согласия пациента сводились лишь к вопросу об уголовной ответственности за его отсутствие. При этом всем врачебным сообществом признается бесспорным требование врачебной этики осуществлять вмешательство, где это возможно, на основании воли пациента. Такое этическое положение профессиональной деятельности, отмечал Трегубов, вполне согласовывалось с существовавшим в судебной науке и практике воззрением на значение согласия больного [3, с. 13]. Такое этическое положение неоспоримо, продолжал доклад правовед, оно имеет серьезное нравственное и практическое значение, но нельзя игнорировать и другую сторону этого вопроса – уголовную ответственность врача за профессиональные действия, не всегда можно и должно врачу действовать согласно с волею больного [3, с. 43–44].

При этом крайне важным представляется уточнение и пояснение понятия согласие пациента, поскольку в юридической практике, как указывалось выше, оно отсутствовало, поэтому, как правило, правоведы обращались к понятию согласие потерпевшего. Ссылаясь на работы выдающегося русского юриста Николая Степановича Таганцева, С.Н. Трегубов справедливо подчеркивал, что отождествление согласия больного с согласием потерпевшего не может быть в полной мере применимо к врачеванию. Согласие, как понятие уголовного права, должно соответствовать целому ряду требований: быть осознанным, а значит, такое согласие может дать только дееспособное лицо; быть свободным; лицо, дающее согласие действительно должно иметь право распоряжаться неким собственным благом или имуществом; даваться перед или во время совершения действия; относиться к определенному времени и действию, а, взятое обратно, утрачивать свое значение. В соответствии с такими требованиями с учетом специфики оказания медицинской помощи согласие больного не только при хирургических операциях, но и во время терапев-

тического лечения сопровождается значительными нарушениями, и, как следствие, действия врачей могут быть квалифицированы как противоправные и наказуемые. В такой постановке вопроса гораздо разумнее было бы соблюсти баланс между врачебной целью действий врача и наличием согласия пациента [3, с. 15].

Отсутствие противоправности в работе врачей обосновывалось также в юридической практике правом профессиональной деятельности, позволяющим врачам предпринимать все необходимые для лечения действия в соответствии с медицинской наукой. Однако, подчеркивал С.Н. Трегубов, в серьезных медицинских случаях доминирующее значение должно приобретать право выбора больного, а осуществление профессиональных обязанностей отходить на второстепенный план, поэтому и это условие ненаказуемости врачебной деятельности не может быть абсолютным [3, с. 16–17].

В контексте таких сложных обсуждений, заключил юрист, происходит пересечение двух областей: этические положения могут совпадать с нормами права, и это будет одним из лучших доказательств высокого нравственного уровня правовых норм, но этические требования сами по себе не равнозначны им; нарушение этики и преступное деяние – не одно и то же. Для того чтобы первое вмещало в себя и второе, необходимо доказать, что уголовный закон запрещает нарушение известного этического правила под страхом наказания [3, с. 18]. Возможно предположить, что подобные размышления предвосхитили переход этической теории согласия в этико-правовую норму испрошенного согласия при оказании медицинской помощи, ставшую таковой практически спустя столетие.

Таким образом, в призме этико-правовых дискуссий дореволюционного периода в отсутствие специального законодательства ни одно из обозначенных условий – согласие больного, цель врачевания, осуществление профессиональных обязанностей – не могли служить достаточным основанием, освобождающим врача от уголовной ответственности. При этом заинтересованные в разрешении сложившейся проблемы необходимости согласия пациента и

врачебное, и юридическое сообщества признавали острую потребность в юридической ясности и законодательном нормировании этой стороны взаимоотношений между врачом и пациентом. Но первые шаги к правовому регулированию согласия пациента на медицинское вмешательство и появлению первых законодательных актов в этой сфере были сделаны уже в советском государстве, что представляет собой отдельный исследовательский интерес.

Список литературы

1. Кр-ский М. Условия правомерности врачебных деяний // Вестник права. СПб, 1902. № 7 (Сентябрь). С. 78–98.
2. Малис Ю.Г. Положения доклада «Врачебное вмешательство и ответственность врача перед уголовным законом» (Положения некоторых докладов, сделанных в отделе вопросов врачебного быта на IX Пироговском съезде) // Вестник С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи. 1904. Вып. IX и X. С. 52–57.
3. Трегубов С.Н. Уголовная ответственность врача за врачевание без согласия больного: Докл., прочит. в заседании Уголов. отд-ния Юрид. о-ва при С.-Петерб. ун-те и напеч. в Журн. М-ва юст. (март 1904 г.). СПб.: Сенат. Типография, 1904. 54 с.
4. Фрейберг Н.Г. Рецензия. Aerztliche Ethik. Die Pflichten des Arztes in allen Beziehungen Seiner Thätigkeit von Albert Moll. Stuttgart, 1902. Врачебная этика. Обязанности врача во всех видах его деятельности. Соч. А. Молля // Вестник С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи. 1902. Вып. IV. С. 304–313.
5. Фрейберг Н.Г. Положения доклада «Профессиональная ответственность врачей» (Положения некоторых докладов, сделанных в отделе вопросов врачебного быта на IX Пироговском съезде) // Вестник С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи. 1904. Вып. IX и X. С. 52–57.
6. Ширияев В.Н. Врачебная деятельность и уголовное право // Журнал Министерства Юстиции. СПб, 1902. № 5 (Май). С. 46–71.
7. Ширияев В.Н. Уголовная ответственность врачей. СПб.: Н.К. Мартынов, 1903. 48 с.

References

1. Kr-skij M. Usloviya pravomernosti vrachebnyh deyanij [Conditions of legitimacy of medical acts]. *Vestnik prava* [Bulletin of the law]. SPb, 1902. No. 7 (September), pp. 78–98.
2. Malis YU.G. Polozheniya doklada «Vrachebnoe vmeshatel'stvo i otvetstvennost' vracha pered ugolovnym zakonom» (Polozheniya nekotoryh dokladov, sdelannyh v otdel voprosov vrachebnogo byta na IX Pirogovskom s"ezde) [Provisions of the report “Medical intervention and responsibility of the doctor to the criminal law” (Provisions of some reports given in department of questions of medical life at the IX Pirogovsky congress)]. *Vestnik S.-Peterburgskogo vrachebnogo obshchestva vzaimnoj pomoshchi* [Bulletin of the St. Petersburg Medical Society of Mutual Assistance]. 1904. Issue IX and X, pp. 52–57.
3. Tregubov S.N. *Ugolovnaya otvetstvennost' vracha za vrachevanie bez soglasiya bol'nogo: Dokl., pročit. v zasedanii Ugolov. otd-niya Yurid. o-va pri S.-Peterb. un-te i napech. v Zhurn. M-va yust. (mart 1904 g.)* [The criminal liability of a doctor for doctoring without the patient's consent: A report read at a meeting of the criminal branch of the legal society at St.Petersburg University and printed in the Journal of the Ministry of Justice (March 1904)]. SPb.: Senate. Printing house, 1904. 54 p.
4. Frejberg N.G. Recenziya. Aertzliche Ethik. Die Pflichten des Arztes in allen Beziehungen Seiner Thätigkeit von Albert Moll. Stuttgart, 1902. Vrachebnaya ehtika. Obyazannosti vracha vo vsekh vidah ego deyatelnosti. Soch. A. Mollya [Review. Medical ethics. The Duties of the Doctor in All Relations of His Activity by Albert Moll. Stuttgart, 1902. Medical ethics. Duties of the doctor in all types of his activity. A. Mal-le's composition]. *Vestnik S.-Peterburgskogo vrachebnogo obshchestva vzaimnoj pomoshchi* [Bulletin of the St. Petersburg Medical Society of Mutual Assistance]. 1902. Issue IV, pp. 304–313.
5. Frejberg N.G. Polozheniya doklada «Professional'naya otvetstvennost' vrachej» (Polozheniya nekotoryh dokladov, sdelannyh v otdel voprosov vrachebnogo byta na IX Pirogovskom s"ezde) [The provisions of the report “Professional Responsibility of Doctors” (Provisions of some reports made in the department of questions of medical life at the IX Pi-

- rogov Congress)]. *Vestnik S.-Peterburgskogo vrachebnogo obshchestva vzaimnoj pomoshchi* [Bulletin of the St. Petersburg Medical Society of Mutual Assistance]. 1904. Issue IX and X, pp. 52–57.
6. Shiryaev V.N. *Vrachebnaya deyatel'nost' i ugovnoe pravo* [Medical practice and criminal law]. *Zhurnal Ministerstva Yusticii* [Journal of the Ministry of Justice]. SPb, 1902. No. 5 (Mai), pp. 46–71.
 7. Shiryaev V.N. *Ugovnaya otvetstvennost' vrachej* [Criminal liability of doctors]. SPb.: N.K. Martynov, 1903. 48 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пыжова Олеся Владимировна, доцент кафедры философии, кандидат философских наук
Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Российская Федерация
olvp@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pyzhova Olesya Vladimirovna, Associate Professor, Department of Philosophy, PhD in Philosophy
Kursk State Medical University
3, Karl Marks Str., Kursk, Kursk Region, 305041, Russian Federation
olvp@bk.ru
SPIN-code: 3291-2440
ORCID: 0000-0002-3770-5835
ResearcherID: L-9538-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-165-177

УДК 103.2

ПУТИ ЛОГОСА И ЭЙДОСА: АНТИЧНЫЙ РАЗУМ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Соболев Ю.В.

Статья посвящена реконструкции и концептуальному анализу античной гносеологической эвристики. Лейтмотивом экспликации проблемы становится осмысление рационального знания в древнегреческой культуре посредством ревизии таких фундаментальных понятий как логос, эйдос и мифос. Обращение к ключевому понятию «логос» предлагается в метафилософском, онтологическом, гносеологическом и религиозном аспектах. В результате, логос анализируется как разумное начало, имеющее в своём основании нередуцируемые элементы мифоса. Сама генеология логоса в своём развитии представлена в краткой историко-культурной дискрипции от античной эпохи до Нового времени. Методология статьи представлена текстологическим, концептуальным и феноменологическим и компаративистским анализом. В ходе работы было установлено, что: 1) мифологическая интуиция связывает логос с Гермесом, которая интерпретируется как функциональное отождествление логоса с истиной; философская же интерпретация отождествляет логос либо с внутренним законом сущего – логос есть истина (линия Гераклита), либо противопоставляется явлению (линия Парменида); 2) ранняя античная философия не знает жёсткой дихотомии логоса и эйдоса. Результаты исследования могут быть использованы при философском и культурологическом анализе различных аспектов логоса и мифоса. Практическая ценность исследования заключается в возможности включения результатов исследования в лекционные и семинарские занятия по философии, религиоведению, культурологии.

Ключевые слова: логос; эйдос; мифос; рациональность; истина; античность; герметизм.

THE WAYS OF LOGOS AND EIDOS: ANTIQUITY MIND IN SEARCH OF THE TRUTH

Sobolev Y.V.

The article is devoted to the reconstruction and the conceptual analysis of antique gnoseological heuristics. The comprehension of rational knowledge in ancient Greek culture by means of audit of such fundamental concepts as logos, eidos (myth) becomes a keynote of the explanation of a problem. The appeal to the key concept "logos" is offered in metaphilosophical, ontologic, gnoseological and religious aspects. As a result logos is analyzed as the reasonable and fundamental quality having not reduced elements of a myth in the basis. The genealogics of logos in the progress is presented in short historical and cultural description from the antique era to modern times. The methodology of the article is presented by a textual, conceptual, phenomenological and comparative analysis. During the work it was worked out that: 1) the mythological intuition connects logos with Hermes so that it is interpreted as functional identification of logos with the truth; philosophical interpretation identifies logos either with the internal law of existence – logos is the truth (Heraclitus's line), or it stands in contrast to the phenomenon (Parmenides' line); 2) the early ancient philosophy doesn't know the strict dichotomy of logos and eidos. The results of the research can be used in the philosophical and culturological analysis of various aspects of logos and a myth. The practical value of the given research consists of a possible inclusion of results of the research in lecture and seminar classes in philosophy, religious studies and cultural science.

Keywords: logos; eidos; mythos; rationality; truth; Antiquity; Hermeticism.

Введение

В сегодняшнем лексиконе имеется несколько понятий, сообщаемым нам, на первый взгляд, одно и то же: *разумность–логичность–рациональность–рационализм*. «Говоря, что «логическое»,

«рациональное», «разумное» суть одно и то же, мы не только употребляем три по-разному звучащих слова в качестве обозначений одного и того же значения: в «логосе», «ratio», «разуме» одновременно бытийствует судьба, вся история западноевропейской метафизики. Считать что-либо чем-либо и выдавать его за таковое – значит высказывать суждение» [13, с. 332]. Но поставим вопрос так: рациональна ли математика? Вынуждены будем признать, что не всякая математика рациональна. Древние вавилоняне и египтяне знали математику задолго до античного мира, но можно ли древневосточные модели математического знания считать рациональными? Разумными – безусловно, но рациональными нет. Причина проста: лишённость тех математических моделей системности и доказательных связей между отдельными положениями, которые, сами по себе, были весьма интересны.

Первая дедуктивная модель математики оформляется лишь в Древней Греции, поэтому не случайны ссылки математиков наших дней на авторитеты Архимеда, Фалеса, Пифагора, Аристотеля. «Все сходящиеся к Ньютону линии развития математики, механики и астрономии получили свое начало в Греции», – замечает современный математик Б. Варден [3, с. 10]. Продолжая рассуждения о математических культурах древнего мира, Варден, отдавая первенство в геометрии – Египту, а в алгебре – Вавилону, говорит о том, что именно Фалес и Пифагор придали восточной математике «совершенно другой, специфически греческий характер» [3, с. 12]. И то, что голландский математик называет «специфически греческим характером», А. Лосев «греческим логосом», Э. Ренан «греческим чудом» – суть определение исходной интуиции, лежащей в основании античной культуры, синтезирующей в русле *разумности* все грани жизни древнего эллина: научно-эвристические, мифолого-религиозные, художественно-эстетические, общественно-политические.

Сейчас же обратим внимание на этимологическую вторичность понятия «рациональность», так как латинское – *ratio* – есть ничто иное, как вольная калька с греческого *logos*, ведённая в оборот Цицероном. Это обстоятельство делает осмысление *логоса* неизбеж-

ным и важным для понимания исходных путей *рациональности*, переплетённых с последующими многочисленными историко-культурными вкраплениями. Продолжая этимологическое отступление, стоит указать на обстоятельство того, что и логос как понятийная единица не сводима к единому смысловому «якорю»; в авторитетном словаре древнегреческого языка И. Дворецкого слово *λόγος* имеет 34 гнезда значения [5, с. 1034].

Состояние проблемы

Но что же такое *логос* в космическом мироустройстве древнегреческого бытия? Как пишет русский философ С.Н. Трубецкой в своём фундаментальном трактате посвящённом логосу («Учение о логосе в его истории», 1906), термин встречается уже у Гомера, однако в противоположность «мифосу», «логос» в гомеровском эпосе употребляется в уничижительном значении, как то: сомнительное, лукавое, чему не следует доверять. Впрочем, продолжает Трубецкой, «мало-помалу такое отношение радикально изменяется: «логос» берет верх над «мифом» или «эпосом». Миф из «сказа» превращается в «сказание» или «сказку» и противопоставляется истинному слову – логосу» [6, с. 20]. Здесь уместно прояснить особенность античного мифа и античной мифологии. Кратко это можно сделать таким ответом: античная мифология *религиозна*. Сама же религиозная культура античного мира не имеет каноники, поэтому говорить о *собственно* религиозной природе древнегреческого культа практически невозможно. Знаток древности М. Нильсон замечает: «У греков были, конечно, определенные религиозные представления, но они никогда не были оформлены в систему. То, что греки называли теологией, было либо метафизикой, либо учением о различных богах и их деяниях» [10, с. 7].

Впрочем, в некоторых штрихах можно ухватить и зафиксировать общие и важные моменты. Первое: языческие культы переплетались с эзотерико-мистическими доктринами орфического толка; второе: религия имела социальный (гражданский) статус, то есть исповедание религии было обязательным делом каждого. Однако

религиозные представления эллинов эпохи Гомера были далеки от отождествления бога и истины, что столь естественно для, скажем, аврамической религиозной культуры. Как сообщает исследователь древнегреческой культуры Ф. Зелинский: «Бог у него (Гомера, – *курсив мой. Ю.С.*), во-первых, даже и не всегда знает истину: его знание вначале так же ограничено, как и его могущество, и только «Одиссея» провозглашает принцип «боги все знают» наравне с принципом «боги все могут». И подавно он не чувствует необходимости всегда вещать истину» [6, с. 144]. В этом контексте никак нельзя объявить случайностью и связь Гермеса и Логоса в панораме мифологического воззрения древнего грека. Логос посвящается Гермесу, Логос назван сыном Гермеса – посланника, вестника богов, Hermes-Logo – изобретатель меры, числа, азбуки, риторики и, в то же время, непревзойденный хитрец, лжец и вор (не даром Гермес считался покровителем торговли). «Но внутренней силой каждой науки, приспособляющей ее вывести из данных предпосылок должное заключение, был Логос – а он был посвящен Гермесу, который поэтому и назывался Гермесом-Логием. Был посвящен... этим слишком мало сказано. Нет, если подлинно «в истине бог», то Логос был самим богом, был божественным сыном Гермеса, каким его и признает «герметизм» [6, с. 154]. Собственно уже здесь, в колыбели Европы, в образе Гермеса, человек интуитивно (в то же время непротиворечиво и гармонично) выразил диалектическую диспозицию (логос-истина – логос-ложь), ставшую позже – в романтический период новоевропейской истории – утвердительной (логос-ложь), финализацию которой пафосно-поэтически запечатлел Ф. Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь» («*Silentium!*», 1830).

Культ Гермеса-Логоса имеет свою интересную историко-культурную метаморфозу – герметизм, который сыграл немаловажную роль в формировании образа европейской культуры. Более того, таинственный образ Гермеса, начав будоражить умы просвещённых граждан в античности, и будучи реанимированным в эпоху Возрождения, под личиной «нового тайного учения» («new age») актуален для эзотерически настроенной интеллигенции и сегодня

в третьем тысячелетии. У известного религиоведа Й. Кулиану мы обнаруживаем справедливое пояснение: «Платоновский постулат не является непосредственной основой теории магии, принципы которой оставались более или менее идентичны начиная от поздней Античности до Возрождения. А вот теория пневматики стоиков представляет собой отправную точку всех умозрительных построений относительно практической магии» [7, с. 240].

Стремление пройти неким «серединным» путём между ригористикой разума и мистицизмом веры оказалось делом крайне привлекательным. По мнению автора приведённого выше, герметизм теснейшим образом сопряжён с историей таких учений как платонизм, христианство, иудаизм, экзистенциализм [15, с. 15]. Вот лишь несколько примеров из истории герметизма: утверждение культа Гермеса-Тота (Трисмегиста) (Др.Египет-Др.Греция II в. до н.э.), герметические изыскания неоплатоников (Ямвлих (240–325), Проклус (412–485)), поиск предпосылок Евангелия в мифологических учениях античности отцами Церкви (Августин Блаженный (354–430) в «О граде Божьем» делает Гермеса потомком Моисея; Климент Александрийский проводит аналогии Гермеса-Логоса и Христа-Логоса; видные деятели Ренессанса М. Фичино (1433–1499), Д. Бруно, Д. Пико дела Мирандола развивают идеи герметического корпуса в своих трудах; известное влияние оказал герметизм на учёных мужей Просвещения – Ф. Бэкона и И. Ньютона.

Популярность и живучесть этой доктрины можно рассматривать как своеобразную интенцию человека удержаться на двух полюсах, синкретизировать *рациональное и мистическое* («имманентный пессимизм, соединенный с возвышенным спиритуализмом, т. е. дуалистическое мировосприятие», – согласно характеристике герметизма норвежского исследователя Э. Виллера) [4, с. 126]. Причина проста и даже банальна: найти рациональное объяснение предмету мистического знания; а рациональному знанию, осознав свою пороговую недостаточность, устремиться за собственные пределы для обретения гносеологического универсума. Иначе говоря, лейтмотив «Гермес-Логос», возникший две с половиной тысячи лет назад, и

пронизав многие эпохи, цивилизации и культуры, остался прежним; выразим его следующим образом: да, исток логоса – божественная Истина, и логос принадлежит ей, однако логос это всего лишь «вестник», который может заплутать, слукавить и исказить, а так как нет иного посредника между Истиной и человеком, то последнему остается, *проверяя – доверять* логосу (как тут не вспомнить сентенцию Ф. Ницше: «Истина требует, подобно всем женщинам, чтобы ее любовник стал ради нее лгуном»).

Точка зрения

Смысловый итог наших первичных размышлений о культе Гермеса-Логоса может быть выражен следующим суждением: помимо двух векторов – веры и разума (огрубляя, отождествим сейчас первое с религией, второе с наукой), существует и третий, альтернативный вектор – *герметизм* (шире – *окультизм*). Исключая всевозможные спекуляции и вариации этого феномена, можно заключить, что исходной его точкой было бескорыстное намерение человека преодолеть не-логичность веры и предельность разума во фьюжне нового учения, о котором пишет философ-историк Э. Брейе: «Это не какая-то теория, а непосредственный, внезапный, неожиданный опыт в переживании божественного; часто непродолжительный, редкий, мгновенный опыт присутствия, которое не вписывается в рамки нормального, обыденного опыта и которое, конечно же, по этой самой причине сопровождается глубоким потрясением сознания – ощущением единения, слиянием с реальностью, стирающим всякое самосознание» [2, с. 296].

Но, несмотря на внешнюю заманчивость доктрины, история в лице науки и религии ей вынесла справедливый вердикт – «вне закона», и даже не за одновременную «измену», а за то, что в своей целокупности, герметизм не выдерживает достаточного уровня критики, распадаясь на изначальные сегменты мистики и рациональности. Впрочем, исключение окультизма из сферы «официального общения» с наукой и религией вовсе не означает тотального разрыва с последними; напротив, проникновение герметизма

в ткань научной и религиозной природы весьма существенно. Писатель Г.К. Честертон однажды об этом сказал так: «Мы спарили оккультизм с порнографией, материалистическую чувственность мы помножили на безумие спиритизма» [14, с. 247].

Возвращаясь к магистральной линии нашей темы, нужно сказать, что сопряжение эйдоса (мифоса) и логоса не является случайным (показательно само именование «мифология», подчёркивающее диалектизм). Поясняя смысл заглавия этого раздела, сошлёмся на символическую концепцию мифа А. Лосева, утверждающую, что миф онтологически укоренен и в человеке, и в общественном сознании. Таким образом, миф согласно Лосеву это тот же эйдос (логически сконструированный): *эйдос* – онтологическая сущностная сила; *логос* – методологически-инструментальное оформление эйдоса. Иерархически это выстроено следующим образом: *логос эйдоса, логос логоса, логос меона, логос софии, логос энергии*. Отождествление и одновременно разведение эйдоса и логоса Лосевым объясняется достаточно ясно: «Эйдос и логос – царство нетекучего и самоотжественного смысла»; «Логос, или логическая конструкция, эйдоса дал нам диалектику»; «*Логос выражения эйдоса есть предмет эстетики, и логос выражения логоса есть предмет грамматики*» [8, с. 187; 183]. Как нет сомнений в том, что поэзия и проза – литература, различающиеся выразительными средствами, так и эйдос и логос, по мысли Лосева, следует мыслить подобным образом (кстати, философ и иллюстрирует свои рассуждения на примерах филологии). Тут вспомним видного французского философа П. Рикёра, который ссылаясь на Аристотеля, обнаруживает грани сродства, через которые Стагирит сродняет логос с мифосом, подразумевая под последним «особого рода вербальную композицию», «некую операцию /.../ – структуриацию» [11, с. 62]. И поэтому нет противоречия в словах того же С. Трубецкого: «... в период умственной зрелости миф отходит всецело в область предания, поэзии или вымысла. Миф, являвшийся некогда истинным, обращается в «ложную речь, подражающую истине» или уже в поэтическую фабулу, в басню

(напр., «мифы» Эзопа). /.../ Мифическое мирозерцание поэзии сменилось прозой трезвой мысли» [12, с. 21].

Таким образом, историко-философская картина выглядит следующим образом: *логос* «генетически» связан с Гераклитом – «Тёмным», таинственным аристократом-мыслителем досократовской Эллады. Впрочем, приписываемое Гераклиту учение о логосе (именно *учение!*) весьма сомнительно, так как фрагментарность наследия философа не даёт возможности однозначного суждения о «логосе» как о некоем «всеобъемлющем разуме», и вполне может быть, что Гераклит использовал этот термин сугубо технически, контекстуально обозначая им меру, слово или речь. Это подтверждает прозорительный гений XX века – М. Хайдеггер: «Но что такое «Логос»? Гераклит об этом не говорит – ни в одном из дошедших до нас речений» [13, с. 30]. Однако далее Хайдеггер даёт развёрнутое пояснение: «Тем не менее, нам надо хорошо запомнить, что *λόγος* — это не «слово», не «речь» и не «язык». Это явствует уже из того, что основное значение данного греческого слова ни в коей мере не может подразумевать ничего похожего на «речь» и «язык», да и вообще не содержит никакого намека на что-либо языковое и похожее на язык. Правда, с другой стороны, бесспорно и то, что *λόγος* и связанный с ним глагол *λέγειν* греки довольно рано начинают употреблять и в значении «говорить», «сказать». Это два бесспорных факта, которые надо принять. В их соседстве друг с другом скрывается нечто загадочное» [13, с. 294]. Определяя гераклитов Логос посредством триады: «Одно и Все», «сбор и со-средоточение», «именование бытия», – Хайдеггер уточняет ключевое: «Логос – нечто слышимое, нечто вроде речи и голоса, но, по видимому, не голос человека, озвучивающего, оглашающего свою речь» [13, с. 300]. Дополним эту мысль еще одним важным местом, в котором немецкий мыслитель обнаруживает «второе дно» привычного понятия, *соотнося логос с эйдосом* (по существу, мы вновь встречаемся с мыслью, которую ранее обнаружили у А. Лосева): «Таким образом, в каком-то смысле *εἶδος* и *λόγος* — одно и то же. Иными словами, *λόγος*, понятый как называние и высказывание, постигается в соотношении с *ἰδέα*;

λόγος, взятый как высказывание, есть то понимание «логоса», которое движется в кругу мышления, мыслящего сущее из идей, то есть метафизично, λόγος, мыслимый логикой, есть λόγος, который мыслится метафизично. Логика есть метафизика «логоса» [13, с. 312]. Метафизическую двойственность логоса подтверждает и академик С. Аверинцев: «В целом учение Гераклита о Л. (Логосе, – *курсив мой*. Ю.С.) представляет близкую историко-философскую аналогию учению Лао-цзы о «дао» [1, с. 115].

Иное толкование «логоса» предлагали представители элейской школы. Парменид и его ученики полагали, что явления нельзя отождествлять с абсолютно-существующим (Логосом). Абстрактную мысль (Логос как «слово о сущем») элеаты впервые противопоставили действительности (видимости, доксе). С. Трубецкой пишет: «Он (философ – *курсив мой*, Ю.С.) приходит к нему (логосу – *курсив мой*, Ю.С.) из рассмотрения внешней природы, не из анализа логических процессов. Таким образом, в древнейший период греческой философии термин *логос* имеет колеблющийся смысл. Он означает главным образом *рассуждение* как в объективном, так и в субъективном смысле. Природа вещей понимается в рассуждении, которое противопоставляется обманчивой видимости; отвлеченное рассуждение, отвлеченная мысль обнимает в себе истину, откуда впоследствии могло явиться заключение, что эта мысль совпадает с истинной или что истина есть *идея*. С другой стороны, рассуждение есть действие человеческого ума, выражающееся в *речи* или способностях человеческого духа, – рассудительность» [12, с. 24]. Схожую мысль мы встречаем в словах российского философа С. Неретиной, подчёркивающей, что «античная философия исследовала *сущности вещей* самих по себе, независимых друг от друга. Слово было одной из таких вещей, обладавших строго определенной функцией. Под ним к тому же понималось «слово, произнесенное вслух», потому особенно важно было выяснить ускользающие речевые связи, их логику (от греч. *logos* – слово, мысль). Эта особенность античной словесности определила во многом и открытый характер образования – через беседы-диалоги, происходившие то на лоне природы, то на пиру-симпозиуме» [9, с. 15].

Резюме

Таковы первые исторические определения логоса – *разумного начала*. Как мы видим, уже на заре греческой философии отсутствует однозначное понимание «логоса»:

- мифологическая интуиция связывает логос с Гермесом, что интерпретируется так: логос отождествляется с истиной, но отождествление это – функциональное, так как логос – посредник: разумный носитель, но и «лукавый раб» истины;
- в интерпретациях первых философов логос отождествляется либо с внутренним законом сущего – логос есть истина (линия Гераклита), либо противоплагается явлению (линия Парменида). Но и в том и другом случае, досократический логос – это озвученное бытие, «сущность *ratio*, разума», выражение разума, заполняющего всё пространство космоса – суть то, что сегодня мы именуем античным космо-логизмом – разумным скреплением, объединяющим средоточием физической и ментальной *органики* Древней Эллады;
- ранняя античная философия не знает жёсткой дихотомии логоса и эйдоса (мифоса); скорее – в ней присутствует интенция обнаружения топосов различия между ними. Подтверждение этой точки зрения мы находим в трудах М. Хайдеггера и А. Лосева.

Список литературы

1. Аверинцев С. София–Логос. Словарь. К.: Дух і літера, 2005. 902 с.
2. Брейе Э. Философия Плотина. СПб.: «Владимир Даль», 2012. 392 с.
3. Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. М.: Физматлит, 1959. 460 с.
4. Виллер Э. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2002. 668 с.
5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Том 1. М.: Издво иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.
6. Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Том 1-3. СПб.: Издательский проект «Квадривиум»; Алетейя, 2014. 864 с.
7. Кулиану Й. Эрос и магия в эпоху Возрождения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 592 с.

8. Лосев А.Ф. *Философия имени / Самое само: Сочинения*. М.: ЭКС-МО-Пресс, 1999. 1024 с.
9. Неретина С.С. *Верующий разум. Книга бытия и Салический закон*. Архангельск.: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. 320 с.
10. Нильсон М. *Греческая народная религия*. СПб.: «Алетейя», 1998. 326 с.
11. Рикёр П. *Герменевтика. Этика. Политика*. М.: АО «КАМИ», Изд. центр АКАДЕМИЯ, 1995. 160 с.
12. Трубецкой С.Н. *Учение о логосе в его истории*. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков «Фолио», 2000. 656 с.
13. Хайдеггер М. *Гераклит*. СПб.: «Владимир Даль», 2011. 512 с.
14. Честертон Г.К. *Рассказы. Эссе. Сказки*. М.: Истина и Жизнь, 2002. 368 с.
15. Kulianu I.P. *The tree of Gnosis: gnostic mythology from early Christianity to modern nihilism*. San Francisco.: Harper Collins publ. 1992. 296 p.

References

1. Averincev S. *Sofija–Logos. Slovar'* [Sofia-Logos. Dictionary]. K.: Duh i litera, 2005. 902 p.
2. Breje Je. *Filosofija Plotina* [Philosophy of Plotinus]. SPb.: «Vladimir Dal'», 2012. 392 p.
3. Varden B.L. *Probuzhdajushhajasja nauka. Matematika drevnego Egipta, Vavilona i Grecii* [The awakening science. Mathematics of ancient Egypt, Babylon and Greece]. M.: Fizmatlit, 1959. 460 p.
4. Viller Je. *Uchenie o Edinom v antichnosti i srednevekov'e* [The doctrine of the One in antiquity and the Middle Ages]. SPb.: Aletejja, 2002. 668 p.
5. Dvoreckij I.H. *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Volume 1. M.: Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. 1043 p.
6. Zelinskij F.F. *Istorija antichnyh religij* [History of ancient religions]. Volume 1-3. SPb.: Izdatel'skij proekt «Kvadrivium»; Aletejja, 2014. 864 p.
7. Kulianu J. *Jeros i magija v jepohu Vozrozhdenija* [Eros and magic in the Renaissance]. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2017. 592 p.

8. Losev A.F. *Filosofija imeni / Samoe samo: Sochinenija* [Philosophy of the name / The most self: Works]. M.: JeKSMO-Press, 1999. 1024 p.
9. Neretina S.S. *Verujushhij razum. Kniga bytija i Salicheskij zakon* [A believing mind. The book of being and Salic law]. Arhangel'sk.: Izd-vo Pomorskogo peduniversiteta, 1995. 320 p.
10. Nil'son M. *Grecheskaja narodnaja religija* [Greek folk religion]. SPb.: «Aletejja», 1998. 326 p.
11. Rikjor P. *Germenevtika. Jetika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Policy]. M.: AO «KAMI», Izd. centr AKADEMIJa, 1995. 160 p.
12. Trubeckoj S.N. *Uchenie o logose v ego istorii* [The doctrine of the Logos in its history]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; Har'kov «Folio», 2000. 656 p.
13. Hajdegger M. *Geraklit* [Heraclitus]. SPb.: «Vladimir Dal'», 2011. 512 p.
14. Chesterton G.K. *Rasskazy. Jesse. Skazki* [Stories. Essay. Fairy tales]. M.: Istina i Zhizn', 2002. 368 p.
15. Kulianu I.P. The tree of Gnosis: gnostic mythology from early Christianity to modern nihilism. San Francisco.: Harper Collins publ. 1992. 296 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соболев Юрий Викторович, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва
просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, 660025, Российская Федерация
ysob@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sobolev Yuri Victorovich, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31, Krasnoyarskiy Rabochiy, Krasnoyarsk, 660025, Russian Federation
ysob@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-178-190

УДК 28 (575.2)

ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

Абдылдаева Т.Ч.

Цель. *Статья посвящена актуальной в условиях суверенизации и этнорелигиозного Ренессанса в Кыргызской Республике теме этнорелигиозной трансформации общества. Объектом анализа выступают этнорелигиозные процессы, происходящие в постсоветском Кыргызстане. Автор ставит целью раскрыть основные тенденции становления поликонфессионального социума в этническом контексте.*

Метод или методология проведения работы. *В своем исследовании автор опирается на диалектические принципы, восхождения от абстрактного к конкретному, синтеза и анализа, историзма, взаимосвязи и взаимозависимости социальных явлений и процессов.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор раскрывает этнический состав в конфессиональном разрезе в современных условиях становления независимости Кыргызстана, выделяя три основные зоны по этноконфессиональному составу населения. Анализируются основные факты активизации религиозных организаций и рассматривается роль и место новых нетрадиционных религиозных течений в республике. В статье исследуются взаимоотношения государства и религиозных организаций. Выявляются современные тенденции развития ислама в Кыргызстане.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере совершенствования управления этнорелигиозными процессами в Кыргызской Республике.*

Ключевые слова: *религия; конфессия; ситуация; организация; ислам; православие; течения; политизация; радикализация.*

ETHNO-RELIGIOUS SITUATION IN MODERN KYRGYZSTAN

Abdyldaeva T.Ch.

Purpose. *The article is devoted to the topical theme of the ethno-religious transformation of society in the conditions of sovereignty and ethno-religious Renaissance in the Kyrgyz Republic. The object of the analysis are ethno-religious processes taking place in post-Soviet Kyrgyzstan. The author aims to reveal the main trends in the formation of multi-confessional society in the ethnic context.*

Methodology. *In his research, the author relies on dialectical principles, the ascent from abstract to concrete, synthesis and analysis, historicism, the relationship and interdependence of social phenomena and processes.*

Results. *The results of the work are that the author reveals the ethnic composition in the confessional context in the current conditions of the formation of independence of Kyrgyzstan, highlighting the three main zones on the ethno-confessional composition of the population. The author analyzes the main facts of religious organizations activation and considers the role and place of new religious movements in the Republic. The article examines the relationship between the state and religious organizations. Modern tendencies of development of Islam in Kyrgyzstan are revealed.*

Scope of application of the results. *The results of the study can be applied to improve the management of ethno-religious processes in the Kyrgyz Republic.*

Keywords: *religion; confession; situation; organization; Islam; Orthodoxy; currents; politicization; radicalization.*

С разрушением СССР осуществление прав кыргызстанцами на свободу вероисповедания способствовало ренессансу традиционных религий и активизации прозелитизма зарубежных религиозных структур из-за чего в Кыргызскую Республику проникли новые

религии. Произошла ощутимая трансформация этнорелигиозной ситуации страны [5, с. 541].

По официальным данным Государственной комиссии по делам религий при Президенте Кыргызской Республики (ГКДР КР) на 2015 год в стране более 80% граждан относят себя к мусульманам [1, с. 16]. Наиболее многочисленные и крупные из мусульманских этносов представлены кыргызами и узбеками, а численность остальных составляет 4%. Считать, что это реальная численность мусульман не приходится, потому что не все граждане кыргызской, узбекской, уйгурской национальности являются ими. Например, в настоящее время кыргызы неоднородны по своей религиозной принадлежности, среди кыргызского населения есть атеисты, христиане-протестанты, тенгрианцы, шаманисты и представители иных домусульманских культов.

Русская православная церковь (РПЦ) не досчиталась многих своих последователей из-за эмиграции. Так, в 1989 году в Кыргызской ССР проживало 916558 русских, 108027 украинцев, 9817 белорусов, а в 2016 году – 360580, 12691, и 944 человек, соответственно («Население Кыргызстана» 2017, с. 93). Кроме этого, имел место массовый переход славянского населения в протестантизм [6, с. 91].

Население Кыргызстана по этноконфессиональной принадлежности условно можно разделить на 3 зоны. К I зоне относятся южные области республики – Жалал-Абадская, Ошская и Баткенская области, где по данным 2009 года проживала почти половина всего населения Кыргызстана – 47,4%. Кыргызцы в этой зоне составляли 71,2%, а узбеки – 24,4%.

В южной зоне сконцентрирована преобладающая доля мусульманского населения страны, в основном наиболее исламизированные кыргызы, узбеки, таджики, уйгуры и иные этносы, а немусульманские этнические группы составляют – 0,5–1%. Исходя из данных на 2006 год, из 1643 мечетей, размещенных на территории Кыргызстана, 76,4% расположены в Ошской области, в том числе в г. Ош – 36,2% (585 мечетей), 26,8% (441 мечеть) – в Жалал-Абадской области, 13,3% (220 мечетей) – в Баткенской области.

Город Бишкек и Чуйская область входят в центральную зону, в которой по данным 1989 года кыргызы составляли 33%, в 1999 году – 52,2%, а в 2009 году – 66,2%. В 1989 году русские и украинцы составляли 54%, однако в последующие годы произошло их сокращение из-за выезда за пределы республики: в 1999 году до 33,2% и 2,7%, в 2009 году, соответственно, 23% и 1,7%. Однако, в данной зоне позиции РПЦ продолжают оставаться наиболее сильными, и набирают большое влияние современные религиозные движения и культуры.

III зону составляют северные области с преобладающим кыргызским населением: в 1989 году в Нарынской области кыргызов было 98%, Таласской области – 87%, Иссык-Кульской области – 77%, а в 2009 году – число кыргызов составляло 99,2%, 91,9% и 86,2% соответственно.

В этом регионе распространён народный бытовой ислам с ощутимым влиянием домусульманских верований и других локальных культов, кроме этого начинает увеличиваться количество кыргызов-прозелитов за счет их перехода в протестантские течения [9, с. 120].

Кыргызская Республика после распада Советского Союза и приобретения независимости стала развиваться по демократической светской модели в области осуществления гражданских прав и свобод, включая свободу вероисповедания. Новый режим создал все условия для проникновения разных религиозных направлений – с 5-6 конфессий в 1991 году до 33 – в 2014 году. Если в 1991 году в республике действовало двадцать пять храмов и приходов РПЦ и ряд молельных домов протестантского направления, то в 2014 году функционировали сорок девять православных церквей, женский монастырь и шестнадцать религиозных учебных учреждений. Дополнительно к этому стали действовать 54 церкви – пятидесятников, 41 – Свидетелей Иеговы, 50 – баптистских, 31 – адвентистов Седьмого дня, 36 – пресвитерианских, 21 – лютеранских, 43 – христиан-харизматов, одна синагога, 26 миссий зарубежных религиозных течений, четыре церкви католиков, один храм буддистов, 12 домов бахаистов [10].

Кроме этого, в Кыргызстане действуют Высшая школа Даосского учения, Международное Общество Сознания Кришны, Новоапостольская церковь, Община Русской православной старообрядческой церкви. Имеются и недоминированные христианские объединения и религиозные группы: Церковь объединения, Сайентологическая церковь, Фалуньгун-Дафа, Белое братство, Церковь Иисуса Христа, из которых первые три квалифицируются ГКДР КР как деструктивные сектантские движения [5, с. 543].

Период суверенизации Кыргызстана отмечен большой активностью религиозных организаций. Если в советский период в Кыргызстане действовало 39 мечетей и не было никаких религиозных учебных заведений, то к 2014 году функционировало 1922 зарегистрированных мечетей, 88 исламских (10 исламских вузов и 62 медресе) и 16 христианских образовательных учреждений. За постсоветские годы в Кыргызстане были организованы такие крупные и известные религиозные учебные структуры, как: Образовательный университет Церкви «Эммануил», Исламский университет имени Хазрети Умара, Международный теологический университет, теологический факультет Ошского государственного университета, библейский колледж, школа иудеев и др. [10, с. 137].

Образование и рост количества религиозных учреждений объясняется демократизацией и либеральным законодательством в сфере религии, что привело к существенным трансформациям в исламской религии, проявившимся в появлении последователей салафизма, ахмадийи, бахаи, такфиризма и др.

Подпольно на юге Кыргызстана функционируют последователи ряда экстремистских течений ислама таких как: «Акрамия», ваххабизм, «Хизб-ут-тахрир ал-ислами». Последние действуют не только в южных областях страны, но и в Иссык-Кульской области, проводя идею мирного прихода к власти с помощью массовых протестов своих последователей, имея при этом военную организацию, к примеру, рядовой сторонник знает лишь своего руководителя и свою пятерку в группе.

Что касается ваххабитов, то в Кыргызстане, где у ислама небогатые традиции и слабое влияние, иногда возникают ожесточённые дискуссии вокруг ваххабизма. Так, апофеоз борьбы с данным чуждым кыргызстанским мусульманам реакционным течением отмечался в 1997–1999 годы., в ней активно участвовали бывшие главы Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) – К. Абдрахманов, С. Камалов, главный имам Ошской мечети Р.Касымов и др. [3, с. 173–183].

В прошлом в Центрально-азиатском регионе были распространены суфийские тарикаты «Накшбандия», «Яссавийа» и «Кадарийа», которые не пустили свои корни в религиозную почву кыргызов по следующим причинам:

- большинство кочевого кыргызского населения исповедовало ортодоксальный суннизм, по отношению к которому суфизм представлял религиозное меньшинство;
- отрицательное отношение царской, а затем и советской власти к суфизму;
- лидеры суфийских тарикатов подверглись гонениям после андижанского восстания 1898 года и колониально-освободительного восстания кыргызов 1916 года.

По данным ГКДР КР и ДУМК, кроме фрагментарных сведений о функционировании суфийских сект, в республике нет какой-либо информации о деятельности представителей суфизма в Кыргызстане. Однако в Ошской и Баткенской областях зафиксированы встречи и беседы исследователей с потомками ишанов-суфиев.

В стране действует шиитская мечеть, прошедшая официальную регистрацию. Её посещают азербайджанцы-шииты и приезжие иранцы. Но на юге Кыргызстана возрождаются ранее существовавшие общины шиитов исмаилитского толка. Ныне их функционирование возобновляется благодаря активности фондов Ага-Хана IV [4, с. 3–68].

В суверенном Кыргызстане православные христиане объединены в созданную самостоятельную, включенную в структуру Среднеазиатского митрополичьего округа Бишкекскую и Кыргызстан-

скую епархию РПЦ, [5, с. 545], которая состоит из 49 приходов, 25 храмов, 6 благочиний и одного женского монастыря. В столице Кыргызстана функционирует храм Святого равноапостольного князя Владимира [7, с. 97].

С демократизацией в КР РПЦ получила дальнейшее развитие: созданы новые церкви, приходы, церковные школы при православных приходах. Православные деятели активно участвуют в процессе оздоровления духовно-нравственного состояния общества, вносят свою лепту во внедрение общечеловеческих ценностей. В целом, РПЦ способствует формированию кыргызской государственности, углублению единства, дружбы и согласия между этносами, населяющими Кыргызстан, а также толерантности и межконфессиональному диалогу.

С приобретением независимости в Кыргызстане стали возникать и развиваться нетрадиционные для Кыргызстанского населения религиозные движения и культы. Это: Церковь Иисуса Христа, Свидетели Иеговы, Объединенная Церковь христиан веры Евангельской, Церковь Спасения, Церковь «Эммануил», пресвитерианские и другие церкви (Церковь «Источник жизни», Церковь «Надежда», Церковь «Антиохия», Церковь «Тенгир», Церковь «Прославление») [8, с. 168].

В целом, возникновение и экспансия христианских течений характеризуется следующим:

- а) включением церквями мусульманских и этнокультурных кыргызских традиций в свои культы, что обуславливает их успех;
- б) ростом количества воскресных школ и детских богослужений;
- в) стремлением ряда церквей развиваться «вширь» и «вглубь», не только увеличивая количество своих прихожан, но и открывая новые церкви в новых местах;
- г) созданием толерантной атмосферы взаимодействия между прихожанами без трений на базе этнической принадлежности.

Активизация нетрадиционных религиозных движений и культов христианского направления в Кыргызстане приходится на конец 1990-х – начало 2000-х гг. прошлого века [8, с. 265]. В последующем

ситуация резко изменилась, их деятельность существенно сузилась, и воздействие на духовную жизнь граждан КР на сегодняшний день незначительно, процесс прозелитизма заметно приостановился.

Политическую и правовую основу этнорелигиозных процессов в Кыргызской Республике составила Конституция КР.

Конституция Кыргызской Республики, принятая в 1993 году, создала гарантии прав граждан на свободу совести и вероисповедания на основе норм международного права и общепризнанных принципов. До этого в 1991 году кыргызским парламентом был принят Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», принципиальными нормами которого явились упрощение процедуры создания религиозных структур, признание за ними прав собственности и прав юридического лица, распространение норм трудового законодательства, пенсионного обеспечения и социального страхования. Данный закон стал объектом критики по причине излишней либеральности и того, что он создал правовые основы для проникновения в страну большого количества новых, чуждых для республики религиозных организаций. Закон функционировал до 2008 года, когда под прессингом общественности, особенно представителей традиционных религий, была принята его новая редакция.

Исходя из нее, гарантируется право на свободу вероисповедания, право на атеистические убеждения (ст.4, ч.1) и запрещаются любые принуждения при определении своего отношения к религии. Государство обязано устанавливать отношения взаимного уважения и терпимости между гражданами, иностранцами и лицами без гражданства, исповедующими религию и не исповедующими ее (ст.4, ч.1-3,5). Законом определяются основы государственной политики в области свободы вероисповедания, исходя из конституционного положения «Кыргызская Республика – светское государство».

Исходя из законодательства, судебными органами рассматривается комплекс вопросов, касающихся ликвидации религиозных структур, запретов и приостановки их деятельности в Кыргызской Республике, признания террористическими или религиозно- экстре-

мистскими религиозными организациями. Кроме радикально-исламских течений под запрет попало функционирование Церкви Муна в 2012 году. Перечень запрещенных религиозных организаций согласовывается с рекомендациями межгосударственных региональных структур, таких как – ОДКБ и ШОС, в полномочия которых включен вопрос безопасности. Но с точки зрения экспертного сообщества, отсутствие четких и ясных критериев оценки тоталитарных и деструктивных сект требует корректировки, а также экспертной оценки.

Основной причиной динамичного проникновения и широкого распространения ряда зарубежных религиозных структур, на наш взгляд, является ликвидация Совета по делам религий при кыргызском правительстве в 1992 году. Системный кризис отодвинул на второй план проблемы в религиозной области, к тому же деятельность отслеживавших религиозную ситуацию в стране министерств – внутренних дел, национальной безопасности, юстиции – была разобщенной и недостаточной.

В постсоветских условиях, когда стало ясно, что традиционные религии – ислам и православие – не способны конкурировать с представителями нетрадиционных религиозных движений и культов вследствие их солидной финансовой базы, беспрецедентной практики работы со СМИ и массами, в 1996 году был создан государственный орган – Государственная комиссия по делам религий КР. Основная заслуга ГКДР КР – достижение межконфессиональной стабильности и безопасности, однако ее роль и функции вызывают систематические дискуссии, которые особенно обострились после принятия новой редакции Закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (2008 г.).

Ислам в Кыргызстане выходит на новый уровень – политический. Государство поддерживает и усиливает полномочия ГКДР КР в связи с процессом политизации ислама, и особенно, в связи с объективной необходимостью противодействия религиозному фанатизму и различным экстремистским религиозным течениям [5, с. 551].

Таким образом, ислам в современном Кыргызстане занимает особое место и является главным религиозным фактором общественной жизни и национальной безопасности. Поэтому необходимо обратить большое внимание на анализ тенденций развития ислама.

В Кыргызстане сформировался специфический кыргызский бытовой, народный ислам. Он, характеризуясь синкретизмом, представляет собой синтез:

- а) суннизма ханифитского мазхаба матуридитского вероубеждения;
- б) компоненты домусульманских типов религиозного сознания (анимизма, фетишизма, шаманизма, тотемизма, тенгрианства, культа предков, магии и др.);
- в) этнокультурных традиций и обычаев кыргызов;
- г) архетипов, архаичных синдромов, суеверий и других элементов.

К тенденциям развития современного ислама в Кыргызской Республике относятся: во-первых, быстрые темпы исламизации населения; во-вторых, предпринимаются меры по сохранению умеренного, толерантного «традиционного ислама»; в-третьих, возникла тенденция к радикализации исламских, нетрадиционных течений (Секта Муна, Саентология, Хизб-ут Тахрир, Исламское движение Узбекистана, Акромия, Джайшуль Махди, Аль-Каида), в-четвертых, политизация религии, что заключается в стремлении трансформировать ислам в реальный легитимный влиятельный фактор.

Кроме этого, в Кыргызстане заметны модернистские тенденции, явственно обозначившиеся в годы перестройки и первые годы суверенитета.

Противоречия между традиционным и инновационным пока носят неантагонистический характер. До настоящего времени они не касались идеологической сферы. Так, Духовное управление мусульман Кыргызстана борется с вредными традициями и обычаями, излишним расточительством (например, похороны усопшего только на 3-й день в течение которых родственники вынуждены содержать гостей) а не до заката солнца в 1-й день, как положено по канонам ислама. Но в настоящее время в Кыргызстане ислами-

зация трансформируется ислам стал развиваться и в радикальном, политическом контекстах.

Под влиянием революционных событий марта 2005 года и апреля 2010 года мусульманский джамаат существенно активизировался. Под руководством амбициозных, образованных молодых лидеров мусульмане консолидируются во влиятельную и реальную политическую силу. На этом фоне заметен ряд религиозных структур, таких как Конгресс мусульман Центральной Азии и Кыргызстана и т.д.

После разрушения Советского Союза в Кыргызстане происходят большие трансформации в области религии. Ислам, бурно развиваясь эволюционным путем, уверенно укореняется в массовом сознании населения, а мусульманские духовные лица эффективно приспособили свою деятельность к модернизационным процессам. «Народный» ислам медленно пытается обрести иной контекст, и сегодня еще не определено по какому пути он будет развиваться. Продолжающийся экономический кризис, массовая безработица, распространяющиеся коррупционные явления, низкий авторитет власти среди населения, социальная напряженность и огромное количество других проблем актуализируют заинтересованность в религии для достижения материального благополучия и справедливости, способствуя ее радикализации и политизации. Это позволяет сделать вывод, что ислам в Кыргызстане динамично трансформируется и приобретает иной контекст.

Необходимо, чтобы ренессанс и модернизация мусульманской религии проходили безболезненно, мирно для полиэтнической страны. Для того чтобы предупредить потенциальные религиозные конфликты, определяются векторы, контуры развития ислама в будущем. Адекватная модель функционирования ислама в современном Кыргызстане – это толерантный, умеренный, социально-ориентированный ислам на основе этнических особенностей.

Список литературы

1. Государство и религия: метод. пособие / Под ред. О.А. Молдалиева. Бишкек, 2016. С. 16–45.

2. Диний абал кандай? // Де факто. 2014. 28 февраля.
3. Дюшенбиев С.У. Исламские секты в Кыргызстане // Исламские ценности Центральной Азии: толерантность и гуманизм (историко-философские и культурные аспекты). Материалы международ. науч. конф. Ташкент, 2008.
4. Дюшенбиев С.У. Исмаилиты на пороге XXI века. Бишкек, 2007. С. 7–51.
5. Кыргызы / Отв. редактор А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров. М.: Наука, 2016. С. 6–623.
6. Население Кыргызстана в начале XXI века / Под ред. М. Денисенко. Бишкек, 2011. С. 7–18.
7. Сайт кыргызстанской епархии РПЦ. <https://pravoslavie.kg/>
8. Ситнянский Г.Ю. От протестантизма исламского к протестантизму евразийскому // Расы и народы. М., 2006. Вып. 32.
9. Табышалиева А.С. Взгляд на религиозную ситуацию в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 1997. №11.
10. Текущий архив Государственной комиссии по делам религий КР.

References

1. *Gosudarstvo i religiya* [State and religion] / ed. O.A. Moldaliev. Bishkek, 2016, pp. 16–45.
2. *De facto*. 2014. 28 February.
3. Dushenbiev S.U. Islamskie sekty v Kyrgyzstane [Islamic sects in Kyrgyzstan]. *Islamskie tsennosti Tsentral'noy Azii: tolerantnost' i gumanizm (istoriko-filosofskie i kul'turnye aspekty)* [Islamic values of Central Asia: tolerance and humanism (historical, philosophical and cultural aspects)]. Tashkent, 2008.
4. Dushenbiev S.U. *Ismaility na poroge XXI veka* [Ismailis on the threshold of the XXI century]. Bishkek, 2007, pp. 7–51.
5. *Kyrgyzy* [Kyrgyz] / A.A. Asankanov, O.I. Brusina, A.Z. Zhaparov. M.: Science 2016. С. 6–623.
6. *Naselenie Kyrgyzstana v nachale XXI veka* [The population of Kyrgyzstan at the beginning of the XXI century] / Ed. M. Denisenko. Bishkek, 2011, pp. 7–18.

7. Sayt kyrgyzstanskoy eparkhii RPTs [The site of the Kyrgyz diocese of the Russian Orthodox Church]. <https://pravoslavie.kg/>
8. Sitnyansky G. Yu. Ot protestantizma islamskogo k protestantizmu evraziyskomu [From Protestantism of Islam to Protestantism, Eurasian]. *Rasy i narody* [Races and Peoples]. M., 2006. Issue 32.
9. Tabyshalieva A. S. Vzglyad na religioznuyu situatsiyu v Kyrgyzstane [A look at the religious situation in Kyrgyzstan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. Stockholm, 1997. № 11.
11. Tekushchiy arkhiv Gosudarstvennoy komissii po delam religiyi KR [The current archive of the State Commission for Religious Affairs of the Kyrgyz Republic].

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Абдылдаева Тамара Чыналиевна, и.о. доцента кафедры религиоведения и теологии, кандидат философских наук
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
ул. Манаса, 101, г. Бишкек, 720033, Кыргызская Республика
toma.chynalieva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara Chynalieva Abdyldeaeva, Associate Professor of the Department of Religious Studies and Theology, Candidate of Philosophical Sciences
Kyrgyz National University named Zhusup Balasagyn
101, Manas Str., Bishkek, 720033, Kyrgyz Republic
toma.chynalieva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-191-212

УДК 2:316.74

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Широкалова Г.С., Шиманская О.К.

Авторы анализируют результативность факторов, формирующих религиозность студенческой молодежи на основе материалов социологического исследования, проведенного в нижегородских вузах. Методологической основой изучения религии как социального института был взят функциональный анализ и теория рационального выбора. Эмпирически подтверждено, что вербальные самохарактеристики религиозности не имеют существенных гендерных отличий. Причину этого авторы видят в изменении религиозных потребностей.

Для атомизированного человека на первый план вышла терапевтическая функция веры, которую не надо отождествлять с компенсаторной, ориентирующей на загробное воздаяние. За рубежом «терапевтами» выступают психологи и психиатры, в России – религиозные институты.

«Веротерапия» дает возможность реализовать базовую потребность в самооправдании. У бога можно вымолить прощение или «купить» его через религиозный институт, обеспечив душевный комфорт. В условиях, когда образовательные институты и семья внушают одни нормы морали, а жить приходится по другим, это крайне важно для самосохранения личности.

Студенты социализировались в условиях посттравматического синдрома, в информационном пространстве, постоянно воспроизводящем утверждения, что религия учитель нравственности, утешитель, источник национальных традиций и т.д. Естественно, что именно они были воспроизведены в ответах юношами и девушками.

Секуляризация в прошлом проявлялась как рефлексия более образованного мужского населения на противоречие научной карти-

ны мира религиозной. Современный гносеологический кризис вызвал сомнения в способности науки дать ответы на мировоззренческие вопросы и стал фактором изменения понятия бога. Религиозные иерархии делают акцент не на создании мира, а образе жизни верующих. В результате формула «чем выше образование, тем ниже религиозность» требует дополнительной верификации в каждом локальном исследовании.

Ключевые слова: религиозность студентов; юноши; девушки; верующие; неверующие; конфессиональная политика государства; семья.

RELIGIOSITY OF STUDENT YOUTH: GENDER ASPECT

Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K.

The authors analyze the effectiveness of the factors that shape the religiosity of student youth on the basis of the materials of a sociological survey conducted in Nizhny Novgorod higher educational establishments. The study of religion as a social institution was methodologically based on the functional analysis and the theory of rational choice. It is empirically confirmed that the verbal self-characteristics of religiosity do not have significant gender differences. The authors see the reason for that in the change of religious needs.

For the atomized person, the therapeutic function of faith has come to the fore, which is not associated with a compensatory function, i.e. with a promise of compensation in the afterlife. In foreign countries, the function of “therapists” is performed by psychologists and psychiatrists, in Russia – by religious institutions.

“Faith therapy” makes it possible to satisfy the basic need for self-justification. One can beg God for forgiveness or “buy” forgiveness through a religious institution thus obtaining spiritual comfort. When educational institutions and the family instill one set of moral rules, but one has to live by quite different rules, this is extremely important for the self-preservation of the individual.

Students socialize in the conditions of post-traumatic syndrome, in the information environment where they have been constantly taught that religion is a teacher of morality, a comforter, a source of national traditions, etc. It is only natural that exactly those assertions have been reproduced by young men and girls in their answers.

In the past, secularization manifested itself as a reflection of a more educated male population on the contradiction between the scientific picture of the world and the religious one. The modern gnoseological crisis has raised doubts as to the ability of science to provide answers to worldview questions and become a factor in changing the concept of God. Religious hierarchs focus on the way of life of believers, rather than on the creation of the world. As a result, the formula “the higher the education, the lower the religiosity” requires additional verification in each local study.

Keywords: *religiosity of students; young men; girls; believers; non-believers; confessional politics of the state; family.*

Если в конце 1980-х преобладали субъективные причины интереса к религии, стимулируемые широко празднуемым в СССР 1000-летием «крещения Руси» [22, с. 89–96], то в настоящее время они объективны и порождены ситуацией, которую можно обозначить емким понятием «многофункциональный социальный шок», в основе которого раскол общества по экономическому критерию, лежащему в основе всех других значимых дифференциаций.

Поскольку социальный тоннель для значительной части населения с конца 1980-х заканчивается «черной дырой», и «сверху», и «снизу» актуализировались поиски идентичности в прошлом. Как точно заметил А. Мегил, «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти», которая может переходить в мемориальную манию [13, с. 138]. А поскольку коммуникативная память охватывает не более 80 лет, стало возможным конструировать историческую православную идентичность дореволюционной России под политический заказ.

Закономерен вопрос: насколько эффективной оказалась конфессиональная политика государства, проводимая уже четверть века?

Какова роль религии как фактора, регулирующего поведение россиян? Для социологии религии это вечные вопросы и ответы на них зависят от многих обстоятельств: конфессиональной принадлежности автора, демографических характеристик и социального статуса респондентов, политического заказа различных акторов, социально-экономической ситуации в стране и т.д. Именно поэтому в научной литературе нет общепризнанных мнений.

Между тем, содержание ответов корректирует конфессиональную политику государства, число лоббистов которой возрастает, особенно со стороны представителей конфессий законодательно отнесенных к традиционным. Отечественное обществоведение всегда фиксировало большую религиозность женщин по сравнению с мужчинами. Сохраняется ли данная тенденция в условиях клерикализации внутренней политики государства? Ответ на этот вопрос мы попытались дать на основе результатов социологического исследования студентов нижегородских вузов.

Чаще религиозность населения России изучается во всероссийском масштабе, что позволяет выявить тренд изменений, но не дает характеристики конкретных социальных групп, поскольку в них они представлены малыми выборками. Цель нашего исследования – оценить роль религии в обществе и личной жизни студенческой молодежи с учетом её гендерных характеристик¹.

Студенческая молодежь выбрана нами по нескольким причинам. В научной литературе и публицистике ярко выражены две позиции: первая – акцентирование религиозного фактора стимулирует раскол молодежи: этнический и религиозный факторы становятся одними

¹ Проанкетировано 1332 студента I–V курсов Нижегородских вузов (по одной группе на каждом курсе). Среди респондентов 394 (29,6%) юношей и 938 (70,4%) девушек. По возрасту: 17 лет – 7,7%, 18 лет – 32,2%, 19 лет – 23,5%, 20 лет – 17%, 21 год – 11,8%, 22 года – 3,3%, 23 года – 1%, 24 года – 1,2%. По месту рождения: жители крупного мегаполиса – 39,7%; областного города – 10%; малых городов – 25,8%; посёлков городского типа – 12,6%; сёл – 11,6%. В целом, 75,5% информантов – представители городской урбанистической культуры, а 24,2% представляют более традиционную социокультурную среду. Обсчет по программе SPSS проведен А.В. Аникиной.

из ведущих мотивов жизнедеятельности молодежи [21, с. 57]. Впрочем, не все обществоведы верят в религию как гарант нравственности или значимый фактор, определяющий образ жизни: при операционализации понятия «духовность» религиозная составляющая часто не включается в инструментарий [12].

Вторая точка зрения прямо противоположна: введение конфессионального образования в светских учебных заведениях стало реальностью и на него возлагаются задачи возрождения духовных ценностей [5, с. 211–212]. Подражая политикам, руководители вузов приглашают иерархов на различные торжества, создают православные клубы, развешивают иконы, строят часовни и храмы... Мнение о православии как действенном хранителе традиций широко распространено не только в России, но и за рубежом [16, с. 17–32].

Выбор той или иной позиции – вопрос не только для академической науки, но в первую очередь – актуальной политики, поэтому для оценки их адекватности проводятся многочисленные эмпирические исследования [2]. Не секрет, что во многих кабинетах сегодня висят/стоят иконы, как свидетельство политической благонадежности хозяина и в назидание подчиненным. Из студентов будет формироваться следующее поколение руководителей, и от его конфессиональной позиции зависит ни много ни мало, судьба государства.

Сегодня нет значимых политических партий, которые бы не «заигрывали» в той или иной форме с религией. Например, в регулярно вносимом фракцией КПрФ в ГосДуму и постоянно отклоняемом большинством депутатов законопроекте «Об Общественных советах по содействию защите нравственности в средствах массовой информации в Российской Федерации» (2013 и 2015 гг.) предлагалось включать в число его членов представителей традиционных религиозных организаций [3].

Примером заигрывания с верующим электоратом и, прежде всего, с церковью, и возложения на неё невыполнимых надежд стал законопроект 2014 г. фракции КПрФ о внесении в паспорта графы «вероисповедание», заполняемой (вначале по желанию) на основе списка из 50 официально зарегистрированных конфессий [14].

Итак, отразилась ли конфессиональная политика государства в мировоззрении и религиозной практике молодежи? Наши данные позволяют дать положительный ответ на этот вопрос. Конфессиональная принадлежность наших респондентов в основном совпадает с конфессиональной структурой РФ [1].

В исследованиях студенчества выборка зачастую сильно смещена в пользу девушек, но расчеты делаются по выборке в целом [8. с. 143–146]. Для выявления специфики религиозности юношей и девушек нами эти группы анализировались отдельно. Верующими себя назвали 48,7% юношей и 52,4% девушек; ответы «и да, и нет» выбрали, соответственно, 25,9% и 27,3%, «нет» – 16,8% и 10,9%. Около 9% затруднились с ответом.

Очевидно некоторое отличие в оценках юношей и девушек, хотя, исходя из истории секуляризации, нами ожидалось более критическое отношение юношей к религии как социальному институту. Впрочем, секуляризация многомерный и сложный процесс, требующий мониторингового исследования качественными методами.

Девушки более положительно оценивают роль религии в обществе, но в целом иерархия функций религиозной веры в обеих группах сохраняется (табл. 1). На первом месте – терапия душевного кризиса, столь характерного для транзитного общества. Напомним русскую пословицу: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Таблица 1.

Мнения респондентов о роли религии в обществе (респондент выбирал 5 основных причин; ранжированы по степени значимости), %

	юноши	девушки
помогает и утешает в трудные минуты	61,8	73,9
помогает в нравственном воспитании людей	61,3	70,4
помогает выжить в стрессовых ситуациях	51,0	58,3
помогает понять самого себя	46,2	56,7
спасает душу	43,0	46,5
помогает лучше понять культуру своего народа и его историю	42,2	45,7
укрепляет семью	30,8	25,8

Окончание табл. 1.

объединяет с единоверцами	24,5	21,6
не приносит ни пользы, ни вреда	19,1	15,1
настраивает против тех, кто имеет другие взгляды	15,7	10,9
приносит вред, т.к. требует смириться с несправедливостью («подставь другую щеку»)	11,1	8,7
другое	3,4	2,2

Нельзя не согласиться с Тарасовой С.: «Социальное расслоение по факту не должно переходить определенные границы, иначе хоть к каждому психиатра приставь – не поможет». Не случайно Россия входит в число стран с высоким уровнем суицидов [18, с. 68, 69].

Характерные для молодежи мировоззренческие поиски поставили самопознание на третье место. Утрата веры в загробный мир отразилась в том, что спасение души менее значимо, чем самовывживание здесь и сейчас.

Почти половина респондентов признает значение религии в становлении и развитии культуры народа. Частые разводы, гражданские браки ставят под сомнение роль веры в укреплении семьи. Разрыв с храмом, как центром общинной жизни, нивелирует значение связей с единоверцами.

Изменение российского законодательства, как условия реализации религиозных потребностей, у респондентов также уходит на второй план, что свидетельствует о приоритетности потребности в психологической стабильности, с одной стороны, и отсутствии навыка анализировать причинно-следственные связи, с другой. Тема отмены гонений на церковь становится менее актуальной не столько из-за ухода поколений и утраты коммуникативной памяти, а с нею эмоционального отношения к прошлому. Главное – актуализация потребности собственного физического и душевного выживания. Это подчеркивает вторичность роли законодательства в общественном мнении перед базовой потребностью в психологической безопасности.

Семья остается «главным проводником религиозности», что подтверждается многими исследованиями, но благодаря клерикализации всего социума, разница становится между юношами и девушками становится менее значимой (табл. 2).

Таблица 2.

Способ вхождения в число последователей конфессии, %

Проходили ли Вы обряд посвящения (вхождения в число последователей) в той или иной конфессии?	юноши	девушки
в детстве, по решению родителей и родственников	54,1	59,0
да, самостоятельно принял решение	5,7	3,4
хочу стать членом выбранной религии в соответствии с обрядом	1,7	1,1
не знаю, не интересовался этим	12,3	13,7
нет	24,8	22,2
не ответили	1,4	0,6

Это корреспондирует с выводом Л.П. Ипатовой, что наиболее распространен «детский» и близкий ему «традиционный» тип религиозного обращения [6, с. 3]. Можно предположить, что в силу возраста у наших респондентов следующие за ним «трагический», «ищущий», «интуитивный», «образцово-показательный», «протестный», «спасающийся», типы обращения представлены в значительно меньшей степени. Распределение ответов в табл. 2 подтверждает этот вывод: мировоззренческие поиски в религиозной сфере характерны для меньшинства.

В то же время родительская семья не обеспечивает воцерковленность молодежи, поскольку большая часть родителей не являются примером в этом отношении: То, что «религиозный капитал» семей не велик через четверть века усиленной клерикализации государства и общества сначала в координатах религиозного плюрализма, а затем регуляции «религиозного рынка» в пользу «традиционных религий», уже нельзя объяснять только атеистическим прошлым. Среди наших респондентов считает свою семью однозначно религиозной треть респондентов (табл. 3).

Таблица 3.

Оценка степени религиозности родительской семьи, %

Вы считаете семью своих родителей:	юноши	девушки
религиозной	34,5	34,4
и да, и нет	38,7	43,4
безразличной к вопросам веры	7,7	8,9
атеистической	2,8	1,9
затрудняюсь ответить	14,0	10,3
другой ответ	2,3	1,1

Как видим, для значительной части студентов информация о религиозности родителей не актуальна, а их вера не проявляется в обыденной жизни. В результате у студентов формируется неустойчивая религиозная ориентация: две трети из них полагают, что «Бог один, а религий много» (табл. 4). Согласие по поводу вселенского единобожия не переходит в оптимизм по поводу единобожия всемирного: лишь каждый десятый считает, что в будущем религии объединятся, почти половина в это не верит, остальные затруднились с ответом. К месту вспомнить афоризм: «Бог создал все, кроме конфессий».

Таблица 4.

Мнения студентов о соотношении понятия «бог» и «религия»

Бог один, религий много	юноши	девушки
да	62,1	69,7
нет	12,3	10,5
затрудняюсь ответить	22,8	18,1
не ответили	2,8	1,7

В качестве примера приведем отношение к праздникам, в которых нередко преобладает религиозный подтекст, всегда основывающийся на сопричастности к чуду. В 40% семей юношей религиозные праздники отмечаются как религиозные, в каждой восьмой как дань народной традиции, в каждой третьей – «когда как», в каждой десятой они не отмечаются. Существенных отличий от семей девушек нет.

Обрядовую религиозность формируют книги и брошюры типа «Как вести себя в храме», продаваемые повсеместно. Популярность их высока: стоят они недорого, но выполняют важную компенсаторную функцию – страдания на земле дают признание на небе. Один из нижегородских писателей рассказал, почему он сменил «писательскую ориентацию»: его брошюры об известных исторических деятелях не продаются, а составленные им «жития святых» раскупаются быстро.

Один из важных показателей, обеспечивающих воцерковленность, – посещение храмов. В 2011 г. Отделом социологии рели-

гии ИСПИ РАН было проведено всероссийское исследование религиозности населения, охватившее 33 населенных пункта и 1600 респондентов. Оно выявило следующие показатели религиозного поведения по массиву «население»: в храм (мечеть) ходят раз в месяц и чаще 8% опрошенных, несколько раз в год – 25% опрошенных, раз в год – 19%, редко, реже раза в год 24%, и 16% никогда не были в храме [17]. Именно на нем настаивает церковь, поскольку это основной источник дохода. Не секрет, что приходам устанавливается финансовый план, определяющий статус клира. Сколько-нибудь значимых гендерных отличий нет и по этому показателю. Меньшинство (менее 10%) более-менее регулярно посещают культовые центры (табл. 5). Большинство либо «захожане», либо индифферентны.

Таблица 5.

Частота посещения церкви (мечети, синагоги, молитвенного дома), %

	юноши	девушки
не реже 1 раза в неделю	2,3	1,8
примерно 1–2 раза в месяц	5,4	7,8
несколько раз в год	36,2	44,3
в религиозные праздники	15,1	16,3
был(а) ради интереса	21,1	18,0
никогда	16,5	10,0
не ответили	3,4	1,8

Налицо низкая степень воцерковленности студенчества. Мы солидарны с С.Д. Лебедевым, что возможность влияния РПЦ «на «Большое общество» сегодня в огромной степени зависит от ее самокритичности и способности работать над собой. Можно сказать, что закончился экстенсивный период ее социального авторитета, основанный на ее социальном и символическом капитале. Нынешние вызовы следует расценивать как начало периода интенсивного, когда этот авторитет она должна активно зарабатывать. Общество в целом все еще ждет от Церкви чего-то, все еще видит в ней авторитетную инстанцию...». Но не можем согласиться, что «рост нынешних критических настроений говорит, скорее, о повышении требований к ней, как к таковой, чем о разочаровании в ней». Не

случайно ведь было и название заседания Научного Совета ВЦИ-ОМ «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации», проведенного еще 25 июня 2012, на котором С.Д. Лебедевым было озвучено данное мнение [11].

В писаниях о святых подчеркивается обрядовая жизнь: посты, молитвы, паломничества... Что касается трудолюбия, то, по мнению подавляющего большинства, трудовая мораль и вера не имеют точек соприкосновения. Это вполне соответствует тому образу верующих, который пропагандируется СМИ: индивидуалист, ориентирующийся на личное спасение, но не «общинник», не коллективист. Характеристики «настоящего верующего» представлены в таблице 6.

Таблица 6.

Признаки, выделяющие, по мнению респондентов, верующего человека, %

Разрешалось выбрать 5 вариантов ответов	Юноши	Девушки
соблюдение постов и времени молитв	58,7	70,2
празднование религиозных праздников	57,3	58,2
знание символа веры и молитв	51,6	52,5
стремление посетить святые места и поклониться наиболее значимым святыням своей веры	43,0	50,9
хорошее знание Священного Писания и Предания своей религии	36,2	39,5
высоко нравственное поведение	35,3	36,5
обязательное соблюдение обрядов	28,2	32,0
активная помощь нуждающимся, больным, сиротам, старикам и др.	27,1	27,0
желание приобщить других к истинам своей веры	25,1	28,5
внешний вид	24,9	19,3
порицание всех неверующих	13,4	13,2
благотворительность на благо своему городу и развитию культуры и науки	11,7	10,0
строгое следование законодательству о свободе совести	10,8	4,5
порицание представителей других конфессий	8,8	5,7
успехи на своем рабочем месте	7,7	3,7
Не выделяется из других	8,0	8,3

Из распределения данных в табл. 6 следует, что девушки несколько больший акцент делают на обрядовую воцерковленность (соблюдение, празднование, посещение храма) и этику, а юноши на предметно-визуализированную (внешний вид) и правовую (не-

обходимость следования нормам законодательства о свободе совести. Многие исследователи отмечают, что быть верующим сегодня респектабельно, а неверующим или еще хуже – атеистом – просто неприлично. Неслучайно, понятие атеист стало исчезать из социологических опросников. Поэтому мы задали вопрос о характеристиках неверующего человека (табл. 7).

Таблица 7.

Признаки, выделяющие, по мнению респондентов, неверующего человека, %

Разрешалось выбрать 3 варианта ответа	Юноши	Девушки
Приверженность материализму и научному позитивизму	48,7	51,3
Незнание религиозных учений, таинств, обрядов и практик	42,5	53,3
Активная пропаганда своих взглядов	38,7	34,9
Хорошее знание истории, философии и психологии религии	34,2	31,2
Стремление препятствовать верующим в отправлении их религиозных потребностей, неуважение к религиозным памятникам и святыням	31,3	35,2
Отрицание морали и нравственных норм, моральный релятивизм	27,1	31,2
Высоконравственное поведение	22,2	11,9
Строгое следование российскому законодательству, провозглашающему принцип свободы совести	21,9	20,7
Внешний вид	19,7	15,6
Другое	7,7	6,7

Неверующие в глазах студентов в своем большинстве тоже не являются образцом: «высоконравственных людей» среди них меньше, чем тех, кто отрицает моральные нормы. Хотя они чаще соблюдают законодательство о свободе совести, треть из них препятствует верующим в отправлении их религиозных потребностей. Они чаще публично отстаивают свою позицию; хотя каждый второй не знает религиозных учений, зато треть хорошо знакома с историей, философией и психологией религии. Особенно критически оценивают их девушки. И хотя в характеристике явно сказываются пропагандистские штампы клерикализма, но в целом и этот, и предыдущий образ косвенно отражает нравственное состояние российского общества.

Сопоставление ответов о должном для верующего человека и реальном поведении самих респондентов свидетельствует, что кри-

терию участия в жизни общины оно не соответствует. Об активном социальном служении всем нуждающимся и говорить не приходится. Молодежь исходит в повседневной жизни из своих целей и условий, в которых находится. В результате повсеместными становятся правила, диктующие логику консьюмеризма, эксплуатирующего и поощряющие страсти, эмоции и пороки, в то время как все основные религии призывают к их ограничению (табл. 8).

Таблица 8.

Самооценка роли религии как регулятора личного поведения, %

	юноши	девушки
всегда следую религиозным заповедям	4,0	0,9
стараюсь следовать заповедям	27,4	31,8
прислушиваюсь к мнению священника (проповедника, пресвитера, духовного учителя)	10,0	7,7
исхожу из реальной ситуации, а не из требований заповедей	32,8	36,4
никогда об этом не задумываюсь	9,4	10,6
никак не сказывается	15,1	11,5
не ответили	1,3	1,1

Распределение ответов не должно вводить в заблуждение: заповеди «не убий, не укради», регламентирующие взаимоотношения людей, по сути, являются светскими, их нарушение наказывается Уголовным кодексом. Убийство же через аборт, не подлежит уголовному наказанию, считали вполне допустимым 30% студенток и 45% студентов МГУДТ [9, с. 203]. Пренебрежение теми, что опираются не на силу госпринуждения, а моральный авторитет и традицию, типа «не завидуй, не прелюбодействуй», не только не осуждается общественным мнением, но и пропагандируется всеми СМИ, включая государственные. Не случайно, «лайковая» самопрезентация в интернете становится целью, нередко реализуемой с угрозой для жизни.

Еще один вопрос был задан о влиянии религии на дружеские отношения. Более терпимы к инакомыслию девушки: половина заявила, что при выборе друзей это не главное – для них традиционно важнее ценности социально одобряемого поведения (юноши – 41,3%). Пропагандируемая в последние годы самоидентификация через отождествление конфессии и национальности одобряется

далеко не всеми. Понятия «русский» и «православный» отождествляют 35,6% юношей и 31,4% девушек. Не согласны с такой формулировкой 45,9% и 49,4%; не задумывался об этом каждый шестой. На аналогичный вопрос: «Тожественны ли для Вас понятия «татарин» и «мусульманин»? – положительно ответило по 28%, 46% выбрали ответ «нет». Не задумывались – 23%.

В условиях социально-экономической напряженности в многонациональном государстве поиски того, что разделяет, политически опасны. Поэтому, на наш взгляд: «Толерантность – это, в первую очередь, не политика, а качество сознания» [10, с. 217]. В 2007 г. Ж.Т. Тощенко писал, что «В целом политика веротерпимости и толерантности важна не сама по себе, а то, что она является важнейшим инструментом сохранения государственной целостности» [20, с. 633]. К сожалению, конфессиональная политика последних лет свидетельствует, что понимания этого, казалось бы, очевидного факта, у российского руководства нет. Хорошо, что молодежь в своем большинстве не «зацикливается» на взаимосвязи национальной и конфессиональной идентичности.

Не только по нашей, но и всероссийской выборке у значительной части опрошенных есть скепсис по поводу роли религии как регулятора поведения. Сильное влияние её на собственную повседневную жизнь отметили 14%; отсутствие какого-либо влияния – 49%, остальные выбрали уклончивую позицию: «не существенно» [15].

Согласимся с К.М. Товбиным: «Поразительных успехов секуляризация добилась на уровне повседневно-бытовом (иллюстрирующем мировоззрение индивидуальное). В сознании современного россиянина все больше утверждаются «моральная миниатюризация» (ограничение моральных норм выгодой и надобностью лишь для себя и своего ближайшего окружения), нигилизм правовой, моральный и духовный...» [19, с. 636, 637].

Подведем некоторые итоги. Во-первых, государство, игнорируя объективные потребности значительной части общества, подстраивая свои функции под интересы обладателей крупных капиталов, создает условия для развития социальных институтов, берущих

на себя функции, от которых оно отказывается. Среди них – религиозные организации, на которые возлагаются большие надежды. В условиях дисфункций государства воцерковление большей части населения рассматривается властью как условие решения проблем и правительства, и общества, и отдельной личности [23, с. 133–145].

Хотя система основных социальных координат является общей для гендерных групп, тревожность ситуации в большей мере осознается юношами, поскольку они находятся в призывном возрасте. В этом проявляется взаимосвязь между религией и политическим процессом, в который вовлечено мужское население. Отметим также, что молодые люди самоопределяются в русле общей жизненной перспективы и им важны ценности социальной успешности. Девушки более склонны к «семейной» рефлексии, им ближе комфортность социального взаимодействия.

Во-вторых, изменились религиозные потребности. Для российского атомизированного человека на первый план вышла терапевтическая функция веры, которая не тождественна компенсаторной, ориентирующей на загробное воздаяние. За рубежом «терапевтами» выступают психологи и психиатры, в России – религиозные институты, стремящиеся заменить советскую «терапию семьи» и «дружеской кухни» после распада социальных связей, проявившегося и в том, что к родным и лучшим друзьям идут после предварительного звонка, а не когда «душа просит». Показательно в этом плане небольшое исследование интернет аудитории. На вопрос «Как вы боретесь в депрессией?» получены следующие ответы: стараюсь отвлечься от проблем – 45%, замыкаюсь в себе – 22%, делюсь проблемами с близкими – 19%, у меня не бывает такого состояния – 9%, свой вариант – 4%, иду к психологу – 1% [7, с. 3]. Нежелание брать на себя чужие проблемы, как и «навешивать» на других свои стало повсеместным.

И еще один аспект «веротерапии»: возможность с помощью бога реализовать базовую потребность в самооправдании. Хотя ни в чем человек так не талантлив, как в искусстве самооправдания, далеко не всегда ближние принимают версию нарушителя морали, закона. У бога же можно вымолить прощение или «купить» его че-

рез религиозный институт, обеспечив себе душевный комфорт. В условиях, когда образовательные институты и семья внушают одни нормы морали, а жить приходится по другим, это крайне важно для самосохранения личности.

В-третьих, отсутствие потребности в воцерковлении, которое обеспечило бы воспроизводство мировоззренческого единства общества, заставило правительство строить идентификацию и консолидацию в форме «гражданской религии». В 2015 г. таковой стала «сакрализация» Победы в Великой Отечественной войне.

В-четвертых, медиасоциализация включает помимо традиционных агентов и институтов фактор новых медиа. Именно они, транслируя модели поведения в безграничном виртуальном пространстве, становятся источником знаний о мире и нашей роли в нем. Их воздействие определяется задачами коммуникатора по внедрению в сознание иерархии ценностей общества потребления, вступающих в противоречие с христианской моралью. В этом пространстве юноши и девушки оказываются в равном положении пользователей медиаресурсами, воспроизводящих навязанные СМИ образцы поведения и жизненные ориентации. В этом одна из причин близости их оценок.

В-пятых, секуляризация в прошлом имела гносеологические корни и проявлялась как рефлексия более образованного мужского населения на противоречие научной картины мира религиозной, требовавшей буквального понимания текстов Библии. Современный гносеологический кризис вызвал сомнения в способности науки дать ответы на мировоззренческие вопросы во всех слоях общества и стал фактором изменения понятия бога. Религиозные иерархи сегодня делают акцент не на создании мира, а образе жизни верующих. В результате формула «чем выше образование, тем ниже религиозность» требует дополнительной верификации в каждом локальном исследовании. В нашей же выборке уровень образования юношей и девушек по формальным характеристикам одинаков.

Список литературы

1. Верим ли мы в бога? // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>. Пресс выпуск № 1461. Опрос проведен ВЦИОМ 23–24 января

- 2010 г. Опрошено 1600 чел в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. См. также: Верим ли мы в бога? <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/294-verim-li-my-v-boga-vciom-1461.html> 30.03.2010. Дата обращения 1.07. 2018.
2. Динамика ценностных ориентаций молодёжи (2006–2014 гг.): монография / Под общей ред. д-ра филос. наук, проф. Савруцкой Е.П. Н.Новгород; СПб., 2014. 233 с.
 3. Законопроекты и законы, работа над которыми завершена. <http://komitet5.km.duma.gov.ru/site.xp/052050052.html>. Дата обращения 29.07. 2015.
 4. Заседание Научного Совета ВЦИОМ: «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации» (25 июня 2012). https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2012/2012-06-25-grc.pdf. Дата обращения 5.07.2018.
 5. Золотавин Я.А. Православное духовное просвещение взрослых как основа нравственного воспитания личности // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X Международной научной конференции. Иваново. 16–17 февраля 2011 г: в 2ч. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2011. Ч. 1. 688 с.
 6. Ипатов Л.П. Типы религиозного обращения в православии женщин в современной России. Автореф. дис. ...к.соц.н. М., 2006. 25 с.
 7. Как вы боритесь с депрессией? // ПРОГОРОД. 11 апреля 2015. С. 3. Опрошено 290 пользователей ProGorodNN.
 8. Кобзева Н.А. Особенности религиозности студентов (на примере православия) //Социс. 2006. № 10. С. 143–146.
 9. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Гендерное пространство в структуре общественного сознания. М.: ИЭА РАН, 2013. 220 с.
 10. Культура. Религия. Толерантность. Культурология: учеб. пособие / О.Н. Сенюткина, О.К. Шиманская, А.С. Паршаков, М.П. Самойлова ; под общ. ред. О.Н. Сенюткиной. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016, 247 с.
 11. Лебедев С.Д. Выступление на заседании НС ВЦИОМ // РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации политической ситуации. К заседанию Научного Совета ВЦИОМ

- 25.06. 2012 г. <http://wciom.ru/fileadmin/nayka/soviet/fedorov.pdf>. Дата обращения 1.05.2018.
12. Липатова Т.Н. Духовный потенциал населения региона: проблема интерпретации и актуализации // Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т.1. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. 696 с.
 13. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
 14. Новикова А. Депутат КПРФ Владимир Федоткин о предложении указывать в паспорте национальность: Люди сами хотят обозначать свою принадлежность к религии // <http://www.kp.ru/online/news/1717976/>. Дата обращения 25.05.2018.
 15. РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации политической ситуации. http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2012/2012-06-25-rpc.pdf. Дата обращения: 11.05.2018.
 16. Рябова Т.Б., Рябов Д.О. Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ // Женщина в российском обществе 2017. № 3 (84). С. 17–32.
 17. Синелина Ю.Ю. Новые тенденции в изменении религиозности россиян // IV Российский социологический конгресс. Социология в системе научного управления обществом. Секция 14. Социология религии. М., 2012. С. 784–785 // Электронный ресурс Интернет: http://all-russia-sc.ru/netcat_files/file/Part14.pdf. Дата обращения 1.05.2015.
 18. Тарасова С. Я сильный – мне все можно? Или Москва – город контрастов // Знание – сила. 2015. № 7. С. 68, 69.
 19. Товбин К.М. Русское мировоззрение в эпоху глобализации // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X Международной научной конференции. Иваново. 16–17 февраля 2011г: в 2ч. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2011. Ч. 1. 688 с.
 20. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Akademia? 2007. 664 с.
 21. Тощенко Ж.Т. Этноконфессиональные проблемы высшего образования // Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т.1. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. 696 с.

22. Широкалова Г.С. Свобода совести как политический инструмент в дискуссиях 1980-х гг. // Социс. 2015. № 3. С. 89–96.
23. Широкалова Г.С. Религия как социальный институт в условиях дисфункций государства // Религия как социальный институт: сборник. Москва «АТИСО», 2011. 427 с.

References

1. *Verim li my v boga?* [Do we believe in God?]. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>. Press release № 1461. The poll was conducted by VCIOM on January 23–24, 2010. 1600 people were interviewed in 140 settlements in 42 regions, territories and republics of Russia. The statistical error does not exceed 3.4%. See also: Do we believe in God? <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/294-verim-li-my-v-boga-vciom-1461.html>
2. *Dinamika tsennostnykh orientatsiy molodezhi (2006-2014 gg.)* [Dynamics of value orientations of young people (2006–2014)]: monograph / ed. Savrutskaya E.P. N. Novgorod; SPb., 2014. 233 p.
3. *Zakonoproekty i zakony, rabota nad kotorymi zavershena* [Bills and laws, work on which is completed]. <http://komitet5.km.duma.gov.ru/site.xp/052050052.html>
4. *Zasedanie Nauchnogo Soveta VTsIOM: «RPTs: vyzovy, razlomy, riski v novoy obshchestvenno-politicheskoy situatsii» (25 iyunya 2012)* [Meeting of the Scientific Council VTsIOM: “ROC: challenges, faults, risks in the new socio-political situation” (June 25, 2012)]. https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2012/2012-06-25-rpc.pdf
5. Zolotavin Ya.A. Pravoslavnoe dukhovnoe prosveshchenie vzroslykh kak osnova npravstvennogo vospitaniya lichnosti [Orthodox spiritual enlightenment of adults as the basis of moral education of personality]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh veka. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo. 16-17 fevralya 2011g.: v 2ch* [State, society, church in the history of Russia of the twentieth century. Materials of the X International Scientific Conference. Ivanovo. February 16–17, 2011: at 2 hours]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2011. Part 1. 688 p.
6. Ipatova L.P. *Tipy religioznogo obrashcheniya v pravoslavie zhenshchin v sovremennoy Rossii* [Types of religious conversion in the Orthodoxy of women in modern Russia]. M., 2006. 25 p.

7. Kak vy borites' s depressiyey? [How do you deal with depression?]. *PROGOROD*. April 11, 2015. P. 3.
8. Kobzeva N.A. *Sotsis*. 2006. № 10, pp. 143–146.
9. Kotovskaya M.G., Shalygina N.V. *Gendernoe prostranstvo v strukture obshchestvennogo soznaniya* [Gender in the structure of public consciousness]. Moscow: IEA RAS, 2013. 220 p.
10. Senyutkina O.N., Shimanskaya O.K., Parshakov A.S., Samoylova M.P. *Kul'tura. Religiya. Tolerantnost'. Kul'turologiya* [Culture. Religion. Tolerance. Culturology]; Ed. O.N. Senyutkina. Moscow: INFRA-M, 2016, 247 p.
11. Lebedev S.D. Vystuplenie na zasedanii NS VTsIOM [Speech at the meeting of the National Council of the All-Russian Public Opinion Research Center]. *RPTs: vyzovy, razlomy, riski v novoy obshchestvenno-politicheskoy situatsii politicheskoy situatsii. K zasedaniyu Nauchnogo Soveta VTsIOM 25.06.2012* [ROC: challenges, faults, risks in the new socio-political situation of the political situation. To the meeting of the Scientific Council VTsIOM 25.06.2012]. <http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovet/fedorov.pdf>
12. Lipatova T.N. Dukhovnyy potentsial naseleniya regiona: problema interpretatsii i aktualizatsii [Spiritual potential of the region's population: the problem of interpretation and actualization]. *Gumanitarii v XXI veke* [Humanities in the 21st century] / Ed. Z.H. Saraliev. Vol. 1. N. Novgorod: Izdatelstvo NISOTS, 2013. 696 p.
13. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. M.: "Canon +", ROOI "Rehabilitation", 2007. 480 p.
14. Novikova A. *Deputat KPRF Vladimir Fedotkin o predlozhenii ukazyvat' v pasporte natsional'nost': Lyudi sami khotyat oboznachat' svoyu prinaldlezhnost' k religii* [Communist MP Vladimir Fedotkin on the proposal to indicate in the passport a nationality: People themselves want to denote their belonging to religion]. <http://www.kp.ru/online/news/1717976/>
15. *RPTs: vyzovy, razlomy, riski v novoy obshchestvenno-politicheskoy situatsii politicheskoy situatsii* [ROC: challenges, faults, risks in the new socio-political situation of the political situation]. http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2012/2012-06-25-rpc.pdf

16. Ryabova T.B., Ryabov D.O. Semeynye i religioznye tsennosti kak resurs «myagkoy sily» rossii: diskussii v sovremennykh rossiyskikh i zapadnykh SMI [Family and Religious Values as a Resource of Russia's "Soft Power": Discussions in Modern Russian and Western Media]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. 2017. № 3 (84), pp. 17–32.
17. Sinelina Yu.Yu. Novye tendentsii v izmenenii religioznosti rossiyan [New trends in the change of religiosity of Russians]. *IV Rossiyskiy sotsiologicheskii kongress. Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom. Sektsiya 14. Sotsiologiya religii* [IV Russian sociological congress. Sociology in the system of scientific management of society. Section 14. Sociology of Religion]. M., 2012, pp. 784–785 http://all-russia-sc.ru/netcat_files/file/Part14.pdf
18. Tarasova S. Ya sil'nyy – mne vse mozjno? Ili Moskva – gorod kontrastov [I am strong - can I do anything? Or Moscow is a city of contrasts]. *Znanie – sila* [Knowledge is power]. 2015. № 7, pp. 68, 69.
19. Tovbin K.M. Russkoe mirovozzrenie v epokhu globalizatsii [Russian world outlook in the era of globalization]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh veka. Materialy Kh Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo. 16–17 fevralya 2011g: v 2ch.* [State, society, church in the history of Russia of the twentieth century. Materials of the X International Scientific Conference. Ivanovo. February 16–17, 2011: at 2 hours]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2011. Part 1. 688 p.
20. Toshchenko Zh.T. Teokratiya: fantom ili real'nost'? [Theocracy: phantom or reality?]. M.: Akademia? 2007. 664 p.
21. Toshchenko Zh.T. Etnokonfessional'nye problemy vysshego obrazovaniya [Ethnoconfessional problems of higher education]. *Gumanitarii v XXI veke* [Humanities in the 21st century] / Ed. Z.H. Saralieva. Vol. 1. N. Novgorod: Izdatelstvo NISOTS, 2013. 696 p.
22. Shirokalova G.S. Svoboda sovesti kak politicheskii instrument v diskussiyakh 1980 [Freedom of conscience as a political tool in the discussions of the 1980s.]. *Sotsis.* 2015. No. 3, pp. 89–96.
23. Shirokalova G.S. Religiya kak sotsial'nyy institut v usloviyakh disfunktsiy gosudarstva [Religion as a Social Institute in Conditions of State

Dysfunctions] *Religiya kak sotsial'nyy institute* [Religion as a Social Institute]: Collection. Moscow "ATISO", 2011. 427 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук,
профессор, зав.кафедрой
Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия
пр-кт Гагарина, 97, г. Нижний Новгород, 603107, Российская Федерация
shirokalova@list.ru

Шиманская Ольга Константиновна, кандидат философских наук,
доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31А, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
shimansk@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shirokalova Galina Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department
Nizhny Novgorod State Academy of Agriculture
97, pr-kt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603107, Russian Federation
shirokalova@list.ru

Shimanskaya Olga Konstantinovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31A, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
shimansk@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИОСОФИЯ Н.А. ВАСИЛЬЕВА В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН XX ВЕКА Прядко И.П.	12
ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ: ДИАМЕТРАЛЬНАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИЛИ ЦЕЛОСТНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ? Глушко И.В.	24
РИСК КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ «ОБЩЕСТВА РИСКА» УЛЬРИХА БЕКА Немеров Е.Н.	37
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ Никулина М.А., Джамалова Б.Б., Колодиев М.Ю., Шулова Е.Ю.	48
МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ) Шмелева Ж.Н.	65
«ФАКТОР ДЕСТРУКЦИИ» А. ДЕ МЮССЕ В СВЕТЕ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX–XX ВВ. Кудряшов С.В.	80
ТЕМА ЛЮБВИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ УТОПИИ (Н. БЕРДЯЕВ, С. ФРАНК, Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ) Митина Н.Г.	101

ИДЕИ ОТЕЧЕСТВА И ПАТРИОТИЗМА ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ Мацневский Г.О., Мацневская Г.А.	114
К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ Клюев А.А.	132
ЛАБОРАТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА: ЭТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ Асташова Н.Д.	143
СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА В ЭТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИИ Пыжова О.В.	151
ПУТИ ЛОГОСА И ЭЙДОСА: АНТИЧНЫЙ РАЗУМ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ Соболев Ю.В.	165
ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ Абдылдаева Т.Ч.	178
РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ Широкалова Г.С., Шиманская О.К.	191
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	214

CONTENTS

PHILOSOPHICAL STUDIES

N.A. VASILYEV'S HISTORIOGRAPHY IN THE MIRROR OF SOCIAL AND SOCIAL-POLITICAL DOCTRINES OF THE XX CENTURY Pryadko I.P.	12
TRUST AND MISTRUST DIAMETRICAL OPPOSITE OR THE INTEGRAL SOCIAL REALITY? Glushko I.V.	24
RISK AS A STRUCTURAL ELEMENT OF MODERN CIVILIZATION IN THE "RISK SOCIETY" CONCEPT BY ULRICH BECK Nemerov E.N.	37
SOCIAL RISKS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: PHILOSOPHICAL REFLECTION Nikulina M.A., Dzhamalova B.B., Kolodiyev M.Yu., Shulova E.Yu.	48
MODELS OF LINGUISTIC COMMUNICATION (SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS) Shmeleva Zh.N.	65
"DESTRUCTION FACTOR" OF A. DE MUSSET IN LIGHT OF STRUCTURE ANALYSIS OF EUROPEAN CULTURE OF XIX–XX CENTURIES Kudriashov S.V.	80
THE THEME OF LOVE IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL UTOPIA (N. BERDYAEV, S. FRANK, D. MEREZHKOVSKY) Mitina N.G.	101

IDEAS OF THE FATHERLAND AND PATRIOTISM OF THE FIRST SOVIET POLITICAL ELITE Matsievsky G.O., Matsievskaya G.A.	114
THE ROLE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE SOCIO-POLITICAL PROCESSES Kluyev A.A.	132
THE LABORATORY OF THE HUMAN BODY: ETHICAL ISSUES Astashova N.D.	143
THE CONSENT OF THE PATIENT IN THE ETHICAL AND LEGAL DISCOURSE IN THE EARLY 20TH CENTURY IN RUSSIA Pyzhova O.V.	151
THE WAYS OF LOGOS AND EIDOS: ANTIQUE MIND IN SEARCH OF THE TRUTH Sobolev Y.V.	165
ETHNO-RELIGIOUS SITUATION IN MODERN KYRGYZSTAN Abdyldaeva T.Ch.	178
RELIGIOSITY OF STUDENT YOUTH: GENDER ASPECT Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K.	191
RULES FOR AUTHORS	214

Подписано в печать 29.06.2018. Дата выхода в свет 29.06.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,96. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP102/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.